

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Челябинский государственный
педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

кандидат экономических наук, доцент
Сергей Александрович Головихин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук
Алексей Михайлович Обжорин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 27.10.2014 г.

Формат 70×108¹/₁₆

Усл. п. л. 8,75. Тираж 300 экз.

Заказ № 4839.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**И.В. Бормотов, Ю.Н. Хмара**

Социально-философское обоснование
специфики и содержания ценностей
русской молодежи 7

ВЛАСТЬ**Ю.В. Василенко**

Между Просвещением
и испанским католицизмом:
случай падре А.Х. Родригеса13

С.А. Новикова

Российские хэштеги микроблога
«Твиттер» как политико-
идентификационный маркер..... 20

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**А.В. Ильиных, О.С. Смородина**

Конституционная идея
разделения властей
в условиях федеративного государства
и её современная трактовка 27

А.С. Черепашкин, И.Д. Бадамшин

К вопросу о содержании целей
наказания в уголовном праве 33

С.В. Лескина, Н.Ю. Киверник

Коллокативные конструкции
как облигаторная лингвистическая
составляющая юридических документов
на русском и английском языках..... 39

А.В. Шелудков

По ту сторону консенсуса:
проблемы развития в международном
переговорном процессе по климату44

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор,
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- Е.А. Неживенко* – доктор экономических наук,
доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

**С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов,
О.П. Иванов, А.В. Кочеров**
Валовой региональный продукт
как интегральный показатель
развития региональной экономики:
специфика и проблемы
использования50

В.Л. Бенин, О.В. Фролов
Культурные функции компетентности
менеджеров государственного
управления 55

А.В. Каплан
Обоснование вектора
социально-экономического развития
горнодобывающего предприятия60

Л.М. Муталиева, М.Р. Смыкова
Современные мировые тренды
гостиничного бизнеса и возможности
их применения в Казахстане 70

Т.И. Бухтиярова, А.В. Дубынина
Организационно-экономический
механизм реализации
инновационных целей развития
экономики 74

М.А. Харлов Публикация отозвана 30.05.2023
Управление знаниями
и рефлексивные начала в среднем
профессиональном образовании.....80

Н.Ю. Коротина
Теоретические основы
государственного и муниципального
финансового менеджмента86

ИСТОРИЯ

Г.С. Смирнов
Детские загородные оздоровительные
лагеря на Урале в постсоветское время:
проблема выживания.....91

А.Г. Подмарицын
Антицерковная кампания
в Чувашско-Чебоксарской епархии
рубежа 50–60-х гг. XX века (на примере
незаконного обложения налогами
архиепископа Мануила (Лемешевского) ..96

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

С.С. Смирнов

Геополитическая сущность переселенческой политики
П.А. Столыпина 101

В.А. Воропанов

Развитие системы государственной гражданской службы в Российской империи во второй половине XVIII в.
Часть первая. Управление канцелярскими кадрами 106

И.В. Куприянова

«Религиозная свобода» в интерпретации и практике старообрядческих сообществ Алтая (1900–1910-е гг.) 112

А.А. Авдашкин

Модели воспроизводства этнокультурной идентичности: на примере еврейского населения Челябинской области (1989–2003 гг.) 118

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

В.О. Лобовиков

Закон единства и борьбы противоположностей как формально-аксиологический закон двузначной алгебры философии 124

С.М. Похлебаев

Критический анализ статьи В.О. Лобовикова «Диалектический материализм „в цифровом формате“» 131

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Канаева

Индийский теизм в свете философско-компаративного анализа 137

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor
S.A. Golovihin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
 (Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philological Sciences
A.M. Obzhorin
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 27.10.2014.
 Format 70x108^{1/16}
 Reference sheet area 8,75. Issues – 300.
 Order № 4839

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk,
 Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIUM

I.V. Bormotov, Y.N. Khmara

Russian youth's peculiar features
 and values. Social and philosophical
 substantiation 7

POWER

Y.V. Vasilenko

Between the age of enlightenment
 and Spanish catholicism:
 event of padre A.J. Rodriguez 13

S.A. Novikova

Russian hash-tags at micro-blog
 «Twitter» as a political
 and an identification marker 20

STATE AND LAW

A.V. Ilyinykh, O.S. Smorodina

Constitutional idea of separation
 of powers in the federal state
 and its modern interpretation 27

A.S. Cherepashkin, I.D. Badamshin

On the content of penalty targets
 in criminal law 33

S.V. Leskina, N.Y. Kivernik

Collocations as obligatory linguistic
 components of legal documents
 in Russian and in English 39

A.V. Sheludkov

On the other side of consensus:
 problems of development in international
 negotiation process on climate 44

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor
(Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
E.A. Nezhivenko – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

**S.S.Gordeyev, S.G. Zyryanov,
O.P. Ivanov, A.V. Kocherov**

Gross regional product
as the integral component
of regional economy development:
specific and problems of use 50

V.L. Benin, O.V. Frolov

Cultural functions of state managers'
competence 55

A.V. Kaplan

Substantiation of vector
of socio-economic development
of mining company 60

L.M. Mutaliev, M.R. Smykova

Modern world trends of hotel
industry. Possibility of their usage
in Kazakhstan 70

T.I. Bukhtiyarova, A.V. Dubynina

Organizational economic mechanism
of realization of economic
development innovative goals 74

M.A. Kharlov Retracted 30.05.2023

Knowledge management
and reflexive principles in secondary
professional education 80

N.Y. Korotina

Theoretical bases of state and
municipal financial management 86

HISTORY

G.S. Smirnov

Children health summer camps in Urals
in post soviet period. The problem
of survival 91

A.G. Podmaritsyn

Anti-religious campaign in the diocese
of Chuvashia and Cheboksary
in the 1950s and 1960s (by the example
of illegal taxation of Metropolitan
Manuil (Lemeshevsky) 96

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:

Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

S.S. Smirnov

Geopolitical entity of P.A. Stolypin migration policy 101

V.A. Voropanov

Development of the system of state civil service in Russian Empire in XVIII century. The first part. Clerical staff management106

I.V. Kupriyanova

«Religious freedom» in interpretation and practices of Altai old believer Communities (1900–1910)112

A.A. Avdashkin

Models of reproduction of ethnocultural identity by the example of Jews in Chelyabinsk region (1989–2003) 118

DISCUSSIONS AND DEBATES

V.O. Lobovikov

The law of the unity and conflict of opposites as a formal-axiological law of two valued algebra of philosophy124

S.M. Pokhlebayev

Critical analysis of V.O. Lobovikov's article «Dialectic materialism «in digital format» 131

CRITICISM AND REVIEWS

N.A. Kanaeva

Indian theism in the light of philosophical comparative analysis..... 137

УДК 304.2

СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ И СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Бормотов Игорь Владимирович,

Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации,
Тульский филиал,
заведующий кафедрой философии,
истории и права,
кандидат философских наук, доцент,
г. Тула, Россия.
E-mail: benaris1954@yandex.ru

Хмара Юрий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры политологии,
истории и философии,
кандидат политических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия
E-mail: travopol@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена социально-философскому обоснованию специфики и содержания ценностей российской молодежи. В ней анализируются специфические отличия ценностей молодежи от социальных ценностей. Выясняется единство объективной и субъективной сторон природы ценностного отношения, которое можно понимать в качестве особого характера независимости от субъекта, то есть в смысле подчиненности ценностных отношений законам социального развития. Предлагается методология исследования ценностей современной российской молодежи посредством анализа их содержания. Для этого в статье используется целый ряд взаимосвязанных подходов: онтологический, гносеологический, аксиологический, системный и социальный.

Ключевые понятия:

ценность, специфика, содержание, молодежь, объективное, субъективное.

В современных условиях изучение новых аспектов в раскрытии специфики и содержания ценностей связано с переосмыслением аксиологических оснований современного бытия и мышления, а также с необходимостью увязки теории ценностей с системой общественных потребностей и интересов социального развития. Исследование данных моментов следует отнести к выяснению сущности ценностей современной российской молодежи.

При рассмотрении ценностной проблематики в философской литературе выделяется ряд подходов. В одном случае это связывают с признанием объективного характера ценностей, на который наслаиваются субъективные свойства [7, с. 81]. В другом – ценность определяется в качестве единства объективного и субъективного, при этом саму объективность понимают так, что ценностные явления формируются помимо воли и желания человека. Данный подход очень распространен, но он подвергался и подвергается обоснованной критике, как механистический.

Реальные факты и события, свойства и вещи не только воспринимаются, познаются людьми, но и оцениваются, вызывая в нас чувство участия, восхищения, любви или, напротив, чувство ненависти или презрения. Единство объективной и субъективной сторон природы ценностного отношения можно понимать и в смысле особого характера независимости от субъекта, то есть в смысле подчиненности ценностных отношений законам социального развития. Мы придерживаемся данной точки зрения, поскольку объективный момент в ценностях опосредован потребностями и интересами субъекта. Исследуя природу ценностей, необходимо сделать вывод, что субъективный момент возрастает на протяжении переходов от потребности к интересу и от интереса к ценности. Ценность вообще может существовать в виде субъективной структуры личности, равно как и в форме объективированных отношений в виде некоторых свойств результатов человеческого труда. Но противопоставление различных форм ценностей (материальных, духовных, общественных, групповых, личных, религиозных, политических и т.д.) и представление одной из них в качестве истинной неправомерно, потому что само содержание ценностного отношения едино. Оно представляет собой человеческое измерение явлений природной и социальной действительности. Другими словами, понятие ценности выражает общественную сущность бытия материальной и

духовной культуры. Если что-то материальное или духовное выступает как ценность, то это означает, что оно так или иначе включено в условия общественной жизни личности, выполняет определенную функцию в ее взаимоотношении с природой и социальной действительностью. Люди постоянно оценивают все, с чем они имеют дело, с точки зрения своих потребностей, интересов. Отношение личности к миру всегда носит оценочный характер. И эта оценка может быть объективной, правильной, прогрессивной или ложной, субъективной, реакционной. В мировоззрении личности научное познание мира и ценностное отношение к нему находятся в неразрывном единстве.

Таким образом, понятие ценности тесно связано с понятием культуры и подразумевает определение того или иного объекта материальной или духовной реальности, высвечивающее его положительное или отрицательное значение для человека или человечества. «Ценность» – одна из особых характеристик жизнедеятельности людей и социума.

Научный анализ сущности ценностей предполагает выделение важнейших их черт и особенностей. Наиболее плодотворный путь решения этой задачи – уяснение места и роли данного феномена в социальной философии.

Прежде всего, следует отметить, что ценности молодежи представляют собой часть целого. Они являются одним из видов социальных ценностей и характеризуют собой разнообразие мировоззренческие и социальные позиции различных субъектов. Вместе с тем это не простая, а специфическая часть социальных ценностей, в которой своеобразно взаимодействует общее и особенное.

В методологическом отношении важным является вопрос о роли ценностей молодежи в общей системе социальных ценностей. Его решение заключается в том, что, выступая стороной, аспектом, срезом практической деятельности, ценности в то же время обладают уникальным свойством направлять эту деятельность на реальные поступки и дела. Это обусловлено тем, что практически любой акт социальной и профессиональной деятельности сопровождается ценностными отношениями. Так, например, Г.П. Выжлецов в своей статье приводит слова американского ученого Г. Лассуэла о том, что «ценность напоминает атмосферное давление, которое невозможно увидеть, но все его чувствуют» [4, с. 57]. Эта неуловимость ценностей, вызы-

вающая основные затруднения философов, объясняется сложным, многоуровневым характером их бытия. Ценности существуют и функционируют объективно в практике реальных отношений и субъективно осознаются и переживаются в качестве ценностных категорий, норм, целей и идеалов, которые, в свою очередь, через сознание и духовно-эмоциональное состояние людей и социальных общностей оказывают обратное воздействие на всю индивидуальную и общественную жизнь. Все сказанное позволяет увидеть, как в ценностях сложно переплетается объективное и субъективное содержание деятельности и сознания.

Чем же отличаются ценности молодежи от других видов социальных ценностей. Для того чтобы показать специфические отличия ценностей необходимо в качестве оснований взять те или иные критерии, по которым и можно проследить их специфику.

1. По субъекту. Ценности делятся в зависимости от субъекта на глобальные, социальные, групповые и индивидуальные. Основным носителем ценностей современной российской молодежи является социальная группа, которая имеет такие ярко выраженные признаки, как: психовозрастной аспект, собственная культура, субъектно-объектные отношения, ориентации на будущее (футурологический аспект) и наличие собственной системы ценностей. Ценности современной российской молодежи, с одной стороны, ориентируются на глобальные, социальные ценности мирового сообщества и социума, а с другой – имеют свою уникальность, неповторимость и особенность формирования. Своеобразие ценностей молодежи проявляется и в том, что они ориентированы и на настоящее и на будущее одновременно.

2. По форме выражения. Выделяют следующие типы ценностей: социальные, политические, правовые, моральные, эстетические и религиозные. Следует отметить, что все они в той или иной мере присутствуют в сознании молодежи, наполняя при этом в разной пропорции ценностный мир молодых людей. По мнению Д.А. Леонтьева, можно выделить три формы существования ценностей:

1) идеальные ценности – выработанные общественным сознанием и обобщенными представлениями о совершенстве;

2) предметно воплощенные – зафиксированные в культуре выражения ценностных идеалов, реализующихся посредством человеческой деятельности (причем воплощением их может выступать либо сам процесс деятельности – деяние, либо объективиро-

ванный продукт деятельности – произведение);

3) личностные – ценностная система субъекта, выступающего средством осознания значимости предмета или явления для удовлетворения его потребностей [6, с. 22–24].

Форма всегда соотносится с содержанием, в этом отношении содержание является наиболее подвижным и изменчивым. Если использовать это соотношение применительно к ценностям, то в качестве формы будет выступать понятие «ценность», а его содержание будет постоянно наполняться новым смыслом. Следует заметить, что форма и содержание в ценностном отношении могут меняться местами, это связано с тем, что новая форма может задать очередной предел для развития содержания. Диалектика формы и содержания позволяет ценностям постоянно изменяться.

3. По механизму регулирования. Ценности являются важным звеном в регуляции поведения современной российской молодежи наряду с мотивами, оценками, поступками, нормами и результатами [2, с. 10–11]. Ценности существуют и функционируют объективно в практике социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются в качестве целей и идеалов, которые, в свою очередь, через сознание и духовно-эмоциональное состояние молодых людей оказывают обратное воздействие на всю индивидуальную и общественную жизнь.

Специфика процесса формирования ценностей такова, что отраженные в сознании молодых людей социальные требования общества и молодежной субкультуры сливаются с наличной субъективной системой позитивно или негативно окрашенных знаний, логических образов и представлений. В этом плане ценности молодежи выступают в качестве критериев оценки, ориентиров, указывающих на возможные пути и средства реализации принимаемых решений в процессе получения образования, начала трудовой деятельности, создания семьи и т.д. В качестве оснований оценки здесь используются потребности и мотивы. При этом оценочная деятельность предстает в качестве процесса, который наполняет ценностным содержанием поведение молодых людей.

4. По сфере регулирования. Ценности молодежи в отличие от других видов ценностей определяют не только форму и условия реализации побуждений молодых людей, но и сами становятся источниками их целей. Они имеют свою четко очерченную сферу, в которой осуществляется процесс их

целеполагания, упорядочения и осмысления путем сопоставления сущего и должного в современной системе социальных координат. Ценности современной российской молодежи дают основания для выбора целей и средств, с помощью которых определяются границы развертывания действия, таким образом, ценности не только регулируют, но и направляют эти действия. Это позволяет им определять жизненную перспективу и «вектор» развития различных групп молодежи.

Важной методологической проблемой исследования ценностей современной российской молодежи является анализ ее содержания. Следует учитывать, что оно исторически подвижно, изменчиво, релятивно, и каждая эпоха накладывает на него свой неповторимый отпечаток. Вместе с тем среди ценностей молодых людей наблюдается определенная преемственность, благодаря чему многие из них выдержали проверку временем и практикой. Поэтому общая картина аксиологического развития известных нам формаций и цивилизаций необычайно противоречива: периоды прогресса сменяются периодами падений и кризисов. Для того чтобы понять причины этих процессов, необходимо их ценностное измерение.

В исследовании содержания ценностей современной российской молодежи целесообразно использовать ряд взаимосвязанных подходов.

Онтологический подход. Его суть состоит в онтологизации ценностей, бытие которых подчинено особым законам, отличным от законов бытия материального мира, базирующихся на эмпирической очевидности надындивидуального существования и исходящем от них императиве долженствования, не укладывающемся в естественно-природный детерминизм материального мира. Происходит объективация ценностного содержания, которое не зависит ни от человека, ни от человечества. Это происходит потому, что общечеловеческое и объективное – несоразмерные понятия. Если общечеловеческое соотносится с личностным, то объективное с субъективным.

Ценности представляют собой как социальное, так и личностное явление, в котором диалектически взаимодействуют объективное и субъективное. Научный подход к анализу соотношения объективного и субъективного в ценностях предполагает уяснение содержания и особенностей каждой из сторон.

Содержание объективной стороны проявляется в том, что ценности воспринимаются молодыми людьми как определенные,

«объективные» требования общества или молодежной субкультуры, благодаря которым ценности выступают в качестве императивов поведения молодых людей. Объективная необходимость функционирования ценностей имеет, по крайней мере, два аспекта. С одной стороны, она детерминирована существующими в обществе нормами, правилами и профессиональными кодексами поведения. С другой стороны, ценности выступают объективными, независимыми от наших желаний и склонностей источниками мотивации нашего поведения. Вполне естественно было бы предположить, что объяснение объективной необходимостью ценностей должно охватывать оба эти аспекта, однако на практике, оказывается, очень сложно совместить их в одной теоретической конструкции, и если один аспект получает объяснение в той или иной концепции, то второй, как правило, остается необъясненным. Это и есть свидетельство необычайной сложности объекта исследования.

Ценности современной российской молодежи складываются не только под влиянием и в результате социальных требований, но и благодаря творческой активности молодых людей, их мотивов, целей, установок, способности принимать самостоятельные решения, все это вместе взятое составляет субъективную сторону онтологического подхода.

Определяющим началом ценностей является человек, его достоинство, самооценочность, внутренние установки, интересы, личностные предпочтения, самобытность и т.д. Ценности выражают «внутренний код, шифр всей полноты информации о субъекте, выносимой в мир, выражая его стремление к присутствию, раскрытию и усовершенствованию собственной природы» [1, с. 17].

Игнорирование или недооценка субъективных возможностей в реализации ценностей молодежи ведет к ограничению ее прав и свобод в обществе и как следствие – к обособлению от него. Это приводит к тому, что молодые люди начинают утрачивать общекультурные, национальные и ценностные характеристики и становятся более экстремальными и агрессивной группой по отношению к внешнему миру и другим поколениям. Возвышение же молодых людей над «простым удовлетворением влечений и инстинктов» делает их «творцами ответственности», способными «даже умереть ради спасения своих идеалов и ценностей» [8, с. 118].

Единство объективной и субъективной сторон онтологического подхода представляет собой непрерывный процесс возникно-

вания и разрешения противоречий между ними, что дает импульс, источник саморазвития ценностей современной российской молодежи.

Гносеологический подход охватывает довольно широкий спектр вопросов. Вот лишь некоторые из них: являются ли ценности отражением материального бытия или самостоятельной сущностью, субстанцией; насколько полно и адекватно можно познать ее; какова структура ценностей и критерии ее определения применительно к конкретным обстоятельствам.

В результате этого в сознании молодых людей возникает определенная совокупность представлений, знаний, убеждений и эмоций, составляющих ценностный потенциал молодежи и позволяющий ей, с одной стороны, оценивать смысл и значимость социальных требований и предписаний общества, а с другой – вырабатывать собственное отношение к ним и свободно выбирать тот или иной способ поведения.

В научной литературе и общественном сознании длительное время складывались различные подходы к осмыслению гносеологических вопросов, связанных с природой и сущностью ценностей. Так, например, ценности молодых людей ориентируются в большей степени на предпочтения разных по своей направленности молодежных групп или субкультур, чем на общепринятые критерии культуры и нравственности. Оценивая их не абстрактно, а, соизмеряя с тенденциями развития общественных процессов, гуманистическими идеалами, важно понимать, могут ли они иметь негативный вектор личностной и социальной направленности, могут ли ценности быть контрпродуктивными по отношению к культуре, благу людей, общественному прогрессу. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Какую бы природу ни имели ценности (религиозную, нравственную, философскую, научно-рациональную, эстетическую), они, прежде всего, воспринимаются и оцениваются молодыми людьми как в позитивном контексте, так и в негативном.

Аксиологический подход к ценностям молодежи позволяет выявить, каковы возможности преобразования ценностей в культурные новации, какие позитивные и негативные явления присущи социальной реальности, как осознать происходящие в ней сдвиги и перемены; определить, какие ценности сегодня детерминируют ее развитие. Все это обуславливает возрастание интереса к изучению проблемы ценностей молодого поколения России, процессы, про-

исходящие в ценностном сознании молодежи. Аксиологический анализ этой проблемы представляет огромный научный и практический интерес – достоверное знание о том, какие ценности являются ориентиром для молодежи, позволяют прогнозировать дальнейшие перспективы развития российского общества и в конечном итоге предвидеть ближайшее и весьма отдаленное будущее страны.

Молодые люди живут в состоянии мировоззренческой оценки происходящих событий, они ставят перед собой задачи, принимают решения, реализуют свои цели. При этом их отношение к окружающему миру (обществу, природе, самим себе) связано с двумя видами оценки – практической и абстрактно-теоретической (познавательной). Роль связующего звена между практической и познавательной оценкой выполняет аксиологический подход.

Его суть состоит в том, что ценности молодых людей вне социальной реальности существовать не могут, так как они представляют особый тип значимости предметов и явлений. Ценности являются производными от соотношения общества и человека. Они имеют причудливую конфигурацию и специфически проявляются во взаимодействии молодых людей; «младшие поколения демонстрируют большую ориентацию на постматериалистические ценности, нежели старшие» [3, с. 47]. Это обусловлено тем, что в молодости человек получает образование, создает свою семью и строит собственную карьеру; в среднем возрасте он осуществляет реализацию этих планов; позднее он оценивает себя и окружающих, исходя из ранее им пережитого и достигнутого. В целом это может определять различный «временной локус» ценностей в молодом, среднем и пожилом возрасте, в качестве источников их направленности будут выступать будущее, настоящее или прошлое. В этом контексте можно упрощенно показать ценности адаптации, социализации и индивидуализации, отражающие ориентацию соответственно на прошлое, настоящее и будущее.

К числу основных аксиологических принципов, определяющих выбор российской молодежи, относятся:

- равноправие всех философских взглядов в рамках ценностей молодежи (при сохранении разнообразия ее культурных и этнических особенностей);
- равнозначность традиций и творчества, признание необходимости изучения и использования учений прошлого и возможности открытия в настоящем и будущем;

- равенство молодых людей, их прагматизм вместо споров об основаниях ценностей; диалог вместо безразличия или отрицания друг друга.

Системный подход к анализу ценностей современной российской молодежи представляет собой одну из форм методологического знания, связанного с исследованием, проектированием и конструированием объектов как систем [5, с. 137–138]. Он включает в себя несколько направлений:

- системное изучение предметов и явлений, которые имеют ценностное содержание;
- системный анализ ценностей основывается на их закономерности, взаимозависимости, иерархичности и координации в системе, устойчивости и существенности их связей и взаимоотношений;
- системно-содержательный анализ ценностей позволяет вскрыть их совокупность в качестве элементов предмета исследования, которые составляют его содержание;
- системно-функциональный анализ ориентирует на рассмотрение различных аспектов проявления системы, ее взаимодействия с другими системами (внешний аспект функционирования), взаимодействия элементов самой системы (внутренний аспект функционирования).

В методологическом плане целесообразно рассматривать ценности молодежи именно в качестве системы, которая представляет собой относительно самостоятельное целостное явление, осуществляющее свое развитие в результате воздействия внутренних и внешних дестабилизирующих факторов.

Особенностью системного подхода при изучении ценностей является:

- выявление условий и факторов, приводящих к организации и взаимодействию элементов в системе;
- определение специфических оснований, связей и взаимозависимостей в системе;
- обнаружение противоречий формирования и функционирования системы;
- обоснование основных направлений развития системы ценностей.

Социальный подход к ценностям молодежи предполагает изучение данного феномена с точки зрения конкретно-исторического характера, вовлеченности в сферу социальных отношений молодых людей.

В процессе реализации рассматриваемого подхода появляется реальная возможность исследовать эффективность влияния ценностей на различные сферы социального

бытия – экономическую, политическую, социальную, духовную и другие.

Таким образом, исследование специфики и содержания ценностей позволяет сформулировать сущность данного явления: «ценность определяется как философская категория, используемая для обозначения предметов и явлений материального и духовного мира с целью удовлетворения разнообразных потребностей людей и реализуемая в виде стремления, цели, оценки и идеала, имеющих большое значение для жизнедеятельности людей».

1. Баева Л.В. Ценностные основания бытия // Вестник Оренбургского государственного университета, 2003. № 5. С. 15–19.

2. Бормотов И.В. Обоснование формирования механизма ценностей современной российской молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 9–13.

3. Вардамацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социологические исследования, 1993. № 4. С. 46–55.

4. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры // Парадигма: Философско-культурологический альманах. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. Вып. 11. С. 51–67.

5. Калужский М.Л. Системность – новая трактовка понятия // Социально-гуманитарные знания, 2004. № 4. С. 130–149.

6. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии, 1996. № 4. С. 22–24.

7. Макеева Л.Б. Объективность ценностей и проблема реализма // История философии, 1999. № 5. С. 80–94.

8. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. Тексты. М.: МГУ, 1982. С. 118–126.

References

1. Baeva L.V. Tsennostnie osnovaniya bitiya [Values state of being] Orenburg state university vestnic, 2003. № 5, pp. 15–19.

2. Bormotov I.V. Obosnovaniye formirovaniya mehanizma tsennostey sovremennoy rossiyskoy molodegi [The ground of the modern Russian youth values formation mechanism] TulGU. Humanic sciences. Issue 1. Tula, 2013, pp 9–13.

3. Vardamatskiy A.P. Sdvig v tsennostom izmerenii? [Value measuring swift?] Research in Sociology, 1993. № 4, pp. 46–55.

4. Visuleetsov G.P. Aksiologiya kulturi [Culture axiology] Paradigme: Philosophy-culture almanac. ST Pb.: St. Petersburg university publishing house, 2008. Issue 11, pp. 51–67.

5. Kalugski M.L. Sistemnost – novaya tractovka ponyatiya [The new way to study the meaning] // Sotsialno-gumanitarniye znaniya, 2004. № 4, pp. 130–149.

6. Leontyev D.A. Tsennost kak mesudistsiplinarnoye ponyatiye: opit mnogomernoy rekonstruktsii [Value as inter-subjects concert: experiment of poly-semantic reconstruction] // Voprosy filosofii, 1996. № 4, pp. 22–24.

7. Makeeva L.B. Objektivnost tsennostey i problema realizma [Values objectiveness and realism problem] // Istoriya filosofii, 1999. ; № 5, pp. 80–94.

8. Francl V. Poisk smisla zszizni i logoterapiya [The sense of life search and logotherapy] Personality psychology. Texts. M.: MGU, 1982, pp. 118–126.

UDC 304.2

RUSSIAN YOUTH'S PECULIAR FEATURES AND VALUES. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL SUBSTANTIATION

Bormotov Igor Vladimirovich,

Finance University under the Government of the Russian Federation, Tula branch, the Head of the Department Chair of Philosophy, History and Law, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Tula, Russia.
E-mail: benaris1954@yandex.ru.

Khmara Yuri Nikolayevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Political Science, History and Philosophy, Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia.
E-mail: travopol@yandex.ru

Annotation

The article dwells upon social and philosophical substantiation of Russian youth's peculiar features and values. It compares values of youth and society. The article reveals the unity of objective and subjective sides of value relation's nature which can be understood as a special character of independence from the subject from the point of view of subordination of value relations and laws of social development. The authors propose methodology for investigating values of youth in modern Russia by analyzing their content. For this purpose, there are a lot of different interrelated approaches in the article such as ontological, epistemological, axiological, systematic and social ones.

Key concepts:

value, specific character, content, youth, objective, subjective.

УДК 329.11'13 + 329.3:23

МЕЖДУ ПРОСВЕЩЕНИЕМ И ИСПАНСКИМ КАТОЛИЦИЗМОМ: СЛУЧАЙ ПАДРЕ А.Х. РОДРИГЕСА

Василенко Юрий Владимирович,

Институт философии и права

Уральского отделения

Российской академии наук,

кандидат философских наук,

г. Пермь, Россия.

E-mail: yuvasil@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу идей, взглядов и ценностей выдающегося испанского теоретика медицины и католического философа второй половины XVIII в. Антонио Хосефа Родригеса. Вопреки распространенному в современном либерализме предубеждению его политико-идеологическая парадигма, располагающаяся между потенциально либеральным консерватизмом и традиционализмом, предполагала достижение идейно-ценностного и политико-идеологического консенсуса между научным прогрессом (учёными) и религиозной традицией (верующими) и легла в основу деятельности тех либеральных католиков, которые в современной Католической церкви (после II Ватиканского собора) являются «мэйнстримом».

Ключевые понятия:

Просвещение,
политическая идеология,
традиционализм,
либеральный консерватизм,
праворадикальный консерватизм,
Испания,
XVIII век,
падре Родригес.

Современное идейно-ценностное противостояние между наукой и религией уходит своими корнями в классическое Средневековье. Отделившись окончательно от религии уже в эпоху Возрождения, в XVII–XVIII вв., благодаря усилиям британско-французских просветителей, наука приобретает не только философско-мировоззренческое, но и политико-идеологическое звучание. Предельно негативная реакция Католической церкви на научно-технический прогресс, проявившаяся в Испании как средневековым оплотом католицизма в полную силу уже во времена Контрреформации, общеизвестна. Однако, наряду с идейно-ценностным и политико-идеологическим противостоянием, между наукой и религией на периферии той же европейской общественно-политической мысли постепенно вынашивались идеи, взгляды и ценности, которые в перспективе позволили если не примирить противоборствующие стороны, то, по крайней мере, достичь определённого идейно-ценностного и политико-идеологического консенсуса по ряду ключевых проблем современности. Конечно же, истоки этого консенсуса крайне широки и разнообразны; при этом иногда они могут быть и предельно персонализированы. Историческая несправедливость заключается в том, что философы и политические идеологи, стоявшие у истоков этого до сих пор довольно хрупкого консенсуса и внесшие значительный вклад в его укрепление, остаются сегодня практически неизвестными. Более того, большинство из них – не без оснований – причисляются «единым скопом» современными либеральными философами, историками и политиками к довольно широкому лагерю «реакционеров» как морально устаревших и непримиримых противников всех прогрессивных проектов эпохи модерны. Но так ли уже эти основания однозначны? И нет ли в среде этих «реакционеров» таких носителей идей, взглядов и ценностей, которые всей своей деятельностью скорее содействовали идейно-ценностному и политико-идеологическому консенсусу, нежели препятствовали ему?

В качестве «идеального типа», или парадигмальной фигуры подобного рода сторонников идейно-ценностного и политико-идеологического консенсуса, мы предлагаем рассматривать испанского монаха из Королевского монастыря цистерцианцев Санта-Мария де Вируэла (Мадрид), доктора теологии падре **Антонио Хосефа Родригеса** (1703–1777).

Падре Родригес, занимавший в течение своей жизни ряд высоких постов в иерархии Испанской католической церкви и являвшийся членом нескольких Королевских академий, вошёл в политико-идеологическую историю Испании в двойном качестве. С одной стороны, как пишет современный историк науки из университета Сарагосы Э. Балагер-и-Перигуэль, Родригес считается одним из выдающихся испанских интеллектуалов середины XVIII в., который прославился на всю страну как врач и пропагандист науки, внесший заметный вклад в развитие современной ему медицины [см.: 5]. Как медику-новатору Родригесу посвящаются целые монографии [см.: 9] и статьи в профессиональных медицинских журналах [см., например: 12]. Одновременно, с другой, Родригес – это «один из великих светил традиции, достойный враг европейских учёных эпохи Просвещения» [5 (курсив наш)]. Как в одном учёном и мыслителе могли совмещаться столь противоположные для своей эпохи идеи, взгляды и ценности – одна из главных интриг, связанных с фигурой нашего персонажа.

По нашему мнению, подобная идейно-ценностная двойственность не могла не отразиться на характере политико-идеологической идентичности Родригеса, породив, соответственно, как минимум две её противоположные интерпретации – потенциально либерально-консервативную, связанную с пропросветительскими интенциями нашего персонажа, и традиционалистскую как антипросветительскую. Одновременно, что, на наш взгляд, также принципиально, ни одна из этих интерпретаций не оспаривает идейно-ценностную принадлежность Родригеса к зарождающемуся испанскому консерватизму как политической идеологии и политической практике. Выдающийся испанский либеральный историк второй половины XX в. Х. Эрреро пишет об этом прямо: «Падре Родригес собирает в своей работе фундаментальные концепты той идеологии, которую консервативные силы Европы противопоставляют философам [Просвещения – Ю.В.]...» [10, р. 108 (курсив наш)]. Как минимум уже в силу данного обстоятельства наиболее левая интерпретация политико-идеологической идентичности Родригеса имеет потенциально либерально-консервативный характер, а не либеральный, как это было у большинства классиков британо-французского Просвещения.

Насколько далеко при этом Родригес заходит на политико-идеологическом

спектре на «поле» потенциально праворадикального консерватизма – это вопрос, поставленный тем же Эрреро, и он также требует нашего ответа. Хотя уже a priori мы можем утверждать, что большинство испанских носителей «реакционного мышления» – в отличие от Родригеса – никакого вклада в испанское Просвещение и столь традиционно антирелигиозную и атеистическую науку, как медицина, не вносили, и, соответственно, они едва ли могут быть уподоблены друг другу как в идейно-ценностном, так и – шире – политико-идеологическом плане. В этой связи интерпретация Эрреро носит явно половинчатый характер: в то время как либеральный историк ищет у носителей «реакционного мышления» и Родригеса общее, мы предлагаем обращать внимание на особенное, индивидуальное. Тем более что большинство других интерпретаторов идей, взглядов и ценностей Родригеса работают, как мы увидим ниже, именно в этой логике.

Проанализируем все имеющиеся в нашем распоряжении интерпретации политико-идеологической идентичности Родригеса на предмет их эвристических потенциалов.

Первая, наиболее необычная для носителей «реакционного мышления» *потенциально либерально-консервативная интерпретация* политико-идеологической идентичности Родригеса представлена в трудах выдающегося испанского философа-ортегианца второй половины XX в. Х. Марияса Агилера, который, опираясь прежде всего на научно-медицинские, а потом уже на политико-идеологические труды нашего персонажа, относит его к третьему поколению испанских просветителей XVIII в., отмечая одновременно и значительное сходство его идей, взглядов и ценностей с выдающимся испанским эссеистом середины XVIII в., монахом-бенедиктинцем падре Б.Х. Фейхоо-и-Монтенегро (1676–1764) [см.: 13]. Данное обстоятельство, как представляется, требует своего объяснения.

Так, наиболее известное сочинение Фейхоо «Универсальный критический театр, или Различные речи обо всех видах материи для разоблачения всеобщих заблуждений» (1726–1740) [см.: 7] становится в Испании XVIII в. настоящей культовой книгой и превращает её автора в неоспоримую парадигмальную фигуру раннего испанского Просвещения в целом, на трудах которого в дальнейшем вырастают уже такие выдающиеся философы и общественно-политические деятели, претендующие на звание основоположника

классического испанского Просвещения, как Г.М. де Ховельянос-и-Рамирес [см.: 1]. Параллели между двумя просветителями в испанской историографии – общее место [см., например: 6], фигуры Фейхоо и Родригеса по своему историческому и интеллектуальному масштабу абсолютно несопоставимы (первому посвящают в академических журналах целые тематические выпуски, в то время как второго лишь упоминают в контексте первого), оба персонажа, будучи непосредственно связаны с Испанской католической церковью, великолепно аргументируют наш тезис о происхождении испанского либерального консерватизма как левой деривации испанского же традиционализма. Традиционалист-католик Фейхоо, заложивший в своих сочинениях интеллектуально-духовные основы для дальнейшей идейно-ценностной эволюции испанских католиков влево, т.е. в направлении уже современного либерального католицизма, прямо опровергает тезис Эрреро об иностранном происхождении испанского консерватизма вообще и «реакционного мышления» в частности. Испанская традиция, благодаря Фейхоо и его последователям, выступает как самодостаточная для того, чтобы генерировать собственные идеи, взгляды и ценности общеевропейского масштаба, а не просто их заимствовать извне в готовом виде (как это будет с испанским либерализмом).

Принципиальным недостатком данной – потенциально либерально-консервативной – интерпретации Мариаса является, на наш взгляд, то обстоятельство, что испанский философ практически ничего не говорит нам об идейно-ценностных доминантах Родригеса, ограничиваясь, по существу, лишь описанием его научного метода и поколенческой классификацией. В результате, читая работы Мариаса, мы можем оценить Родригеса как выдающегося для своего времени учёного-эмпирика, склонного к проведению экспериментов, научному наблюдению и практике; однако почему этот последователь Ф. Бэкона написал своего «Филотео», поставившего его, согласно Эрреро, в один ряд с носителями «реакционного мышления», остаётся неясным. В данном контексте, как представляется, является весьма примечательным, что обычно столь внимательный к деталям и историческим подробностям современный испанский историк-позитивист П.К. Гонсалес Куэвас не упоминает Родригеса в ряду испанских традициона-

листов вообще [см.: 8]. Фактически в той же логике работает и современный испанский либерально-консервативный историк Х. Альварес Хунко, упоминающий нашего персонажа в своей работе лишь единожды и походя [см.: 4, р. 335].

С другой стороны, мы начинаем понимать, почему потенциально либерально-консервативная интерпретация Мариаса находится в полном противоречии с «реакционной» – в духе потенциально праворадикального консерватизма – интерпретацией Эрреро.

Главный аргумент второй – «реакционной» – интерпретации Эрреро заключается в следующем: в 1776 г. Родригес выпускает в свет своё двухтомное сочинение «Филотео в разговорах нашего времени» [см.: 15], ставшее поворотным моментом в его идейно-ценностной эволюции от британо-французского Просвещения к «реакционному мышлению» как потенциально праворадикальному консерватизму. «Филотео» Родригеса наряду с сочинениями Себальоса являются, по мнению Эрреро, «наиболее ранними и важными признаками существования в Испании той *европейской реакции*, которая начинает конструировать свои генеральные линии *противостояния* с мышлением *просветителей*» [10, р. 105 (курсив наш)]. Также на примере Родригеса Эрреро упорно доказывает свой тезис об иностранном происхождении испанского «реакционного мышления»: «Очевидно, – пишет историк, – что для падре Родригеса идейное движение, которое мы называем Просвещением, и в котором он подобно своим соратникам-апологистам увидел «адский колос» безбожия, имеет *сущностно европейское происхождение* и только лишь начинает распространяться в испанских образованных городских кругах (т.е. в среде буржуазии и аристократии); также и *реакция* против этого движения *является иностранной*, и её первые манифестации в Испании... – это всего лишь эхо тех атак, которые за пределами Испании были направлены против безбожника Вольтера и его соратников» [10, р. 107–108 (курсив наш)].

Вступая в спор с Эрреро, мы, даже опираясь на ту же самую логику, можем утверждать во многом обратное: идейно-ценностная эволюция Родригеса развивалась не как результат «тупого» повторения общеевропейской тенденции, которая, несомненно, также имела место, а в полном соответствии с законом «Вызова-и-Ответа» А. Дж. Тойнби. Испании

был брошен *внешний вызов* (философия Просвещения), и испанская элита должна была дать на него свой – внутренний – ответ, основанный на собственной (в данном случае католической) традиции [см.: 2, с. 106–113]. В этом смысле политическое мышление Родригеса действительно является «реакционным», и Эрреро во многом прав. Однако открытым в интерпретации либерального историка остаётся главный вопрос: почему к 1770-м гг. как минимум трёхсотлетняя испанская католическая традиция, уходящая своими корнями в глубины классического Средневековья, не располагала ещё самодостаточными идейно-ценностными ресурсами для того, чтобы самостоятельно ответить на потенциально либеральный вызов британо-французского Просвещения? Эрреро, сведя фактически всю идейно-ценностную эволюцию Родригеса к банальной повторению идей, взглядов и ценностей пусть даже выдающихся авторов общеевропейского масштаба, на наш взгляд, неоправданно упрощает проблему.

Выявляя идейно-ценностные доминанты Родригеса, Эрреро разводит в «Филотео» два понятия – «философия» и «откровение». С «философией» непосредственно связана и «ересь», которая, по мнению Родригеса, приобретает в XVIII в. «экстремальные формы». «Еретиков» Родригес подразделяет на два «класса»: учёные, которые открыто отрицают существование Бога («материалисты»); и учёные, которые делают из Бога «неоперабельную реальность» («деисты») [см.: 10, р. 108]. И здесь уже концептуальное отличие Родригеса от носителей «реакционного мышления» проявляется довольно ярко: в то время как вторые дискутировали с еретиками-просветителями как философами, первый, хотя и использует философские деноминации, старается ограничиваться «еретиками» исключительно из собственного профессионального – научно-академического – сообщества. При этом миссия Родригеса – не обратить на «еретиков» внимание Инквизиции, а просто вернуть их в лоно неоспоримой, как ему кажется, религиозной истины. Поскольку, по мнению Родригеса, учёные, отказываясь от «откровения», затемняют свой разум «страстями», которые под видом обретения свободы и свободомыслия порождают лишь бунтарские интенции [см.: 10, р. 109]. Несмотря на то что в конечном итоге Родригес скатывается к осуждению всё тех же философов, он, что примечательно, к сво-

им оппонентам относит всё-таки исключительно выдающихся британо-французских просветителей, особо выделяя при этом Ж.-Ж. Руссо и Вольтера [см.: 10, р. 109–110], не размениваясь на «рядовых» «еретиков» как представителей новой и потенциально крайне опасной социальной группы. Необходимо отметить, что борьба с «мёртвыми тиграми» Руссо и Вольтером после Великой французской революции очень быстро станет в политико-идеологических парадигмах общеевропейского традиционализма и потенциально праворадикального консерватизма общим местом. Родригес же, закладывая данную традицию, пока спорит с ними, как с живыми современниками.

Что, на наш взгляд, также принципиально: при всём своём религиозном экстазе Родригес остаётся в своих выражениях предельно корректным и не предлагает никаких насильственных действий в отношении своих идейно-ценностных оппонентов; и это притом, что он открыто называет их идеи, взгляды и ценности подрывными. Данное обстоятельство и является той причиной, которая не позволяет нам причислять Родригеса – вслед за Эрреро – к лагерю испанских «реакционеров» как потенциально праворадикальных консерваторов.

Третья в нашем анализе, хотя и исторически первая – *традиционалистская – интерпретация* политико-идеологической идентичности Родригеса, выстраивается у выдающегося испанского традиционалиста второй половины XIX в. М. Менендеса-и-Пелайо – как и у Эрреро – прежде всего вокруг главного его сочинения «Филотео». Основная миссия Родригеса как «католического апологета», согласно Менендесу-и-Пелайо, заключается в том, чтобы «спорить с инноватором в сфере физических наук» [14], тем более, что как «анатом и физиолог» он был достаточно силён; в качестве же «инноватор» выступают «неверующие натуралисты» [см.: 14]. Принципиальный момент: Родригес бьётся с «еретиками», с одной стороны, на хорошо знакомом ему научно-академическом «поле»; с другой – для своих теологических дискуссий он выбирает наихудшее из возможных для этого «полей» – потенциально антирелигиозную и атеистическую академическую науку. При этом спорит Родригес, по мнению Менендеса-и-Пелайо, не столько с философами и политическими идеологами британо-французского Просвещения, сколько с такими же академическими учеными, как и он сам.

Необычность традиционалистской интерпретации Менендеса-и-Пелайо опреде-

ляется тем, что, применительно к Родригесу, испанский «изобретатель традиции» не использует свой излюбленный методологический приём и не отсекает, скажем так, «дореакционный» – предшествующий написанию «Филотео» – период в идейно-ценностной эволюции нашего персонажа. Всё совсем наоборот: Менендес-и-Пелайо превозносит Родригеса именно как академического учёного, попутно доказывая тем самым, перефразируя М.В. Ломоносова, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов испанская земля рождать». Доказательство и широкая аргументация данного тезиса вообще были главной целью и даже, можно сказать, «сверхзадачей» и пафосом всего научного и политико-идеологического творчества Менендеса-и-Пелайо [см.: 11, р. 9–11]. И «если он [Родригес – Ю.В.] в чём и нагрешил, – заключает Менендес-и-Пелайо, – так это в том, что был слишком смел, благодаря чему и оказался со своими сочинениями под надзором всевидящего ока Инквизиции» [14].

Главная концептуальная ошибка Родригеса, намекает нам Менендес-и-Пелайо, заключается в том, что он посмел воспеть прогресс науки как таковой. Во второй половине XVIII в. апологетика естествознания, абсолютно созвучная потенциально либеральным идеям, взглядам и ценностям британо-французских просветителей, едва ли могла быть оставлена католическими «ревнителями веры» без пристального внимания. И никакая религиозная «обёртка» и яростные споры с просветителями оправдать научно-академический «грех» Родригеса уже не могли. Именно Инквизиция разглядела в Родригесе то, что не позволяет нам – вслед за Эрреро – отнести его к католическим «реакционерам» как потенциально праворадикальным консерваторам: знак «равно» между религией и научным прогрессом в условиях всё более жесткого их идейно-ценностного противостояния звучал для следователей из Инквизиции как абсолютная ересь. В результате из «католического апологета», каким его хочет видеть Менендес-и-Пелайо, или католического «реакционера» (в интерпретации Эрреро) «католический натуралист» Родригес превращается в преследуемого католическими же «реакционерами» инакомыслящего.

Учитывая всё вышесказанное, мы, соединяя воедино две наиболее обоснованные, на наш взгляд, классические интерпретации политико-идеологической идентичности Родригеса, предлагаем собственное

её определение – как располагающейся на политико-идеологическом спектре между *потенциально либеральным консерватизмом* (Мариас) и *традиционализмом* (Менендес-и-Пелайо). «Реакционную» интерпретацию Эрреро мы рассматриваем как недостаточно обоснованную. Для доказательства этого сведём результаты нашего анализа в таблицу 1.

Таблица 1

Идейно-ценностные доминанты Родригеса

Идейно-ценностные доминанты культурно-цивилизационного уровня	Религия (католицизм)
Идейно-ценностные доминанты политико-институционального уровня	---
Идейно-ценностные оппоненты	«Неверующие натуралисты»: «материалисты» и «деисты»
Склонность к насилию в отношении идейно-ценностных оппонентов	Отсутствует
Политико-идеологическая идентичность	Между потенциально либеральным консерватизмом и традиционализмом
Наличие иных интерпретаций политико-идеологической идентичности	Эрреро: «реакционер» (потенциально праворадикальный консерватор)
Аргументы иных интерпретаций политико-идеологической идентичности	Частичное совпадение идей, взглядов и ценностей Родригеса и Себальоса

Данные таблицы 1 позволяют отметить, что политико-идеологическая парадигма Родригеса является незавершённой. Всё это порождает дополнительные проблемы, решение которых, на наш взгляд, необходимо искать не столько в политико-идеологической теории, сколько в классической

философии. Родригес, как одновременно учёный-врач и недополитический идеолог католического анти-Просвещения, является собой классический пример «физика, верящего в Бога». Данный парадокс, замеченный в начале XX в. философами-материалистами, вполне разрешается, по нашему мнению, австрийским логическим позитивистом Л. Витгенштейном с помощью такого понятия, как «игра языка» («Sprechspiel»): так, «неверующий не противоречит верующему» [3, с. 260], потому что в одном случае человек использует научную «игру языка», а в другом – религиозную; и каждая из них обладает субъективной ценностью, является внутренне завершённой, обоснованной и, соответственно, вполне самодостаточной: «Религиозная вера имеет иную ценность, нежели то, что мы можем назвать *верой здравого смысла* относительно реальности» [3, с. 261], – интерпретирует концепт Витгенштейна современный испанский философ из Мурсии Х. Хареньо Аларкон.

Вместе с тем полное отсутствие в политико-идеологической парадигме Родригеса политико-институционального уровня и соответствующих ему идейно-ценностных доминант (форма правления, политический режим, территориально-государственное устройство) порождает не только проблемы, но и предоставляет дополнительные возможности для аргументации нашего определения его политико-идеологической идентичности. Так, во-первых, поскольку мы не можем со всей достоверностью утверждать, что идеи, взгляды и ценности Родригеса являются однозначно традиционалистскими, мы вынуждены сместить его политико-идеологическую идентичность влево и определить её не только как традиционалистскую, но ещё и одновременно как потенциально либерально-консервативную. Во-вторых, как мы уже отмечали выше, у Родригеса отсутствует склонность к политическому насилию в отношении своих идейно-ценностных оппонентов, что прямо говорит о наличии у него консенсусных интенций, характерных опять-таки для потенциально либерального консерватизма и совершенно нехарактерных для «реакционеров» как потенциально праворадикальных консерваторов.

В итоге, благодаря фигурам типа падре Родригеса, мы не только получаем возможность для демонстрации широты и внутреннего разнообразия политико-идеологического спектра далёких провозвестников современного традиционализма, но и ар-

гументы в пользу включения их политико-идеологических парадигм в столь далёкие от средневековой традиции политико-идеологические проекты эпохи модерна.

1. Василенко, Ю.В. Дон Гаспар Мельчор де Ховельянос как основоположник либерального консерватизма в Испании [Текст] / Ю.В. Василенко // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2010. Вып. 10. С. 329–345.

2. Тойнби, А.Дж. Постигание истории [Текст] / А.Дж. Тойнби. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

3. Хареньо Аларкон, Х. Религия и релятивизм во взглядах Людвиг Витгенштейна [Текст] / Х. Хареньо Аларкон. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 280 с.

4. Blvarez Junco, J. Mater Dolorosa. La idea de Espaca en el siglo XIX [Text] / J. Blvarez Junco. Madrid: Grupo Santillana de Ediciones, S.A., 2001. 685 p.

5. Balaguer Perigbell, E. Rodriguez, Antonio Josü (103–1777) / E. Balaguer Perigbell. URL: <http://www.mcnbiografias.com/app-bio/do/show?key=rodriguez-antonio-jose> (дата обращения: 22.03.2014).

6. Camarero, M. La Prosa de la Ilustraciyn: Feijoo y Jovellanos [Text] / M. Camarero. Madrid: Editorial Castalia, 1996. 287 p.

7. Feijoo, B.J. Teatro critico universal, y Discursos varios en todo gñero de materias, para desengaco de errores communes / B.J. Feijoo. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/teatro-critico-universal--0/html/feddb1802-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html#l_0_ (дата обращения: 22.03.2014).

8. Gonzalez Cuevas, P.C. Historia de las derechas espacolas. De la Ilustraciyn a nuestros dias [Text] / P.C. Gonzalez Cuevas. Madrid: Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2000. 525 p.

9. Granjel, L.S. El pensamiento müdico del padre Antonio Josü Rodriguez [Text] / L.S. Granjel. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1957. 302 p.

10. Herrero, J. Los orıgenes del pensamiento reaccionario espacol [Text] / J. Herrero. Barcelona: Editorial Cuadernos para el Dialogo, S.A., 1973. 411 p.

11. Lain Entralgo, P. Menüdez Pelayo [Text] / P. Lain Entralgo. Buenos Aires-Müxico: Espasa – Calpe Argentina, S.A., 1952. 246 p.

12. Llanova, R., Bandrüs, J. Cerebro, mente y ensuecos en la palestra critico-müdica de fray Antonio Josü Rodriguez (1703–1777) [Text] / R. Llanova, J. Bandrüs // Revista de Historia de la Psicologia. 2008. № 3/4. P. 107–114.

13. Marias, J. Feijoo y las generaciones del siglo XVIII [Text] / J. Marias // Studium Ovetense. 1976. № 4. P. 1–17.

14. Menüdez y Pelayo, M. Historia de los heterodoxos espacoles. Libro Sexto. Capitulo III. VII: Literatura apologütica / M. Menüdez y Pelayo. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObra/01361608688915504422802/p0000026.htm> (дата обращения: 22.03.2014).

15. Rodriguez, A.J. El Philotheo en conversaciones del tiempo [Text] / A.J. Rodriguez. Madrid: En la Imprenta Real de la Gazeta, 1776. 498 p.

References

1. Vasilenko Yu.V. *Nauchnij ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2010, № 10, pp. 329–345.
2. Toynbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [The Study of History]. Moscow, Progress, 1991, 736 p.
3. Harenio Alarkon H. *Religija i reljativizm vo vzgljadah Ljudviga Vitgenshtejna* [Religion and Relativism in Ludwig Wittgenstein's views]. Ekaterinburg, UrO RAN, 2011, 280 p.
4. Blvarez Junco J. *Mater Dolorosa. La idea de Espaca en el siglo XIX*. Madrid, Grupo Santillana de Ediciones, S.A., 2001, 685 p.
5. Balaguer Perigbell E. *Rodriguez, Antonio Josü (103–1777)*. URL: <http://www.mcnbiografias.com/app-bio/do/show?key=rodriguez-antonio-jose> (accessed: 22.03.2014).
6. Camarero M. *La Prosa de la Ilustraciyn: Feijoo y Jovellanos*. Madrid, Editorial Castalia, 1996, 287 p.
7. Feijoo B.J. *Teatro critico universal, y Discursos varios en todo gñero de materias, para desengaco de errores communes*, available at: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/teatro-critico-universal--0/html/fedb1802-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html#l_0_ (accessed 22 March 2014).
8. Gonzalez Cuevas P.C. *Historia de las derechas espacolas. De la Ilustraciyn a nuestros dias*. Madrid, Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2000, 525 p.
9. Granjel L.S. *El pensamiento müdico del padre Antonio Josü Rodriguez*. Salamanca, Universidad de Salamanca, 1957, 302 p.
10. Herrero J. *Los origenes del pensamiento reaccionario espacol*. Barcelona, Editorial Cuadernos para el Dialogo, S.A., 1973, 411 p.
11. Lain Entralgo P. *Menüdez Pelayo*. Buenos Aires-Müxico, Espasa – Calpe Argentina, S.A., 1952, 246 p.
12. Llanova R., Bandrüs J. *Revista de Historia de la Psicologia*, 2008, no. 3/4, pp. 107–114.
13. Marias J. *Studium Ovetense*, 1976, № 4, pp. 1–17.
14. Menüdez y Pelayo M. *Historia de los heterodoxos espacoles. Libro Sexto. Capitulo III. VII: Literatura apologütica*, available at: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000026.htm> (accessed 22 March 2014).
15. Rodriguez A.J. *El Philotheo en conversaciones del tiempo*. Madrid, En la Imprenta Real de la Gazeta, 1776, 498 p.

UDC 329.11'13 + 329.3:23

BETWEEN THE AGE OF ENLIGHTENMENT AND SPANISH CATHOLICISM: EVENT OF PADRE A.J. RODRIGUEZ

Vasilenko Yuriy Vladimirovich,

Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Candidate of Philosophy, Perm, Russia.
E-mail: yuvasil@yandex.ru

Annotation

The article deals with the analysis of ideas, view and values of outstanding Spanish theoretic of medicine and catholic philosopher of the second part of XVIII century Antonio Joseph Rodriguez. In spite of belief widespread in modern liberalism, his political and ideological paradigm between potentially liberal conservatism and traditionalism supposed to achieve ideally valuable and politically ideological consensus between scientific progress (scientist) and religious tradition (believer). This paradigm formed the basis of activity of those liberal Catholics, which form "mainstream" in modern Catholic church (after the Second Vatican Council).

Key concepts:

the Age of Enlightenment, political ideology, traditionalism, liberal conservatism, extreme-right conservatism, Spain, XVIII century, padre A.J. Rodriguez.

УДК 32.019.5

РОССИЙСКИЕ ХЭШТЕГИ МИКРОБЛОГА «ТВИТТЕР» КАК ПОЛИТИКО- ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ МАРКЕР

Новикова Светлана Александровна,
Пермский государственный
национальный
исследовательский университет,
аспирант кафедры политических наук,
г. Пермь, Россия.
E-mail: svetlnovikova@gmail.com

Аннотация

В данной статье автор предпринимает попытку проанализировать политическую коммуникацию в микроблоге «Твиттер» с позиции политической идентификации посредством такого механизма, как хэштеги. Хэштеги выбраны в качестве кейса, поскольку выполняют функцию объединения различных тем, позиций, потоков, объединения сторонников или противников, в рамках большого объёма дискурса в Интернете. В качестве кейсов используются протестные выступления в России в 2012 году и избирательная кампания по выборам мэра Москвы 2013 года.

Ключевые понятия:
политическая идентичность,
Интернет,
«Твиттер»,
социальные сети,
протестное движение,
хэштеги.

Изучение Интернета как поля политической борьбы актуализировалось по мере развития технологий и создания вокруг него социальных практик. На первом этапе актуальность приобрели проблемы демократичности и свободы интернет-пространства, которое долгое время воспринималось как нерегулируемое, свободное и неангажированное пространство, особую значимость приобрели исследования цензуры в сети.

Мейнстримом современных исследований интернет-коммуникаций остается изучение интернет-пространства как коммуникативного поля, обладающего собственными законами, отличными от офф-лайна, собственным дискурсом и существующего отлично от реальной жизни, однако постепенно складывается круг исследователей, которые придерживаются обратной точки зрения. В частности, специалисты Центра Беркмана Гарвардского университета в исследовании, посвящённом контент-анализу публичного общественно-политического дискурса в российской блогосфере, в качестве заключения приводят следующее утверждение: «Мы надеемся доказать, насколько важно понимание роли он-лайн-коммуникаций, действующих в более обширном социальном и политическом контексте. Нам нужно рассматривать «киберпространство» как быстрорастущий элемент оффлайновых социально-политических систем» [6, с. 45–46].

В данном исследовании мы исходим из предположения о том, что Интернет – это часть, пусть и совершенно особая, оффлайновых политических и социальных процессов, а не отдельное сообщество или поле. Границы между офф-лайном и он-лайном в последние годы с расширением возможностей пользователей и проникновением традиционных властных иерархий существенно размылись, хотя исследователи продолжают возводить эту искусственную границу.

Анализ повседневных интернет-практик также подтверждает, что большинство политических акторов воспринимают сеть в комплексе с другими коммуникационными механизмами, диверсифицируя, но не разделяя полностью, свою активность и дискурсивные практики между офф-лайном и он-лайном. То же самое касается и обычных, рядовых пользователей. Большинство людей, пользующихся Интернетом регулярно, не разделяет процессы общения офф-лайн и он-лайн, а лишь делает некие поправки. В то же время возможности ря-

довых пользователей в период последнего десятилетия существенно расширились, они получили возможность не просто присоединяться к каким-либо сообществам, но и создавать новые, генерировать контент, в том числе и общественно-политического содержания. Многие пользователи становятся активистами «по случаю», защищая какой-либо отдельный сегмент, актуальный для них. Нельзя обойти стороной пример Алексея Навального, который из блогера, пишущего о махинациях с бюджетными средствами, превратился в публичного политика.

Микроблог «Твиттер» стал новым этапом в развитии политической коммуникации в сети, совместив в себе особенности социальных сетей и блогов: инструмента общения и выстраивания своей идентификации в сети, включая распространение идеологии, а также способа оперативной, мгновенной передачи и ретрансляции сообщений и информации, включая призывы к действию. Кроме того, это возможность сократить дистанцию между политическими акторами и гражданами. Сейчас официальный аккаунт в «Твиттере» имеет практически каждая политическая партия, институт и многие политические акторы.

Как отметила М.Г. Овчинникова, говоря об особенностях коммуникации в «Твиттере», – он заполнил лауну, когда пользователям сети необходим был ресурс, позволяющий общаться в режиме реального времени реальным социальным Я и передавать информацию, важную для текущего социального взаимодействия [3, с. 148]. Facebook эту функцию не выполнял, превратившись в «витрину» пользователя, а ICQ не отвечало запросу публичности коммуникации.

Сеть в течение долгого времени была свободна от какого-либо рода регламентации, будучи площадкой равных по стартовым возможностям субъектов, исключая техническую иерархию. Практика артикулирования собственного мнения, собственных взглядов либо солидаризации с мнением других – одна из наиболее важных особенностей актора в сетевом пространстве.

Первоначально пространство Интернета активно осваивали те политические силы, которые обладали ограниченными ресурсами или находились за пределами традиционного, системного политического поля – это националистические и региональные политические сообщества, партии, движения, либеральные силы

и оппозиционные политики. Отметим, что националистический пласт в России по-прежнему наиболее полно представлен именно в Интернете.

Тем не менее, представители власти не могли отказаться от освоения данного пространства и включения его в используемые каналы политической коммуникации, постепенно осознав его значимость и эффективность в данном процессе, они начали «обосновываться» в сети, через блоги и социальные сервисы, официальные сайты.

Новым этапом в процессе политизации сети Интернет и артикуляции в ней идентичностей стала популярность микроблога «Твиттер». В «Твиттере» наблюдается более явное размежевание оппозиционной и проправительственной риторики в сочетании с деидеологизацией активности.

Технологические особенности «Твиттера» заключаются в том, что его пользователи должны мгновенно и постоянно реагировать на происходящие события как социального, так и бытового характера. Безусловно, это зависит от коммуникативной стратегии пользователя, однако в большинстве случаев для пользования им необходимо иметь мобильное устройство с присоединением к беспроводным сетям (Wi-fi, 3G).

«Твиттер» удобен для очень быстрого распространения политической информации, а одним из активных механизмов солидаризации в нем являются хэштеги – слово или словосочетание со знаком решетки – #, которое позволяет тематически группировать сообщения разных пользователей и отслеживать тренды общения в микроблоге. М.Г. Овчинникова характеризует хэштеги и их значимость в «Твиттере» следующим образом: «Наиболее важную роль в информационном обмене на «Твиттере» играют так называемые хэштеги, начинающиеся с символа «#», которые позволяют формировать информационную волну, состоящую из сообщений на определенную тему. Информационная волна образует тренд. Пользователь может включиться в обсуждение темы на любом этапе, создав ответное сообщение.

Ответное сообщение дает возможность «впрыгнуть» в информационный поток в любом месте, в отличие от упорядоченных по времени последовательных комментариев в блогах» [3, с. 148]. С точки зрения символической политики – хэштег выступает в роли объединяющего символа, поскольку является достаточно ярким, лаконичным, нередко – саркастическим выражением позиции или темы, его ана-

лог – это лозунг или плакат на демонстрации. Соответственно использование такого хэштега в сообщении равноценно поднятю плаката на митинге.

Тон использованию хэштегов в качестве аналога политического лозунга задала акция Occupy Wall Street с ее #occupy, а затем активно использовались в процессе «Арабской весны», пример, – #LibyaFeb17.

В электоральном цикле 2011–2012 года наблюдался активный рост гражданско-политической активности, в первую очередь протестной. Массовые выступления россиян, недовольных результатами парламентских, а затем и президентских выборов, получили название протестного движения 2011–2012 годов. Одним из основных лозунгов выступлений был: «За честные выборы!». После выборов 4 декабря протестные митинги состоялись в более чем 50 городах России, а также за рубежом. Некоторые иностранные СМИ назвали эти протестные митинги «Снежной революцией» [7]. Митинг на Болотной площади в Москве стал самым массовым с начала 1990-х годов. В рамках данной работы эти протестные выступления не рассматриваются как единое массовое движение, возникшее в Интернете, как зачастую его воспринимала официальная власть («сетевые хомячки»), по-прежнему мыслящая в логике противопоставления он-лайна и офф-лайна. Как отмечает К.А. Сулимов, «политика зафиксировала раскол, связав протестное движение с интернет-сообществом (были обозначены и другие социально значимые связи – с креативным классом, «рассерженными горожанами», даже «новой информационной буржуазией» и т.п. – но все они представляются взаимно перекрывающимися друг друга), и тем самым создала новую реальность. Быстро ставшие знаменитыми сентенции про «сетевых хомячков, которые, щурясь выползли наружу» (читай: в реальную жизнь) – это не просто оскорбление и попытка дисквалификации (в логике – да что они могут?!), это и политическое определение другого, врага, противника» [7, с. 333]. Власть навязала (присвоила) представителям протестного движения собственную социальную и политическую идентификацию, разная реакция на которую представлялась в форме артикуляции их настоящей политической идентичности.

В условиях стихийно образующихся протестов очень важно быстрое и удобное распространение информации, возможности вести «репортажи» с места событий и приглашать знакомых присоединиться, поэтому коммуникативные

возможности «Твиттера», удобного для пользования через мобильный телефон, успешно подошли для целей этих протестных выступлений. Сыграло роль и то, что, согласно опросам, большинство участников митингов узнали о нарушениях из традиционных СМИ или социальных медиа [2, с. 5–33].

В рамках исследования был проведён анализ динамики протестной активности в период с 10 мая 2012 года на материале динамики хэштегов в микроблоге «Твиттер». Динамика по дням и времени представлена на таблице 1.

В выборку попали записи из топа «Твиттера» по хэштегу #ОккупайАбай и сервиса TwitterTrends, расположенного на главной странице с 10 по 12 мая 2012 года. 10 мая Хэштег #ОккупайАбай неожиданно для многих вышел в лидеры российского сегмента «Твиттера» благодаря активности протестующих москвичей. Точкой отсчёта можно считать пост в «Твиттере» Алексея Навального о том, что рядом с памятником непонятному казаху на Чистых собираются люди с белыми ленточками. Напомним, что после разгона митинга оппозиции на Болотной площади в Москве 6 мая на Чистых прудах продолжалась своеобразная «гражданская вахта».

Непонятым казахом оказался казахский поэт, просветитель, мыслитель XIX века Абай Кунанбаев, который стал символом протестных настроений образца 10 мая 2012 года.

По аналогии с американской акцией Occupy Wall Street российский хэштег начал продвигаться на вершины российских и мировых трендов. В «Твиттере» мгновенно появились десятки цитат из творчества казахского поэта, высказывались предложения купить его книги и даже снять фильм о его жизни и творчестве. Более того, тег был переведен на английский язык и распространяется уже двуязычно, был создан аккаунт поэта в «Твиттере» – @AbayKunanbaev.

В то же время прокремлёвские молодежные активисты начали продвижение своего хэштега – #АВ (альтернативная Вселенная), которая довольно быстро поднялась в топ и начала бороться с #ОккупайАбаем. По состоянию на 10.05.2012 на 15.44 по Москве тег #АВ находится на втором месте кириллического сегмента «Твиттера», уступая лишь «протестному» Абаю. Затем проправительственные пользователи стали продвигать аполитичный хэштег #мая, которому в определённые моменты даже удавалось выходить на первое место.

Таблица 1

Динамика популярности протестных хэштегов в трендах «Твиттер»

Дата	Время мониторинга (время пермское)	Положение хэштега/ов в трендах России	В региональных трендах
10.05	10.15	Оккупайабай – 1 место	По Москве – 1 место
10.05	12.00	Оккупайабай – 1 место АВ – 4 место	По Москве – 1 место По Москве – 3 место
10.05	18.44	Оккупайабай – 2 место, мяу – 1 место, АВ – 4 место	Оккупайабай – 2 место, мяу – 1 место, АВ – 4 место
11.05	10.00	Оккупайабай – 1 место, мяу – 3 место	Оккупайабай – 1 место, Исаакиевская – 2 место (Санкт-Петербург)
11.05	14.00	Оккупайабай – 1 место, Исаакиевская – 2 место	Исаакиевская – 1 место по Санкт-Петербургу
11.05	18.00	Оккупайабай – 3 место, 1 место – Superjet, 2 место – конецсвета	#russianrevolu- tion – 4 место в испаноязычном сегменте
12.05	10.30	Оккупайабай – 1 место, белаягорячка – 2 место, 3 место – Superjet	Нет наблюдений

11 мая к протестной «вахте» присоединились жители Санкт-Петербурга, которые сконцентрировались на Исаакиевской площади. К утру 11 мая российский хэштег #Исаакиевская вышел на второе место в трендах.

11 же мая в испаноязычном твит-пространстве начал набирать популярность тег #russianrevolution.

В этот период произошли ещё несколько значимых с точки зрения публичного обсуждения событий, что повлияло и на популярность протестного хэштега – это падения самолёта Сухой SuperJet, приближение саммита АТЭС во Владивостоке и активное обсуждение конца света по календарю майя.

12 мая #Оккупайабай продолжал удерживать лидерство в трендах «Твиттера», однако на второе место к 12.30 по Москве вышел проправительственный хэштег – #белаягорячка.

Прежде всего, как и в ситуации с предвыборными кампаниями, в данном кейсе наблюдается упрощение и диверсификация идентичности. Консолидация вокруг хэштега как лозунга может носить несколько основных мотивов – это собственно идентификация себя с данным лозунгом,

что носит некоторые ограничения в силу того, что «Твиттер» в отличие от блога или паблика в социальной сети не позволяет объяснить первосмысл запущенного сообщения или хэштега, то есть пользователи, используя его в дальнейшем дискурсе, могут подразумевать совсем иной смысл, еще один мотив – это мода, зачастую пользователи «Твиттера» стремятся «прикоснуться» к мировым трендам и высказаться с использованием популярного хэштега, второй мотив – это та погрешность, которую нивелировать не представляется возможным.

Чтобы проследить динамику смыслов, которая может сопровождать распространение того или иного политического хэштега, то есть хэштега, отсылающего к политическим акторам, событиям или расколам, мы взяли наиболее актуальное событие в электоральном пространстве России – это кампания по выборам мэра г. Москвы и два хэштега, связанные с двумя кандидатами – Алексеем Навальным (#Навальный) и Сергеем Собяниным (#Собянинашмэр). Безусловно, можно назвать еще ряд тегов, связанных с каждым из них, – это #underdog (аутсайдер) и #Собянин, #Собяничик, соответственно.

Данные хэштеги были выбраны, поскольку, во-первых, они дают наиболее крупный массив записей пользователей, и, во-вторых, они изначально создавались в поддержку кандидатов. Хронологические рамки анализа – с 20 июля (не с начала кампании как таковой, в силу того, что в период суда над А. Навальным хэштег шёл в паре с упоминаниями о Манежной площади, суде, митинге поддержки, что осложняет анализ) по 8 сентября – день окончания предвыборной кампании. В выборку вошли 204 записи с первым хэштегом и 108 записей со вторым, выборка была сплошной, без отбора пользователей по какому-либо качественному признаку, записи брались из топа «Твиттера».

По первому тегу #Навальный преобладают нейтральные акцентуации (новости, ссылки на новостные сюжеты, репосты без активного комментирования), всего их 59 процентов от выборки, что касается положительных и нейтральных интерпретаций – их число практически однородно, в силу того, что в число положительных вошла и реклама, связанная с избирательной кампанией кандидата – 23 процента положительных и 17 процентов отрицательных акцентуаций.

Отрицательные интерпретации хэштега сопровождаются следующими оценками – «Навальный, ты нам не нужен», «Навальный – не, не видел», «Навальный – продукт хитроумной социотехнической манипуляции», «Навальный разработал систему отмывания денег», «Навальный хочет быть похожим на ЖиВ» (жуликов и воров – прим. автора), «Интересно, а Навальный вообще читал свою программу?», «Навальный участвует в выборах в роли аутсайдера», нередко упоминается и словосочетание «сетевые хомячки», например, «хомяков начинают готовить к митингам после 8 сентября».

Положительные интерпретации были чуть менее разнообразны, во многом в силу того, что большую часть из них составляли массовые репосты – перепечатки сообщений: кандидата называли «наш Навальный», «Навальный – мой мэр», «Навальный – настоящий либерал», остальные интерпретации строились на основе противопоставления Собянину или власти, режиму вообще, чем на описании его собственной платформы: «Навальный снимает жулика Собянина с выборов», «даешь падение рейтинга Собянина, выбор очевиден», «я не люблю нынешнюю власть, а #Навальный – её враг, поэтому буду голосовать за него», «Режим Покрыл Страну

Как Лёд Реку. Весна Неизбежна», «Затем и идти /на выборы/, чтобы отстранить от власти наглецов, которые шикарно живут на наши деньги» и т.д. Деятельностные интерпретации образа кандидата в основном заключаются в том, что все будет не так, как при действующем мэре, власти и т.д., например, «голосуй за Навального и такого не будет», – эта фраза распространялась не только в «Твиттере», но и в Яндекс-картах, где фиксируется уровень пробок в городе.

Ещё одна достаточно распространенная сентенция – «Навальный – кандидат от Интернета», изначально это был заголовок материала с сайта радио «Эхо Москвы», где российские IT-предприниматели и крупные блогеры заявляли об активной поддержке кампании Навального, но словосочетание приобрело большую популярность, даже было выделено в отдельный хэштег, но уже совсем с иным значением.

Никипорец-Токугава использует для характеристики данной модели политической идентичности термин негативная [8, с. 11]. Мы характеризуем этот тип идентификации не как негативный, а скорее как диспропорцию в идентификации, которая характеризуется детальным описанием «других»: «настоящего», и достаточно скудным «мы», и «будущего».

Второй хэштег – #Собяниннамэр, очень часто использовался в связке с #молштаб, #Собянин2013, #велозасобянина, ближе к концу кампании – #мэрмосквы и рядом других, то есть большую часть массива записей писали волонтеры и сторонники, участвующие в предвыборной кампании. Среди всей выборки нам попала лишь одна негативная запись с этим хэштегом, что довольно редко для инкумбента, участвующего в выборах, незначительным было и число нейтральных, информационных записей – 26 процентов (18 постов). Положительные интерпретации содержали достаточно много от стиля предвыборных лозунгов, в т.ч. основной слоган Сергея Собянина: «Главное – Москва, главные – москвичи», «Собянин делает жизнь проще», «Пенсионеры полны сил и энергии и просят предоставления рабочих мест», «В этом году моя вонючка идет в новый детский сад, Сергей Семёнович всегда с нами», много текстов связано с достижениями, которые приписываются кандидату, опять же полностью отсутствуют модели будущего и пути его достижения, однако здесь наблюдается практически полное отсутствие отсылки к противникам. Противниками данный тег практически никак не преломлялся, они создавали собственные идентификации.

Ранее мы отмечали, что разные web-ресурсы в Интернете дают актерам и пользователям разные возможности для артикулирования политической идентичности. Как пишет К.А. Сулимов: «Можно предварительно выстроить концептуальную цепочку в отношении институтов коммуникации: коммуникативные средства (в техническом и технологическом смысле) – коммуникативные практики (социальные взаимодействия с использованием коммуникативных средств) – коллективное осмысление социальной реальности» [5]. Безусловно, третья часть этой цепочки возникает далеко не всегда, сам по себе канал-ресурс выступает лишь дополнительным фактором, который дополняет он-лайн-коммуникацию.

На исследованном материале можно сделать вывод о том, какие возможности предоставляет актерам «Твиттер». Прежде всего, это группирование компонентов политической идентичности, мемов, различных идей и взглядов (хэштеги), во-вторых, это возможность быстрого распространения этой мобилизационной информации среди разной аудитории и, наконец, усиление групповой солидаризации – агрегирование компонентов идентичности вокруг тех самых компонентов.

«Твиттер» не выводит людей на улицы, но он позволяет, во-первых, артикулировать свою собственную политическую идентичность и агрегировать её, солидаризуясь с хэштегами, во-вторых, и искать и узнавать. Если бы у нас была возможность исследовать статистику запросов на хэштеги и сравнить её со взглядами тех, кто этот запрос создавал, мы полагаем, увидели бы очевидные связи между характером формулирования хэштега или запроса (в случае в российских протестах пользователи с проправительственными взглядами искали бы хэштег – #запутина, с оппозиционными – #путиндолженуйти, #карусель или #чистыепруды, а пользователь, ищущий информацию, – #выборы или #4марта). Для мобилизации более жизнеспособно противопоставление «другим» – Путин, Собянин, Кремль, а не идентификация «себя».

Оппозиционная коммуникация в период протестов в «Твиттере» преобладала, активность проправительственных пользователей была успешной, но реактивной, зато при обсуждении различных тем они демонстрировали более однородную позицию. Однако в Интернете это нельзя воспринимать как положительную характеристику, поскольку плотность связей в сети растёт именно за счет «слабых связей», оппозиционные поль-

зователи более многообразны, используют больше хэштегов, проправительственные сконцентрированы на одном или двух, в их среде присутствует централизация и стремление перекрыть тренды «Твиттера».

Проведенный анализ позволяет говорить о наличии большого протестного поля в российском сегменте «Твиттера», хэштеги активно используются как идентификационный маркер разными политическими силами в сети, а не только оппозицией, как считают многие журналисты и общественные деятели. Более того, с точки зрения идентификаций хэштеги позволяют создавать новые смыслы, а не только отделять «своих» от «чужих».

Отсюда следует вывод, что политическая идентичность в Интернете характеризуется диспропорцией между детальным, сегментированным и довольно полным описанием «других», в силу чего «мы» оказывается предельно широким и размытым, у политических акторов в сети и у сетевых акторов отсутствуют сколько-нибудь определенные проекты будущего. В рамках данной гипотезы мы опираемся на концепцию Б.П. Поршнева, изложенную в работе «Социальная психология и история», который утверждал, что «подчас может быть очень слабо выражено и вовсе отсутствовать сознание «мы» при ясно выраженном сознании, что есть «они». «Они» – это не «не мы», а наоборот: «мы» – это «не они». Только ощущение, что есть «они», рождает желание самоопределиваться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы». «Они» на первых порах куда конкретнее, реальнее, несут с собой те или иные определенные свойства» [4]. То есть, идентификация других («они») – системы, режима, политических противников, институтов в идентификационной матрице акторов в Интернете гораздо развернутее и детальнее, нежели описание «мы», что порождает более абстрактное понимание себя. Данная тенденция проецируется и на описание прошлого, настоящего и будущего. Существующий порядок описывается и идентифицируется в виде набора проблем, в то время как более-менее конкретного проекта будущего не предлагается и при анализе коммуникаций в российском сегменте «Твиттера».

1. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций [Текст] / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 263 с.

2. Мамонов, М.В. Поствыборная ситуация в России: перспективы и риски [Текст] / М.В. Мамонов // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 2. С. 5–13.

3. Овчинникова, М.Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер) [Текст] / М.Г. Овчинникова // Вестник Пермского университета. Политические науки, 2013. № 2. С. 143–156.

4. Поршнева, Б.П. Социальная психология и история [Электронный ресурс] / Б.П. Поршнева. М.: Наука, 1979. URL: http://www.politology.vuzlib.net/book_o164.html (дата обращения: 06.08.2013).

5. Сулимов, К.А. Идентичность и новые коммуникации [Текст] / К.А. Сулимов // Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 333.

6. Этинг, Б. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете [Текст] / Б. Этинг, К. Алексанян, Дж. Келли, Р. Фарис и др. // Исследования Центра Беркмана № 2010–11. 19 октября 2010. Berkman Center for Internet & Society, Harvard University, 2010. P. 45–46. (дата обращения: 17.08.2013).

7. A Russian Awakening // The Economist [Электронный ресурс], available at: <http://www.economist.com/blogs/easternapproaches/2011/12/protest-russia-0> (accessed 12 October 2013).

8. Nikiporets-Takigawa, G. What's the colour of Russian protest [Text] / G. Nikiporets-Takigawa, J. Fedor // East European memory studies newsletter. Cambridge, 2012. № 10. P. 6–13.

References

1. *Bor'ba za identichnost i novye instituty kommunikatsii* [Struggle for identity and new communication institutions]. Moscow, ROSSPEN, 2012, 263 p.

2. Mamonov M.V. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2012, no. 2, pp. 5–13.

3. Ovchinnikova M.G. *Vestnik Permskogo Universiteta. Political Science Series*, 2013, № 2, pp. 143–156.

4. Porshnev B.P. *Sotsialnaya Psikhologiya I istoriya* [Social psychology and history], available at: http://www.politology.vuzlib.net/book_o164.html (accessed 6 August 2013).

5. Sulimov K.A. *Identichnost' I novye instituty kommunikatsii* [Identity and new communication institutions]. *Bor'ba za identichnost i novye instituty kommunikatsii* [Struggle for identity and new communication institutions]. On ed. of P.V. Panov, K.A. Sulimov, L.A. Fadeeva]. Moscow, ROSSPEN, 2012, p. 333.

6. Bruce Etling, Karina Alexanyan, John Kelly, Robert Faris, John Palfrey. *Publichnii discours v rossiiskoi blogosfere: analiz politiki i mobilizatsii v Runete* [Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization]. *Harvard University Berkman Center Research Publication*, № 2010–11, october 19 2010, pp. 45–46 (accessed 17 August 2013).

7. A Russian Awakening. *The Economist*, available at: <http://www.economist.com/blogs/easternapproaches/2011/12/protest-russia-0> (accessed 12 October 2013).

8. Nikiporets-Takigawa G., Fedor J. *East European memory studies newsletter*. Cambridge, 2012, № 10, pp. 6–13.

UDC 32.019.5

RUSSIAN HASH-TAGS AT MICRO-BLOG «TWITTER» AS A POLITICAL AND AN IDENTIFICATION MARKER

Novikova Svetlana Aleksandrovna,
Perm National Research
Polytechnic University,
Post-graduate student
of the Chair of Political Sciences,
Perm, Russia.
E-mail: svetlnovikova@gmail.com

Annotation

This article is dedicated to analysis of the political communication in micro-blog «Twitter» from a position of political identification through such mechanism as hash-tags. Hash-tags is taken for case, as they bring together different themes, positions, streams, followers and opponents in wide stream of Internet discourse. Protests statements in Russia in 2012 and the election campaign for the election of the mayor of Moscow in 2013 are used as the case studies.

Key concepts:

political identity, Internet, «Twitter», social networks, protest movement, hash-tags.

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЁ СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА

Ильиных Алексей Валерьевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
декан факультета экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: iav@urags-chel.ru

Смородина Ольга Сергеевна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
ст. преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
факультета экономики и права,
кандидат юридических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: olgasmorodina@yahoo.com

Аннотация

Конституционная идея разделения властей имеет многовековой опыт существования и дошла до наших дней в виде триединой метафоры правления со свойственным ей разделением на три ветви власти. В процессе исторического развития видоизменились государственные и общественные институты, а значит, преобразовались и базовые идеи, которые мы именуем основами конституционного строя. В этой связи в статье последовательно анализируется доктрина разделения властей, но, применительно к современным условиям, выявляются новые аспекты функционирования данного принципа, а также приводятся предложения по реализации и совершенствованию конституционной идеи разделения властей в федеративном государстве.

Ключевые понятия:

конституционализм,
идея разделения властей,
реформирование, институт Президента,
федерализм, система сдержек
и противовесов.

В Конституции Российской Федерации нашла свое отражение такая идея русского конституционализма, как разделение властей. Традиционная интерпретация принципа разделения властей сводится к тому, что парламент творит законы, исполнительная власть их реализовывает, а суды применяют при отправлении правосудия. Однако изучая данный принцип в исторической ретроспективе, можно прийти к выводу, что теория разделения властей не осталась статичной, а постоянно изменялась параллельно с иными конституционными институтами, поэтому в отечественном государственном праве ее не стоит рассматривать поверхностно.

В современных демократических государствах принцип разделения властей обогащается такими конституционными институтами, как политический плюрализм, прокурорский надзор, судебный надзор за правовыми актами, конституционное судопроизводство, существующее в виде конституционного контроля и др. Трансформация идеи разделения властей и послужила отправной точкой для настоящей публикации, поскольку мы поставили целью уяснение сущности идеи разделения властей, ее современное понимание и воплощение в российском законодательстве.

Закрепление в Конституции России 1993 года доктрины разделения властей в качестве принципа и основы конституционного строя подразумевает, что структура организации и деятельности органов государственной власти выстраивается с учетом механизмов взаимных сдержек и противовесов.

С.А. Авакьян отмечает два аспекта, в которых проявляется принцип разделения властей [1, с. 392–393]:

1) деление единой государственной власти на три ветви, представляемые самостоятельными видами органов законодательной, исполнительной и судебной власти, с обязательным разграничением полномочий между ними;

2) распределение властных функций по уровням системы государственных органов на федеральный уровень, уровень субъектов Российской Федерации и уровень местного самоуправления (которое, являясь негосударственным образованием, участвует в управлении общественными и публичными, а также, в случаях их делегирования, некоторыми государственными делами).

Конституция Российской Федерации отражает только первый аспект принципа

разделения властей. Статья 10 Конституции России гласит: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Второй аспект принципа разделения властей обусловлен федеративным устройством нашего государства. При такой организации государственная власть осуществляется посредством органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. О двойственном характере государственной власти в Российской Федерации свидетельствуют многие статьи Конституции Российской Федерации: ст. ст. 5, 11, 71, 73 и др. Вместе с тем, исследуя положения указанных статей, некоторые авторы отмечают независимый характер государственной власти субъектов Российской Федерации от государственной власти в целом [13, с. 654]. Они комментируют это тем, что входящие в состав Российской Федерации субъекты, – это так называемые «государства в государстве» или государственно-подобные образования, реализующие в силу этого государственную власть на уровне своего региона. Более того, в научной литературе фиксируется, что «субъекты всегда обладают государственной автономией» [5, с. 799]. Однако из статьи 3 Конституции России следует, что они не обладают суверенитетом (в данном случае можно говорить о суверенности, но не о суверенитете), и как следствие, не могут иметь государственную власть, не зависящую от Федерации.

В соответствии со статьями 3 и 5 Конституции Российской Федерации, государственная власть в России цельная и единая, ее единственным источником является многонациональный народ. Вследствие этого логичным будет вывод о том, что государственная власть субъектов Российской Федерации является частью единой системы государственной власти, которую осуществляет народ через органы государственной власти субъектов Российской Федерации [4, с. 141]. Так как речь в статье 10 Конституции идет о государственной власти в Российской Федерации в целом, то принцип разделения властей распространяет свое действие не только на федеральный уровень, но и на уровень субъектов Федерации. Конституционный суд Российской Федерации по этому поводу своим Постановлением четко определил:

«Разделение властей закрепляется в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя для Российской Федерации в целом, т. е. не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в ее субъектах» [10].

В системе местного самоуправления доктрина разделения властей не применяется официально, но на практике функционируют представительные (городские думы, собрания депутатов) и исполнительные органы местного самоуправления (местная администрация). При этом Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] от 6 октября 2003 года не только оперирует понятием представительного органа, но и прямо именует местную администрацию исполнительно-распорядительным органом.

Буквальное толкование статьи 10 Конституции Российской Федерации означает, что принцип разделения властей распространяется лишь на органы государственной власти. Суть данного принципа, заложенная еще французскими просветителями, состоит в создании таких политических и юридических препятствий, которые не позволяли бы концентрировать и узурпировать власть одним органом либо должностным лицом. Система сдержек и противовесов предоставляет ветвям государственной власти право контролировать и взаимно координировать деятельность друг друга, охраняя конституционно значимые ценности. При этом свои полномочия различные органы государства осуществляют самостоятельно: ни один орган государственной власти не вправе превышать пределы той компетенции, которая установлена Конституцией Российской Федерации и законами.

В настоящее время время принято говорить о переходном характере российской политической системы. Нормативно это подтверждается отсутствием в Конституции Российской Федерации упоминания о политической системе страны [14, с. 8], хотя даже не это признается недостатком. Большой акцент делается на отсутствии в Конституции положений о политических партиях, что не согласуется с общемировой тенденцией конституционализации и институционализации политических партий, а именно закрепления их роли в обществе, а также принципов, на основе которых они создаются и действуют.

К недостаточному выработанным проблемам относится вопрос о политической и

государственной власти. Проблема власти связана с ролью политической оппозиции, которая в современном обществе является совершенно нормальным и даже необходимым явлением. В.Е. Чиркин указывает на смешение в конституционных формулировках политической власти народа как источника государственной власти и государственной власти, осуществляемой собственными органами государства [14, с. 8].

Часть 1 статьи 11 Конституции России декларирует: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». Однако упускается один важный момент: ведь и сам народ тоже осуществляет государственную власть, ибо статья 3 Конституции указывает, что принятие всенародным голосованием Конституции Российской Федерации либо закона есть осуществление государственной власти народом. Более того, в России существуют государственные органы, которые не вписываются в традиционную триаду органов государственной власти. С.А. Авакьян делает ссылку в этом случае на Конституционное Собрание [1, с. 397], которому отданы функции по разработке, утверждению текста новой Конституции и вынесению ее на референдум. Очевидно, по нашему мнению, Конституционное Собрание можно отнести к государственному органу.

В определении взаимоотношения ветвей государственной власти с XX века в мире прослеживаются две тенденции: с одной стороны, наблюдается дальнейшее разграничение властей, с другой – упрощаются суждения об их общности и даже субсидиарности: во имя реализации единых задач каждая ветвь власти дополняет другую в рамках, обозначенных Конституцией [14, с. 8]. В идеях, посвященных разделению властей, следует не ограничиваться традиционным их перечислением, напротив, необходимо четко установить все признаки ветвей власти, проанализировать их органы и деятельность. Для того чтобы выявить, можно ли назвать какую-либо структуру новой ветвью власти, первоначально нужно определить отграничение ее органов, сферы, полномочий и способов осуществления своей деятельности. В России практически не поднимается вопрос о разделении функций по управлению государством и обществом, хотя это тоже отно-

сится к проблеме разделения властей: такое деление нужно для того, чтобы, с одной стороны, не допустить чрезмерного вмешательства государства в общественные дела, с другой – подмены общественными структурами государственной власти. Определение способов и средств взаимного влияния властвующих субъектов подразумевает то, что каждый из них самостоятелен в отношении порученных ему вопросов, в то же время находится под своеобразным контролем окружающих [1, с. 397].

С новыми аспектами функционирования принципа единства государственной власти и разделения ее на ветви власти, связаны изменения во взаимоотношениях Президента, парламента и правительства. В.Е. Чиркин интерпретирует это развивающуюся тенденцию к созданию гибридных и смешанных форм правления и территориально-политического устройства [14, с. 8]. Востребованным является сам предмет исследования существующих государственных форм правления, включая и нетрадиционные формы [9, с. 64–67]. Наиболее жизнеспособными из нетипичных, форм правления, как полагает А.Г. Пархоменко, являются именно разновидности смешанных форм республики [8, с. 243]. В современных государствах наблюдается синтез парламентской и президентской республик, и объясняется это тем, что «чистая» форма республики (например, президентская), как правило, имеет склонность к авторитаризму (появлению суперпрезидентских республик), парламентская – созданию предпосылок для нестабильного правительства.

Как известно, отличительной особенностью президентской республики от парламентской является порядок ее формирования и способы ответственности правительства. И для России – республики с преобладающим положением Президента в системе государственной власти – данная направленность не является исключением.

Российский институт президентства в целом сопровождается повышенным интересом как отечественных, так и зарубежных специалистов в области права. При этом отношение к данному институту представляется разнообразными и нередко неоднозначными отзывами и оценками, в особенности в последнее время в условиях жесткой геополитической обстановки. Критика в адрес института президентства в России зачастую звучит от зарубежных политологов, а затем от представителей отечественной юридической науки. Ак-

цент делается на доминирующем положении главы нашего государства над всеми иными государственными структурами; аргументируется, что существует четвертая, обособленная ветвь власти – президентская, которая возглавляет всю пирамиду государственной власти [11, с. 65]. Именно Президент Российской Федерации ассоциируется с такими проблемами, как нарушение принципа разделения властей; усиление исполнительной ветви власти и выстраивание «вертикали»; «указное законотворчество»; «вырождение» федеративных отношений; «упадок» парламента; фиктивность конституционного правосудия.

Отличительной чертой Конституции является то, что она стремится «привязать» общие положения концепции разделения властей к российской действительности [6, с. 79]. Справедливостью этого тезиса наиболее полно проявляется в правовом положении главы государства. Президент России официально не относится ни к одной из трех ветвей власти. В ч. 1 ст. 80 Конституции Российской Федерации закреплено: «Президент Российской Федерации является главой государства». Установленная в Конституции Российской Федерации 1993 г. модель разделения властей семантически близка к «смешанному» варианту, в котором сочетаются элементы жесткой и гибкой моделей.

По сути, само исследование эволюции института президентства в Российской Федерации и перспектив развития конституционных идей в этой области неразрывно связано с попыткой решить теоретическую и глубоко философскую проблему создания органичной для России правовой модели (основы) организации государственной власти, поскольку именно от ее решения, в конечном счете, зависят и ответы на текущие вопросы правового характера.

Модель института президентства Российской Федерации, закрепленная в Конституции Российской Федерации, ориентирована на институционально сильного Президента, стоящего над остальными институтами, включая парламент и Правительство. Это системообразующий институт. Основной причиной дисбаланса в системе разделения властей является «компетенционная экспансия», представляющая собой очевидное внеконституционное расширение полномочий Президента Российской Федерации с превышением пределов компетенции за счет компетенции других институтов. Вместе с тем, конституционная

модель не предопределяет с неизбежностью фактического дисбаланса и абсолютного доминирования лица, замещающего пост Президента Российской Федерации, а лишь делает это возможным. «Гибкость» конституционной модели института президентства Российской Федерации и всей системы государственной власти предполагает возможность усиления институтов парламента и Правительства (в том числе создание Правительства парламентского большинства) при сохранении институционально сильного Президента.

В науке также отсутствует единство мнений и по поводу роли Правительства Российской Федерации в системе органов государственной власти. В этом вопросе можно выделить две позиции. По мнению В.В. Полянского, исполнительная власть в настоящее время не имеет политически самостоятельной роли и не может рассматриваться как равноправная с законодательной властью ветвь власти. Данная позиция основывается на том, что разделение властей не ведет к равному статусу подсистем публичной власти – законодательной, исполнительной, судебной (по горизонтали), федеральной и субъектной (по вертикали), – фактически нигде нет равнозначности властей, а есть баланс, который имеет периодические отклонения, но балансирование есть нормальное состояние гибкости системы. Наличие ведущего звена в системе публичной власти объективно обеспечивает целенаправленность, перспективу, стимулирование социального, экономического прогресса [12, с. 110]. Иная точка зрения исходит из того, что изначально нельзя было уравнивать все ветви государственной власти, так как без сильной исполнительной власти законы не смогут исполняться и будут ничтожными. Именно исполнительная власть, на вершине которой находится Правительство, сосредоточивает в своих руках неизмеримо больше, по сравнению с другими ветвями государственной власти, финансовых, материально-технических, организационных, людских и иных ресурсов. Именно она обладает сегодня полной, если не сказать исчерпывающей, информацией о процессах, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общественного организма и на международной арене [2, с. 27]. На основании разграничения политических и исполнительных полномочий можно подытожить, что в настоящее время Правительство Российской Федерации не обладает должной политической самостоятельностью

тью, несмотря на то, что обладает обширными исполнительными полномочиями, в связи с чем на протяжении долгого времени политический контроль над Правительством России являлся предметом политической борьбы между законодательной властью и Президентом Российской Федерации [3, с. 326].

В этой связи предлагаем усовершенствовать механизм согласования кандидатуры Председателя Правительства с Государственной Думой и ответственности Правительства перед нижней палатой парламента, упрочить самостоятельность Правительства, усилить его статус как высшего органа исполнительной власти, создать реальный механизм конституционной ответственности Президента.

Отдельные вопросы возникают и по поводу прокурорской власти (в Конституции о прокуратуре говорится в главе о судебной власти, но очевидно, что прокуратура не является частью судебной власти, а помещение норм о ней в указанной главе «можно считать просчетом создателей конституционного текста» [1, с. 398]), контрольной государственной власти (у специальных органов с контрольными функциями), избирательной власти (у верхних звеньев избирательных комиссий – Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации), банковской (исходя из независимости Банка России от иных государственных органов, в частности, от Правительства Российской Федерации). Таким образом, конституционные идеи в области рассмотрения принципа разделения властей развиваются с учетом перспектив дополнения традиционных законодательных, исполнительных и судебных органов другими органами и механизмами государственной власти и выделения новых их разновидностей. Так, идеи охватывают выделение следующих разновидностей государственной власти: учредительной (связанной с деятельностью Конституционного Собрания и принятием Конституции Российской Федерации народом); народной (предполагает проведение референдума); президентской; законодательной; исполнительной; судебной; прокурорской; избирательной; финансово-банковской; контрольной (контрольно-надзорной) [1, с. 399].

Подводя итог работе, следует отметить, что избранная в России конституционная модель разделения властей нуждается в модернизации исходя из изменившегося

понимания ее сущности и возникновения новых разновидностей. Для того чтобы конституционное регулирование могло охватить новые возникающие правоотношения, реформирование неизбежно, однако оптимальным вариантом является его проведение не в процессе кардинальной ломки, а в ходе конституционной эволюции в отсутствие социальных потрясений.

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс. 4-е изд. М., 2010. Т. 1.

2. Керимов А.Д. Исполнительная власть в системе разделения властей // Гражданин и право. 2001. № 9. С. 27.

3. Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования... Указ. соч. С. 326.

4. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 141.

5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: общая часть: учебник для вузов / отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М., 2007. С. 799.

6. Лебедев В.А. Историко-теоретические проблемы формирования концепции государственной власти Российской Федерации // Конституция Российской Федерации и проблемы ее реализации. Челябинск, 1999. С. 79.

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 06.10. 2003. № 131-ФЗ; ред. от 28.12.2013; с изм. и доп., вступ. в силу с 30.01.2014 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

8. Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма... Указ. соч. С. 243.

9. Пархоменко А.Г. Нетипичные формы правления в современном государстве. Перспективы в России // в кн.: Актуальные проблемы правового регулирования экономических отношений в условиях реформирования. Хабаровск, 1997. С. 64–67.

10. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края : Постановление Конституц. суда от 18.01.1996. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 4. Ст. 409.

11. Полянский В.В. Конституционный процесс и политика // Государство и право на рубеже веков: материалы Всеросс. конф. М.: Институт гос-ва и права РАН, 2000. С. 65.

12. Полянский В.В. Системность и проблемы гармонизации публичной власти (исполнительная власть в системном измерении) // История становления и современное состояние исполнительной власти в России. М.: Новая правовая культура, 2003. С. 110.

13. Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации: учебник. М., 2001. С. 280; Авакьян С.А. Конституционное...Указ. соч. С. 654.

14. Чиркин В.Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Государство и право. 2000. № 6. С. 8.

References

1. Avak'yan S.A. Konstitutsionnoye pravo Rossii [Constitutional Law of Russia]: ucheb. kurs. 4-ye izd. M., 2010. T. 1.

2. Kerimov A.D. Ispolnitel'naya vlast' v sisteme razdeleniya vlastey // Grazhdanin i pravo. 2001. № 9. S. 27.

3. Kireyev V.V. Teoreticheskiye problemy reformirovaniya... [Theoretical problems of reforming] Ukaz. soch. S. 326.

4. Kozlova Ye.I., Kutafin O.Ye. Konstitutsionnoye pravo Rossii. 4-ye izd., pererab. i dop. M., 2006. S. 141.

5. Konstitutsionnoye (gosudarstvennoye) pravo zarubezhnykh stran: obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov / otv. red. B.A. Strashun. 4-ye izd., obnovl. i dorab. M., 2007. S. 799.

6. Lebedev V.A. Istoriko-teoreticheskiye problemy formirovaniya kontseptsii gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii i problemy yeye realizatsii. Chelyabinsk, 1999. S. 79.

7. Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 06.10. 2003. № 131-FZ; red. ot 28.12.2013; s izm. i dop., vstup. v silu s 30.01.2014 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2003. № 40. St. 3822.

8. Parkhomenko A.G. Idei rossiyskogo konstitutsionalizma... [Ideas of Russian constitutionalism] Ukaz. soch. S. 243.

9. Parkhomenko A.G. Netipichnyye formy pravleniya v sovremennom gosudarstve. Perspektivy v Rossii [Atypical forms of government in the modern state. Prospects in Russia] // v kn.: Aktual'nyye problemy pravovogo regulirovaniya ekonomicheskikh otnosheniy v usloviyakh reformirovaniya. Khabarovsk, 1997. S. 64–67.

10. Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozhenii Ustava (Osnovnogo Zakona) Altayskogo kraia: Postanovleniye Konstituts. Suda ot 18.01.1996. № 2-P // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 1996. № 4. St. 409.

11. Polyanskiy V.V. Konstitutsionnyy protsess i politika // Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov: materialy Vseross. konf. M.: Institut gos-va i prava RAN, 2000. S. 65.

12. Polyanskiy V.V. Sistemnost' i problemy garmonizatsii publichnoy vlasti (ispolnitel'naya vlast' v sistemnom izmerenii) [Systemic problems of harmonization of public authority (the executive branch in the system dimension)] // Istoriya stanovleniya i sovremennoye sostoyaniye ispolnitel'noy vlasti v Rossii. M.: Novaya pravovaya kul'tura, 2003. S. 110.

13. Chirkin V.Ye. Konstitutsionnoye pravo v Rossiyskoy Federatsii: uchebnik [Constitutional law in the Russian Federation: the textbook]. M., 2001. S. 280; Avak'yan S.A. Konstitutsionnoye...Ukaz. soch. S. 654.

14. Chirkin V.Ye. O nekotorykh problemakh reformy rossiyskoy Konstitutsii // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 6. S. 8.

UDC 342.4

CONSTITUTIONAL IDEA OF SEPARATION OF POWERS IN THE FEDERAL STATE AND ITS MODERN INTERPRETATION

Ilyinykh Alexey Valeryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Dean of Economics and Law Faculty, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: iav@urags-chel.ru

Smorodina Olga Sergeevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Economics and Law Faculty, Cand. Sc. (Law).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: olgasmorodina@yahoo.com

Annotation

The constitutional idea of separation of the powers has centuries-old experience of existence and reached in the form of a triune metaphor of board with division peculiar to it into three branches of the power up to now. In the course of historical development the state and public institutes changed, so, also basic ideas which we call bases of the constitutional system were transformed. In this regard in article the doctrine of division of the authorities, but in relation to modern conditions, is consistently analyzed, new aspects of functioning of this principle come to light, and offers on realization and improvement of the constitutional idea of division of the authorities in a federal state are also provided.

Key concepts:

constitutionalism,
the idea of separation of powers,
reformation, Presidential Academy,
federalism,
system of «checks and balances»

УДК 343.24

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Черепашкин Алексей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Бадамшин Ильфат Давлетнурович,

Уфимский юридический институт МВД России, старший преподаватель кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент, г. Уфа, Россия.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются теоретико-прикладные вопросы определения и содержания целей уголовного наказания.

Ключевые понятия:

уголовный закон, цель, наказание, восстановление социальной справедливости, исправление, предупреждение.

Наказание, являясь основным из уголовно-правовых институтов, своим содержанием связано с определением его целей. Непосредственно через цели наказания достигается социально полезный результат, ожидаемый обществом. Определяя содержание целей наказания, законодатель с помощью уголовного права устанавливает пределы воздействия государства на применение принудительных мер к лицам, совершившим преступления [8, с. 277].

Термин «цель» содержит конкретизированный смысл, а потому его применение в тексте УК РФ имеет специальное назначение. В этой связи важно детализировать его понятийный аппарат. Данное предложение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно в сфере правотворческой деятельности.

Анализ определений термина позволяет заключить, что общим содержанием понятия цели является представляемый лицом результат, к достижению которого оно стремится в процессе своей деятельности.

Однако цель как правовая категория, в том числе уголовно-правовая, представляется более сложным понятием, о чем свидетельствуют многочисленные научные работы разной направленности и характера [18, с. 514].

Цели уголовного наказания определяют не только характер, условия и средства правоприменительной деятельности для их достижения, но и предшествующие этапы, начиная от возбуждения уголовного дела и до вынесения приговора. Они являются тем правовым ориентиром, который по определению должен обладать качеством прогнозирования конечного результата общественно полезной деятельности государства в области борьбы с преступностью.

Таким образом, цели наказания в уголовном праве играют ведущую роль. Цели определяют социальные функции уголовного наказания и общие направления эффективности наказания, множественность видов наказания, его свойства и построение системы наказаний, а также являются инструментами, оказывающими влияние на нормы общих начал назначения наказания.

Уголовный закон формулирует три цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Цель наказания – *восстановление социальной справедливости* (курсив наш – Авт.) – в уголовном законе впервые получила свое нормативное закрепление при принятии действующего Уголовного кодекса РФ. В теории уголовного права такое поло-

жение единодушного мнения не вызывает. Так, Н.Ф. Кузнецова отмечает приемлемость данной цели по отношению к наказанию, понимая под ней восстановление социальной справедливости в отношении потерпевших (восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества и государства), с одной стороны, и справедливое наказание преступника – с другой [9, с. 21]. Л.Л. Кругликов выступает против признания целью наказания восстановление справедливости, обосновывая это тем, что содержание социальной справедливости и средства ее достижения довольно аморфны, и нет объективных критериев ее достижения [20, с. 350]. Такой же позиции придерживается С.В. Максимов, отмечая, что справедливость представляет собой нравственно-этическую категорию, лишённую правового содержания. В качестве другого довода данный автор утверждает, что уголовное право не носит восстановительный, компенсационный характер, что присуще гражданскому праву [10, с. 109].

Высказывались и менее категоричные суждения о невозможности закрепления в уголовном законе указанной цели. Так, С.В. Полубинская отмечала, что измерение показателей степени достижения цели восстановления справедливости представляет исключительную трудность, вследствие этого в уголовном законе не следует формулировать эту цель [14, с. 23].

Весьма серьезным аргументом противников восстановления социальной справедливости как цели наказания является то, что после совершения преступления невозможно восстановить нарушенное благо, например, жизнь человека, его здоровье, иные ценности.

По нашему мнению, цель восстановления социальной справедливости – наиболее общая, составная, обязательная, она преследуется в любом случае, носит всеобъемлющий характер, включает в себя ряд задач. В самом широком смысле справедливое есть синоним должного, правильного. «Справедливость в праве – неуклонное следование закону» [16, с. 127]. В широком смысле – это «разумность общественной жизни; в правовом аспекте – формальное равенство, одинаковость масштаба (требований, законов, правил, норм), посредством которого «измеряются» поступки людей. Справедливость в наказаниях предполагает определение адекватной меры наказания за нанесенный в результате преступления ущерб» [22, с. 536–537].

В таком смысле восстановить социальную справедливость – значит привести данное соотношение к должному, уравно-

весить нарушенный преступлением порядок вещей. Вместе с тем справедливость – понятие оценочное, ее критерии для различных индивидов различны. Именно поэтому при назначении наказания важен индивидуальный подход.

В философской и юридической литературе приводится множество определений понятия социальной справедливости. Одни ученые связывают понятие справедливости с отношениями, складывающимися между обществом и личностью, утверждая, что она «выступает как понятие социально-философской теории, ...фиксирует в обобщенном виде принципы взаимоотношения общества и личности, классов и социальных групп, дает фундаментальную характеристику деятельности, взятой в противоречивом единстве с ее результатами» [2, с. 49]. Другие считают, что справедливость «выступает как поле взаимодействия экономики, права, политики, морали...», что данную категорию «...можно считать обобщающим философским понятием, выражающим объективные экономические, политические, правовые, нравственные условия жизни того или иного класса, общества и тенденции их развития» [1, с. 45].

Из этого следует, что справедливость выступает как необходимое явление общества, что получило отражение в позиции законодателя, который называет справедливость социальной. Термин «социальный» означает «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе» [13, с. 741], исходя из чего правомерно утверждать, что справедливость социальная – критерий, посредством которого оцениваются взаимоотношения между людьми, а также поведение индивида в обществе. Термин «восстановить» означает привести в прежнее состояние [11, с. 99].

Понятие справедливости имеет, с одной стороны, оценочный характер, а с другой – нормативный. Как оценочная категория справедливость позволяет дать оценку явлению, но, в отличие от других этических категорий, с позиций справедливости оценивается не отдельное явление, а соотношение явлений. Справедливость является одной из основополагающих, базовых оценочных категорий и с точки зрения современной этики ценностей. Поэтому обеспечение справедливости означает создание фундамента для реализации многих других ценностей современного общества и наоборот [12, с. 435].

В уголовном праве справедливость заложена в уголовно-правовых нормах. В диспозициях уголовно-правовых норм описываются деяния, которые признаны противоправными и общественно опасными, а в санкциях

предусматривается ответственность за их совершение в виде наказаний. Справедливость в уголовном праве будет иметь место тогда, когда за деяние, предусмотренное диспозицией, последует наказание, предусмотренное соответствующей санкцией. Иными словами, должны быть точно выполнены предписания уголовно-правовых норм.

Отсюда понятно, почему законодатель включил восстановление социальной справедливости в качестве цели уголовного наказания. Будучи острейшим средством разрешения конфликта между личностью и обществом и представляя собой понятную и доходчивую оценку для всех граждан самых важных, жизненно необходимых отношений в обществе, справедливое уголовное наказание способно быстро и ярко продемонстрировать обществу действующую систему ценностей. И наоборот, несправедливое наказание при достаточно широком его распространении способно быстро деформировать всю систему ценностей и тем самым изменить само общество.

Социальная справедливость реализуется в уголовном праве путем возложения на субъектов уголовных правоотношений обязанностей, являющихся содержанием предписаний уголовно-правовых норм. «Правоотношение ...потому выступает правовым отношением, что наполнено правовым содержанием, выливающимся в правовые обязанности и права. Только обязанности и права, стимулируемые или обеспечиваемые санкциями уголовно-правовых норм, не просто воздействуют на сознание и волю субъектов отношений, а воздействуют с целью направления их поведения на достижение задач, стоящих перед уголовным правом» [15, с. 42].

Рассматриваемая цель включает в себя демонстрацию отрицательной оценки государством действий преступника, которая укрепляет уверенность членов общества в торжестве закона, «сознание того, что посягающий на правоохраняемые интересы вызовет на себя реакцию и при том весьма чувствительную» [17, с. 74], а также удовлетворяет нравственное негативное отношение к преступному поведению. Государство при восстановлении социальной справедливости решает задачу неприкосновенности правопорядка. Она же предусматривает моральную сатисфакцию потерпевшего, возмещение ему причиненного материального ущерба и морального вреда, хотя для российского права традиционно рассматривать данную задачу через призму гражданского судопроизводства.

Нарушение социальной справедливости происходит при совершении лицом преступ-

ления, что влечет наступление негативных последствий в обществе. При этом преступник оказывается за пределами закона, противопоставляет себя обществу и устоявшимся в нем моральным ценностям. Говоря о негативных последствиях совершенного преступления, Б.С. Никифоров выделяет следующие направления дезорганизации общественных отношений:

1) нарушение упорядоченности системы общественных отношений и социально-психологического порядка в обществе;

2) нарушение индивидуально-психологического порядка;

3) отрицательный пример совершенного преступления для морально неустойчивых лиц;

4) «самозаявление» лица о своей опасности для общества [11, с. 68–69].

По вопросу, на каком этапе реализуется цель наказания – восстановление социальной справедливости, в науке уголовного права нет единого мнения. А.И. Зубков считает, что достижение этой цели происходит уже на стадии назначения уголовного наказания [21, с. 385–386]. С точки зрения Ю.М. Ткачевского, восстановление социальной справедливости немыслимо без реального исполнения назначенного судом наказания, без реализации его карательной сути [19, с. 12]. Мнение о том, что восстановление социальной справедливости достигается в процессе реализации уголовного наказания, разделяется и другими авторами [5, с. 324].

И поскольку окончательный вид и размер назначенного наказания содержатся в вступившем в законную силу приговоре суда, восстановление социальной справедливости как цель уголовного права реализуется назначением наказания.

Второй целью наказания является исправление осужденного. Данной цели уголовный закон придает особое значение, что не соответствует функциональным возможностям большей части наказаний.

Цель исправления осужденных заслуживает внимания еще и потому, что в специальной литературе понимается как комплексное социально-правовое и психолого-педагогическое воздействие на сознание осужденных.

По вопросу о содержательной стороне понятия «исправление» в литературе была развернута широкая дискуссия.

И.Я. Фойницкий указывал, что «теория исправления доктрина уголовного и пенитенциарного права обязана весьма важным положением, по которому наказание не должно быть развращающим ни для наказываемого, ни для общества. Теории исправления сблизили в области наказания инте-

рес общественный с личным, показав, что наказание приносит обществу пользу всего надежнее путем доставления пользы самому наказываемому, воспитывая его в духе осознания своих социальных обязанностей и доставления ему возможности честной жизни по отбытии наказания» [24, с. 61].

«Исправить – значит искоренить отдельные негативные черты личности, поступки, несовместимые с нормальным поведением в обществе. Поэтому исправление есть определенная коррективка поведения человека, в общем чаще всего совершающего позитивные поступки» [6, с. 9]. А.И. Зубков видит юридическое исправление в формировании осужденных в соответствии с положительными, общественно полезными правилами и традициями человеческого общежития, и стимулировании их правопослушного поведения посредством воспитательной работы, общественно полезного труда, получения общего образования, профессиональной подготовки и общественного воздействия, осуществляемых в условиях, создаваемых установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом) [3, с. 25].

В уголовно-исполнительном законодательстве и пенитенциарной педагогике исправление осужденного – это средство достижения цели наказания. Степень исправления – это конечный результат, достигаемый в результате реализации этого процесса в пределах установленных приговором сроков наказания. В большей степени результат достижения целей наказания определяется не сроком наказания, а характером и интенсивностью применения основных средств исправления.

В уголовном праве цель исправления должна в идеале обеспечиваться назначением справедливого, законного и обоснованного наказания. При назначении наказания суд должен руководствоваться не только общественной опасностью преступления, но и учитывать личность виновного и назначать наказание, которое с наибольшей эффективностью обеспечивало бы достижение цели его исправления. Теоретически цель исправления состоит именно в этом. При этом основным недостатком содержания цели исправления как социально желаемого результата является отсутствие хотя бы приближительного критерия, по которому можно было бы определить возможность ее достижения. Отсутствие такого инструментария порождает при рассмотрении данной проблемы различные подходы, позиции и предложения.

На наш взгляд, предлагаемым критериям оценки должны быть свойственны свои структурно-уровневые обобщающие пока-

затели, отражающие определенный уровень исправления осужденного.

В содержательном же плане обобщающий показатель должен состоять из множества отдельных признаков исправления осужденного. Каждый признак исправления дает информацию об определенной стороне жизнедеятельности осужденного в период отбывания им наказания. Все признаки исправления должны способствовать детальному и всестороннему изучению личности осужденного, когда все его внешние проявления, а по возможности и внутренняя побудительная мотивация будут учтены.

Основное назначение обобщающих показателей в том, что их совокупность в течение установленной продолжительности времени будет являться доказательством той или иной степени исправления осужденного.

Наконец, третьей целью наказания является *предупреждение совершения новых преступлений*. Традиционно она в теории подразделяется на частное (со стороны осужденного) и общее (иными лицами) предупреждение. Без исправления осужденного у нас не будет оснований для рассуждений о достижении частного предупреждения. Что же касается общего предупреждения, то связь между наказанием лица, совершившего преступление, и предупреждающим воздействием на иных лиц является неоднозначной.

Общепредупредительное воздействие наказания выражается в самом запрете совершения совокупности деяний, закрепленном в законе, и установлении определенных санкций за их совершение. Оно повышается, если обществу наглядно демонстрируются примеры справедливого наказания виновных в совершении преступления, если ни один факт противоправного общественно опасного деяния, посягнувшего на права и свободы человека, не остается без внимания и реакции со стороны государства. Наказание, закрепленное в санкции, до момента совершения преступления обращено к неопределенному кругу лиц, несет в себе информацию о возможных неблагоприятных последствиях при нарушении закона и тем самым «пассивно» ограждает индивидов от совершения преступлений, является «действенным средством укрепления законности и правопорядка» [12, с. 301].

Адресатом целей общего предупреждения является любое лицо. В.Н. Кудрявцев обоснованно отмечает, что «общепреventивное действие права заключается в предупреждении всех лиц, имеющих отношение к его предписаниям, о том, что эти предписания обязательны (желательны) для испол-

нения и обеспечены силой государственно-принуждения или влекут положительные последствия в случае правового стимулирования поведения» [7, с. 139].

Целью специального предупреждения является предупреждение совершения новых преступлений лицом, совершившим преступление. Назначая наказание, суд преследует цель предупредить возможность совершения осужденным другого преступления. И.И. Карпец к способам обеспечения цели специального предупреждения относил лишение преступника физической возможности совершить преступление, психическое воздействие на преступника и устрашение [4, с. 156–158].

В теории уголовного права как ранее, так и в настоящее время встречаются точки зрения, выделяющие цель предупреждения преступлений как основную. М.Д. Шаргородский, признавая исправление одной из первоначальных целей наказания, все же в большей степени считал ее средством для достижения основной цели наказания, к чему относил предупреждение совершения преступлений [18, с. 31]. С.В. Максимов предложил предупреждение преступлений считать единственной целью наказания, посчитав выделение иных целей (восстановление справедливости и исправление осужденного) методологически и содержательно необоснованным [10, с. 113].

Казалось бы, постановка перед наказанием отдельно целей исправления осужденного и предупреждения совершения им нового преступления необходимостью не вызывается. При достижении первой цели не может быть не достигнута вторая.

Вероятно, законодательный подход связан с тем, что лицо способно не совершать новое преступление не в силу своего исправления, а в силу нежелания вновь подвергнуться наказанию. Тогда будет реализована исключительно цель предупреждения совершения нового преступления. Разумеется, достижение обеих целей предпочтительнее, ибо исправление осужденного дает больше гарантий для несовершения им нового преступления, но и простое их несовершение – уже успех наказания.

5. Комментарий к УК РФ / под ред. В.И. Радченко. М., 1997. С. 324.

6. Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. М., 1979. С. 9.

7. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 139.

8. Кузнецов А.П. Цели наказания в уголовном законодательстве: теоретический аспект // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2009. С. 277.

9. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2011. С. 21.

10. Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск: УлГУ, 2002. С. 109.

11. Никифоров Б.С. Наказание и его цели // Советское государство и право. 1981. № 9. С. 68–69.

12. Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 301.

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук., проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1978. С. 741.

14. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. М., 1990. С. 23.

15. Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права. Саратов, 1995. С. 42.

16. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М., 1996. С. 127.

17. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. М., 1994. Т. 2. С. 74.

18. Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973; Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973; Бриллиантов А.В. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации. М., 2011. 514 с.

19. Ткачевский Ю.М. Соотношение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1998. № 2. С. 12.

20. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 350.

21. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. А.И. Зубкова. М., 1997. С. 385–386.

22. Философский словарь / под ред. Т.Н. Фролова. М., 2001. С. 536–537.

23. Философский энциклопедический словарь. М., 2000. С. 435.

24. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб., 1889. С. 61.

References

1. Бербешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. М., 1983. С. 45.

2. Давидович В.Е. Слагаемые социальной справедливости // Коммунист. 1983. № 5. С. 49.

3. Зубков А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 25.

4. Карпец И.И. Индивидуализация наказания. М., 1961. С. 156–158.

1. Berbeshkina Z.A. Spravedlivost' kak sotsial'no-filosofskaya kategoriya. M., 1983. S. 45.

2. Davidovich V.Ye. Slagayemyye sotsial'noy spravedlivosti // Kommunist. 1983. № 5. S. 49.

3. Zubkov A. Yuridicheskoye znachenie tseli ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody // Prestupleniye i nakazaniye. 1998. № 4. S. 25.

4. Karpets I.I. Individualizatsiya nakazaniya. M., 1961. S. 156–158.

5. Kommentariy k UK RF / pod red. V.I. Radchenko. M., 1997. S. 324.

6. Kommentariy k Ispravitel'no-trudovomu kodeksu RSFSR. M., 1979. S. 9.

7. Kudryavtsev V.N. Pravo i povedeniye. M., 1978. S. 139.

8. Kuznetsov A.P. Tseli nakazaniya v ugovnom zakonodatel'stve: teoreticheskiy aspekt [Purposes of punishment in the criminal law: the theoretical aspect] // Kategoriya «tsel'» v ugovnom, ugovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii: materialy IV Rossiyskogo kongressa ugovnogo prava. M.: Prospekt, 2009. S. 277.

9. Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov. Tom 1. Ucheniye o prestuplenii [The course of criminal law. Overview: The textbook for high schools. Vol. 1. The doctrine of the crime] / pod red. N.F. Kuznetsovoy, I.M. Tyazhkovoy. M.: Zertsalo, 2011. S. 21.

10. Maksimov S.V. Tsel' v ugovnom prave: metodologicheskiye aspekty [The purpose of criminal law: methodological aspects] / otv. red. A.I. Chuchayev. Ul'yanovsk: UIGU, 2002. S. 109.

11. Nikiforov B.S. Nakazaniye i yego tseli // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1981. № 9. S. 68–69.

12. Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy / pod red. V.K. Babayeva. N. Novgorod, 1993. S. 301.

13. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. d-ra filol. nauk., prof. N.YU. Shvedovoy. M.: Rus. yaz., 1978. S. 741.

14. Polubinskaya S.V. Tseli ugovnogo nakazaniya. M., 1990. S. 23.

15. Razgil'diyev B.T. Ugovno-pravovyye otnosheniya i realizatsiya imi zadach ugovnogo prava. Saratov, 1995. S. 42.

16. Solov'yev V.S. Opravdaniye dobra: нравstvennaya filosofiya. M., 1996. S. 127.

17. Tagantsev N.S. Russkoye ugovnoye pravo: lektsii. Chast' obshchaya. M., 1994. T. 2. S. 74.

18. Tkachevskiy YU.M. Osvobozhdeniye ot otbyvaniya nakazaniya. M., 1970; Shargorodskiy M.D. Nakazaniye, yego tseli i effektivnost'. L., 1973; Karpets I.I. Nakazaniye. Sotsial'nyye, pravovyye i kriminologicheskiye problemy. M., 1973; Brilliantov A.V. Ugovno-ispolnitel'noye pravo Rossiyskoy Federatsii. M., 2011. 514 s.

19. Tkachevskiy YU.M. Sootnosheniye ugovnogo i ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Vestnik MGU. Ser. 11. Pravo. 1998. № 2. S. 12.

20. Ugovnoye pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnik dlya vuzov [Criminal Law of Russia. Part common: textbook for high schools] / otv. red. L.L. Kruglikov, 2-ye izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2005. S. 350.

21. Ugovno-ispolnitel'noye pravo Rossii: uchebnik / pod red. A.I. Zubkova. M., 1997. S. 385–386.

22. Filosofskiy slovar' [Philosophic dictionary]; pod red. T.N. Frolova. M., 2001. S. 536–537.

23. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 2000. S. 435.

24. Foynitskiy I.YA. Ucheniye o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniyem. SPb., 1889. S. 61.

UDC 343.24

ON THE CONTENT OF PENALTY TARGETS IN CRIMINAL LAW

Cherepashkin Alexei Sergeyeovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Legal Theory and Criminal Law, Cand. Sc. (Law), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Badamshin Ilfat Davletnurovich,

Ufa Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Cand. Sc. (Law), Associate Professor. Ufa, Russia.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Annotation

The article examines theoretical and practical issues of defining targets of criminal penalty and their content.

Key concepts:

criminal law, target, penalty, restoration of social justice, reformation, prevention.

УДК 81'42 + 34.09

КОЛЛОКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОБЛИГАТОРНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лескина Седя Витальевна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации,
доктор филологических наук, доцент.
г. Челябинск, Россия.
E-mail: seda-70@mail.ru

Киверник Наталья Юрьевна,

Челябинский институт
путей сообщения,
филиал Уральского государственного
университета путей сообщения, старший
преподаватель кафедры языков и
литературы,
аспирант Челябинского государственного
педагогического университета.
г. Челябинск, Россия.

Аннотация

В статье рассматривается использование в корпусе юридических документов коллокаций как облигаторной характеристики языка права в русском и английском языках. Предлагается интерпретация исследуемого явления как уникального языкового знака, представляющего интерес с семантической точки зрения в юридических документах в русском и в английском языках.

Ключевые понятия:

коллокация, юридический документ, нод, коллокат, семантически свободные словосочетания, лексически ограниченные словосочетания.

В официальной терминологии слово «документ» трактуется в нескольких значениях. Узкое значение включает деловые бумаги, письменные удостоверения, исторические источники. Более распространённым является понимание термина «документ» в широком смысле, где документ определялся как материальный объект, содержащий информацию для ее распространения в пространстве и времени (включая и т.н. трехмерные произведения искусства – архитектуру и скульптуру) [6, с. 12]. Толкование, согласно которому документом можно считать любой материальный объект, несущий информацию: от письменного документа, грампластинок и кинофильмов до произведений искусства (архитектурных сооружений, графики, живописи, скульптуры), от образцов минералов, гербариев, исторических реликвий до изделий промышленности и техники (часы, автомобиль, винтовка) и т.д. применяется с 90-х годов XX века.

Независимо от подхода к пониманию термина «документ» следует отметить, что наиболее значимой и незаменимой составляющей любого документа выступает информация, с которой относятся различные данные, сведения, сообщения, знания, предназначенные для передачи при коммуникации. Иными словами, документ – это материальный носитель информации. Юридический документ – это документ, содержащий правовую информацию [6, с. 12]. Правовая информация в широком смысле означает содержание данных, использование которых предопределяет решение той или иной правовой задачи или способствует ее решению. В научной литературе и практике юридической деятельности термин «правовая информация» охватывает такие понятия, как «источник права», «правовой материал»; «правовые акты», «правовые документы» и другие, которые ранее использовались при анализе информационных проблем права и юридической деятельности.

Анализ соответствующих документов и научной литературы по теме позволяют констатировать, что изложение правовой информации в юридических документах возможно благодаря соблюдению определённых требований, предъявляемых к языку права. К таким требованиям относятся следующие лингвистические способы и приёмы:

– специфический жесткий модус юридических текстов, в котором доминирует предписательный императив: «запрещено», «обязан», «имеет право» и т.п.;

– степень обобщенности, абстрактности изложения;

– лаконичная конструкция фразы, где комплекс обязательных действия двух агентов по отношению к объекту (владелец коллекции представляет для учета, государство учитывает) сформулирован как модальное свойство объекта: «коллекции подлежат учету» [5, с. 68].

Названные выше приёмы, демонстрирующие специфику языка юридических документов, обеспечиваются особым «качеством» языка, которое обусловлено следующими факторами:

– формулировки юридических документов должны характеризоваться чёткой стандартностью, стереотипностью, грамматическим единообразием;

– обязательно соблюдение жесткости функционально-семантического поля юридического языка, т.е. терминология должна быть устойчивой, должны использоваться общепризнанные в науке и практике термины. В каждой отрасли знаний и в определённой сфере деятельности должны употребляться соответствующие для неё термины с общепризнанными денотативными и сигнификативными значениями; необходимо и важно избегать употребления в тексте документа иностранных слов, неологизмов, архаизмов, метафорических выражений, афоризмов, двусмысленных, многозначных выражений [5, с. 68].

«Именно термины, общенародные слова и грамматические связи и формы выделяются как три составные части юридического текста. При этом те, кто возлагает большие надежды на понятный для масс юридический язык, полагают, что именно вторые и третьи играют в понятности решающую роль. Общедоступность закона достигается, прежде всего, простотой словарного запаса, которым пользуется законодатель. Это означает, что термины, употребляемые в законе, должны быть ясными, взятыми из народного языка» [3].

В отечественной научной литературе термин «коллокация» появился в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой. Первой научной работой в отечественной лингвистике, полностью посвященной исследованию понятия коллокации на материале русского языка, является монография Е.Г. Борисовой.

Если рассматривать этимологию данного термина, следует отметить, что он исходит от латинского пассивного причастия (причастия прошедшего времени) *collocatus* от глагола *collocare* (place side by side):

col – вместе; *locare* – располагать(ся). Под коллокацией различные учёные понимают единицы, имеющие немало общего с фразеологизмами, синтаксико-семантические явления, в которых всегда существуют два компонента: свободный и зависимый, основной элемент которого слово [1, с. 163] и последовательность слов, которые встречаются вместе чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайности распределения [4, с.140].

Очевидно, что понятие «коллокация» как термин и как явление присутствует и в русском, и в английском языках. Анализ научной и практической литературы позволяет утверждать, что на сегодняшний день ни одним из лингвистов не было предложено полной и однозначной интерпретации термина «коллокация» с присвоением ему характеристик, выделяющих их в отдельный класс знаковых систем. Ни одна из попыток не позволила вывести единую теорию коллокаций, принятую лингвистами безоговорочно и без поправок. Всё вышесказанное позволяет утверждать, что проблема дефиниции, интерпретации и классификации коллокаций является достаточно актуальной и значимой как для отечественных, так и для зарубежных лингвистов. Мы предлагаем рассматривать и исследовать коллокации как свободные словосочетания, которые являются лексически ограниченными; построенными на основе сочетаемостных ограничений; не отождествляемые с несвободными словосочетаниями; являющиеся уникальным непредикативным языковым знаком.

Полагаем, что «термины, взятые из народного (естественного языка) – это не что иное, как коллокативные конструкции. Именно они (коллокативные конструкции) позволяют соблюсти правило жесткости функционально-семантического поля, необходимого для языка права, используемого в юридических документах на русском и английском языках. Рассмотрим подробнее на примерах в юридических документах на русском и английском языках.

Юридический термин-коллокация «административное взыскание»

На сегодняшний день в г. Москве размер административных взысканий в бюджет города отличается от периферийных городов РФ.

Все меры административного взыскания, кроме ареста, применяются и к несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет.

Словосочетание «административное взыскание» действительно является колло-

кативной конструкцией, т.е. семантически свободным, но лексически ограниченным словосочетанием, в составе которого нод и коллокат находятся в сочетаемостной зависимости друг от друга. Синонимический ряд лексемы «взыскание» представлен такими языковыми знаками, как *взимание, давление, принуждение, штраф, наказание; нахлобучка, втык, внушение, встрепка, наказать, встряска, требование, выколачивание, нагоняй, выговор, пеня, выволочка*. Однако в теле словосочетания компонент «взыскание» не может быть заменён ни одним из членов синонимического ряда, что демонстрирует коллокативный характер словосочетания «административное взыскание». Поскольку данное словосочетание употребляется в юридическом документе, это доказывает, что коллокация является лингвистической характеристикой данного юридического документа.

Юридический термин-коллокация «брачный договор» / «брачный контракт».

В большинстве случаев порядок заключения **брачного договора** предусматривает его бессрочность, однако допускается указывать и вполне конкретный срок его действия (Семейный кодекс).

Брачный контракт может быть заключен как во время брака и до него, он заключается в письменной форме и подлежит удостоверению (Семейный кодекс).

Брачный договор не может содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности (статья 34 настоящего Кодекса), установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов.

Синонимами слова «брачный» определяются такие слова, как *супружеский, марьяжный, матримониальный, священнодоговорный, подвенечный, свадебный, венчальный, эндогамный*. Подчёркиваем, что в составе словосочетания «брачный договор» лексема «брачный» не может быть заменена ни одним из членов синонимического ряда, что демонстрирует коллокативный характер словосочетания. Поскольку данное словосочетание употребляется в юридическом документе, это доказывает, что лингвистической характеристикой дан-

ного юридического документа также является коллокативная конструкция.

Аналогичная ситуация, подтверждающая наличие в юридическом тексте коллокаций, т.е. словосочетаний, в котором один из компонентов не может быть заменён членами его синонимического ряда, наблюдается с такими терминами, как «движимое имущество», «обязательная доля», «перевод долга» и др.

*«Для совершения сделок с **движимым имуществом** супруги не нуждаются в доверенности» (Система ГАРАНТ).*

*В письме от 11.09.13 № 03-05-01/37418 Минфин пришел к выводу: лизингодатель и лизингополучатель имеют право на освобождение от налога на имущество организаций в отношении **движимого имущества**, принятого ими на баланс в качестве основных средств с начала текущего года.*

*«Есть категория лиц, которые наследуют в любом случае, даже если по завещанию все имущество завещано другим и даже если по завещанию они лишены наследства. Это лица, имеющие право на **обязательную долю** в наследстве» (Система ГАРАНТ).*

*«Исходя из теоретических положений зарубежного и отечественного права, нормативного материала, анализа литературы, практики заключения договоров **перевода долга**, суждений о нем в юридической литературе, в работе впервые определены место и роль договора **перевода долга**, сформулированы понятия **долга** и **перевода долга**, дана характеристика договора **перевода долга** как средства обеспечения исполнения обязательства» [2, с. 11].*

Недвижимое имущество – имущество, использование которого по назначению и без ущерба его характеристикам и ценностным свойствам, исключает его перемещение: здания, сооружения, земельные участки и иное имущество, прикрепленное к земле и связанное с ней.

Анализ юридических текстов на английском языке продемонстрировал, что там так же присутствуют уникальные языковые знаки, определяемые нами как коллокация. Рассмотрим подробнее на примерах.

Юридический термин «Jury instructions» (инструкции для присяжных) представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, он является коллокацией, т.к. коллокат «Jury», являясь составляющей коллокативной конструкции, не может быть заменён его синонимами, которые предлагаются в он-лайн словаре: *tribunal, peers, board, judges* [9].

*The Judicial Council of California has adopted award-winning plain language civil and criminal **jury instructions** that accurately convey the law using language that is understandable to jurors.*

*In giving the **jury instructions**, the judge will state the issues in the case and define any terms or words that may not be familiar to the jurors.*

Подмена слова «jury» его синонимами привела бы к искажению смысла и изменению стиля, что недопустимо в юридическом документе. Ещё одна причина, по которой данный термин представляет особый интерес – составляющие и структура исследуемого языкового знака, – особенно значима с позиций компаративной лингвистики, т.к. структура и компонентный состав русской коллокации отличается от структуры английской.

Аналогичная ситуация, подтверждающая наличие в английских юридических текстах коллокаций, наблюдается с такими терминами, как «material witness», «opening statements» и др.

Юридический термин-коллокация «Material witness» («важный свидетель»)

*The **material witness** statute permits the detention of any person who may have information pertaining to a criminal investigation for the purpose of testifying before a grand jury or during a criminal proceeding.*

*In order to detain a **material witness**, the government must first obtain a warrant.*

Material Witness is an innovative interdisciplinary training programme for emerging scholars in the CHASE consortium whose research involves the interpretation of physical artefacts.

Синонимами прилагательного «material» онлайн словарь английских синонимов предлагает такие знаки, как *actual, appreciable, earthly, physical, substantial* [9].

Юридический термин-коллокация «Opening statements» («вступительная речь»)

*The purpose of **opening statements** by each side is to tell jurors something about the case they will be hearing.*

*The **opening statements** must be confined to facts that will be proved by the evidence, and cannot be argumentative.*

Classic opening statements including the infamous stuttering salutation in My Cousin Vinny! "Mr. Smith emphatically says that he is "not guilty!"

Синонимами прилагательного «Opening» онлайн словарь английских синонимов предлагает такие знаки, как *beginning,*

commencing, early, first, inaugural, initial, initiatory, introductory, maiden, primary [9].

Как следует из определений и классифицирования сочетаемости различными учёными, сочетаемость – свойство языковых единиц, обеспечивающее их функционирование в речи через их совместимость по ряду параметров. Сочетаемые ограничения – это правила, соблюдение которых обуславливает семантико-смысловую общность лексических единиц, обуславливающие их возможность корректно взаимодействовать в микроконтексте. Семантико-смысловая общность – это лингвистический синтез смысловой и лексико-семантической сочетаемости слов. Смысловая сочетаемость слов – это их характеристики, позволяющие им объединиться в микроконтекст, т.е. в лингвистический контекст в пределах одного словосочетания, характеризующийся наличием содержательной стороны.

Именно сочетаемость является одним из свойств, характеризующих коллокации и выделяющих их из ряда словосочетаний, что следует из дискрипции исследуемых языковых знаков. Основываясь на сказанном выше, отмечаем, что при различии в структуре, компонентном составе и количестве составляющих в словосочетаниях и в русском, и в английском языке анализируемые словосочетания характеризуются определёнными сочетаемостными ограничениями, что позволяет констатировать их коллокативность, подтверждая, тем самым, наличие такой лингвистической характеристики русских и английских юридических текстов, как коллокации, уникальные языковые знаки.

1. Борисова Е.Г., Кицей Е.Н. Системность и узус в устойчивых сочетаниях // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс-исследователей рус. языка: тр. и материалы. М., 2007. С. 162–163.

2. Гайдук Ю.Н. Перевод долга в гражданских правоотношениях: автореф. дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.03. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 19 с.

3. Голев Н.Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования [Электронный ресурс] // Юрислингвистика, 2004. № 05. URL: http://gendocs.ru/юрислингвистика_2004 (дата обращения: 12.03.2014).

4. Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Материалы конференции по компьютерной лингвистике «Диалог 2010». М., 2010. С. 137–143.

5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 6-е. М.: Эдиториал УРСС, 2010. 348 с.

6. Каргин К.В. Юридические документы: автореф. дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 27 с.

7. Семейный кодекс РФ (СК РФ) от 29.12.1995 N 223-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/html> (дата обращения: 12.03.2014).

8. Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/58038903> (дата обращения: 01.02.2014).

9. Merriam Webster Synonym Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com/thesaurus/instruction> (дата обращения: 23.04.2014).

References

1. Borisova E.G., Kicej E.N. Sistemnost' i uzus v ustojchivyh sochetanijah [*Consistency and Language Usage in stable combinations*] // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunar. kongress-issledovatelej rus. jazyka: tr. i materialy. M., 2007. S. 162–163.

2. Gajduk Ju.N. Pervod dolga v grazhdanskih pravootnoshenijah [*Transfer of debt in civil matters*]: avtoref. diss. ... kand. jur. nauk: 12.00.03. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2003. 19 s.

3. Golev N.D. O specifikje jazyka prava v sisteme obshhenarodnogo russkogo jazyka i ee juridicheskogo funkcionirovanija [*On the specifics of the language rights of the whole people in the Russian language and its legal operation*] // Jurislingvistika, 2004. № 05. URL: http://gendocs.ru/jurislingvistika_2004 (accessed: 12.03.2014).

4. Zaharov V.P., Hohlova M.V. Analiz jeffektivnosti statisticheskikh metodov vyjavlenija kollokacij v tekstah na russkom jazyke [*Analysis of the effectiveness of statistical methods to identify collocations in the texts in Russian*] // Materialy konferencii po komp'yuternoj lingvistike «Dialog 2010». M., 2010. S. 137–143.

5. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [*Communicative aspects of Russian syntax*]. Izd. 6-е. М.: Jeditorial URSS, 2010. 348 s.

6. Kargin K.V. Juridicheskie dokumenty [*Juridical documents*]: avtoref. diss. ... kand. jur. nauk: 12.00.01. N. Novgorod, 2005. 27 s.

7. Semejnij kodeks RF (SK RF) ot 29.12.1995 N 223-FZ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/html> (accessed: 12.03.2014).

8. Sistema GARANT. URL: <http://base.garant.ru/58038903> (accessed: 01.02.2014).

9. Merriam Webster Synonym Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/thesaurus/instruction> (accessed: 23.04.2014).

UDC 81'42 + 34.09

COLLOCATIONS AS OBLIGATORY LINGUISTIC COMPONENTS OF LEGAL DOCUMENTS IN RUSSIAN AND IN ENGLISH

Leskina Seda Vitalyevna,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Professor of the Department Chair
of Linguistics and Professional
Communication,
Dr. Sc. (Philology), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: seda-70@mail.ru

Kivernik Natalya Yuryevna,

Chelyabinsk Institute
of Railway Transport,
Branch of Ural State University
of Railway Transport,
Senior Lecturer of the Department
of Languages and Literature,
Postgraduate at Chelyabinsk State
Pedagogical University.
Chelyabinsk, Russia.

Annotation

The article deals with the usage of collocations as the obligatory characteristics of the law language in Russian and English languages in legal documents. There is presented interpretation of the phenomenon under investigation as a unique linguistic sign possessing a certain interest from a semantic point of view in legal documents in Russian and in English.

Key concepts:

collocation, legal document, node, collocata, semantically free word combinations, lexically scoped phrases.

УДК 327

**ПО ТУ СТОРОНУ
КОНСЕНСУСА: ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ
В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПЕРЕГОВОРНОМ
ПРОЦЕССЕ
ПО КЛИМАТУ**

Шелудков Александр Владимирович,
ГКУ ЯНАО

«Научный центр изучения Арктики»,
младший научный сотрудник,
г. Салехард, Россия.
E-mail: a.v.sheludkov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о роли концепции устойчивого развития в формировании норм и институтов международного климатического режима.

Ключевые понятия:
экологическая политика,
устойчивое развитие,
международный климатический режим.

В 2015 году мировое сообщество готовится принять новое глобальное соглашение по климату. Предыдущая попытка – в Копенгагене в 2009 году – завершилась провалом. Существенный прогресс пока отсутствует и на текущих переговорах. Парадокс состоит в том, что ни одна из 194 стран-участниц переговорного процесса не отрицает изменение климата и его антропогенный характер. Таким образом, существует реальный политический консенсус по вопросам о сущности проблемы и путях ее решения. Причина, по всей видимости, состоит в том, что на заседаниях в действительности обсуждаются не вопросы климатической политики как таковой, а социально-экономические и политические проблемы: по ту сторону консенсуса – раскол между развитыми и развивающимися государствами. Переговоры по климату превратились в поле символической борьбы – в вопросах о справедливости, исторической ответственности и праве на развитие.

Понять, как произошло подобное замечание, мы сможем, обратившись к истории вопроса. Следует учесть, что как предмет, так и архитектура международных переговоров по климату были выстроены еще в начале 1990-х гг., а идеологическую основу климатического режима составила т.н. концепция «устойчивого развития» (УР). Данная статья посвящена анализу концепции и ее роли в становлении международных климатических норм и институтов. Цель автора – выявить скрытые, но ключевые для социального конструирования проблемы изменения климата дискурсы, механизмы конструирования и акторов, принимавших в этом активное участие.

С позиций постструктурализма можно утверждать, что категория «устойчивое развитие» представляет собой «изменчивый знак» [4, с. 53–101], за определение которого ведется постоянная борьба в политическом дискурсе. Различные акторы, включая представителей власти, общественности, ученых и бизнеса, могут вкладывать в это понятие разные смыслы, выбирая, соответственно, и разные политические и экономические стратегии движения к УР [9, с. 143–180].

Появление экологической политики относится к 60–70-м гг. XX века, когда в западном обществе произошли отход от традиционного для модерна механистического восприятия природы и утверждение вместо него «целостного подхода» по отношению к окружающей среде [12, с. 30–31],

природа обрела «постматериальную» [3] ценность. В течение всего нескольких лет на разных уровнях и по всему миру появляются ключевые институты и структуры «зеленых». В 1972 году были созданы их первые политические партии [10], защита окружающей среды оказалась в фокусе внимания ООН [1]. Заслуга «зеленых» состояла в том, что они не только указали миру на существование целого ряда актуальных экологических, экономических и даже социальных проблем – представили альтернативную картину *сегодняшнего мира*; что более важно, они предложили *альтернативный взгляд на будущее*.

Классическое определение термина «устойчивое развитие» содержится в докладе Всемирной комиссии ООН по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» (1987): «развитие, удовлетворяющее потребности настоящего поколения и не ставящее под угрозу возможность будущих поколений удовлетворить свои потребности» [2, с. 59]. Однако это определение не отражает принципиальных различий в выборе стратегии перехода к устойчивому развитию и механизмов его поддержания. Эти различия лежат в плоскости политической философии, затрагивают фундаментальные вопросы социально-экономической и политической организации общества. Анализ показывает, что существует два основных подхода к определению УР и стратегии перехода к нему.

Первый подход был сформулирован в 1972 году в докладе Римскому клубу «Пределы роста» [17]. На основе компьютерных моделей роста потребления ресурсов авторы доклада делали вывод о неизбежном коллапсе человеческой цивилизации вследствие увеличивающегося загрязнения окружающей среды и исчерпания ресурсов. Главный тезис работы заключался в том, что наша планета имеет пределы: ограничены способности Земли «носить» на себе население, воспроизводить ресурсы и поглощать загрязнения.

«Пределы роста» пополнили ряды т.н. «неомальтузианских» работ. В 1960-е гг. экономисты и демографы, строившие свои методы предсказания численности населения планеты на простой экстраполяции существующих тенденций, повсеместно забили тревогу, предсказывая скорый «конец света» [8]. Иногда в довольно шуточной форме, как в статье американского кибернетика Хайнца Ферстера в журнале «Science» в 1960 г. «Судный день: пятница, 13 ноября 2026 г. н.э.» [18], а иногда абсолютно серьезно, как в кни-

ге биолога Пола Эрлиха «Демографическая бомба» (1968), предрекавшего массовый голод уже в 1970–1980-е гг. [11]

Теория «перенаселения» тесно связана с заимствованным из популяционной экологии понятием «несущая способность» (carrying capacity), обозначавшим предельные показатели численности отдельных видов на определенных территориях [16]. Неомальтузианцы заменили масштабы лабораторной пробирки или одной ландшафтной единицы масштабами всей планеты – они заговорили о «несущей способности Земли».

Логическим доказательством этих теорий могла служить предложенная в 1968 г. Гарретом Хардином модель «трагедии общин». Она показывала, что в ситуации, когда множество индивидов совместно используют какой-либо ограниченный (природный) ресурс, рациональные, но эгоистичные действия людей неизбежно приведут к его истощению (деградации окружающей среды) [14].

«Пределы роста» выделялись на общем фоне, в отличие от большинства последователей Мальтуса авторы доклада связывали будущий коллапс не столько с пределами планеты, как таковыми, сколько с ориентацией человеческого общества на непрерывный рост, на безграничное потребление ресурсов и экспансию в окружающую среду, т.е. переводили вопрос из сферы экономики в область политики и идеологии. Необходимы изменения в головах людей: единственный выход из ситуации авторы доклада видели в глубоких переменах в социальном и политическом поведении. Новое общество они назвали «equilibrium society» – «обществом равновесия» [17].

В 1980-е гг. с проблемы роста населения акцент был перенесен на проблему исчерпаемости ресурсов [5]. Важную роль здесь сыграли нефтяные кризисы 1973, 1979–1980 гг.

В своих рассуждениях сторонники «теории пределов» не говорят о том, как должно функционировать «устойчивое общество», некоторые радикальные интерпретации этой концепции предполагают централизацию власти и ограничение прав человека, за что получили от критиков название «авторитарный энвайронментализм» [13]. Сами авторы «Пределов роста» заявляют, что не стремятся к наделению государства сверхполномочиями, Корень сегодняшних проблем они видят в том, что многие наши «желания», на самом деле, навязаны извне: потребности в любви, уважении, общении, развлечении замещаются ложными материальными предметами [15]. «Устойчивое общество» сможет обеспе-

чить людей более широкими и более глубокими формами удовлетворения [12, с. 14].

Второй подход к определению «устойчивого развития» и стратегии перехода к нему был сформулирован в уже цитировавшемся выше докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. В отличие от авторов «Пределов роста» члены Комиссии воздержались от мрачных прогнозов будущего человечества: «...мы не предсказываем прогрессирующего ухудшения состояния окружающей среды или обострения проблем нищеты против, мы отмечаем возможность начала новой эры экономического роста, в основе которой должна лежать политика оптимального использования и расширения базы природных ресурсов» [2, с. 16].

«Устойчивое развитие» в докладе определяется как «процесс изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития и учрежденческие изменения находятся в гармонии, повышают ценность текущего и будущего потенциала с целью удовлетворения человеческих потребностей и стремлений». Главный инструмент достижения этой цели – *экономический рост*. Он «не имеет установленных границ в отношении численности населения или использования ресурсов» [2, с. 60–61].

Доклад актуализирует проблему бедности в мире, связывая экологические проблемы с «неправильной» организацией общества – «несоответствием в распределении экономического и политического могущества» [2, с. 62], несправедливым доступе к ресурсам [2, с. 64]. Бедные вынуждены сверхэксплуатировать тот небольшой объем ресурсов,

который они имеют. При этом у них нет технологий для борьбы с последствиями этой сверхэксплуатации [2, с. 68].

Стратегия перехода к «устойчивому развитию» в варианте «брундтландской» комиссии предполагает: 1) «применение справедливого подхода к распределению ресурсов» за счет распространения «политических систем, гарантирующих эффективное участие граждан в процессе принятия решений» и «демократизации процедуры принятия решений на международной арене» [2, с. 24]; 2) «накопление знаний и развитие технологий» в целях «увеличения предельно допустимой нагрузки базы ресурсов» [2, с. 60–61].

Таким образом, «брундтландская» концепция УР строилась на принципах доминирующей неолиберальной идеологии: рыночная конкуренция, демократия, смягчение социального неравенства и пр.

Критика этого подхода сфокусирована на вопросах о способности рыночной экономики и новых технологий решать задачи «устойчивого развития»: «...технологии и рынок – это инструменты, которые служат целям общества в целом. Если внутренние цели общества – эксплуатировать природу, обогащать элиту и игнорировать долговременные тенденции, общество будет развивать технологии и рынки, чтобы разрушать окружающую среду и расширять пропасть между богатыми и бедными» [15].

Таким образом, различия в подходах к определению «устойчивого развития» и стратегии перехода к нему обнаруживают существование двух противостоящих друг другу парадигм (см. таблицу 1).

Два варианта концепции можно отождествить с «экологизмом» и «энвайрон-

Таблица 1

Подходы к определению концепции «устойчивого развития»

	«Пределы роста» (1972)	«Наше общее будущее» (1987)
<i>Формулировка проблемы</i>	Будущий коллапс цивилизации вследствие истощения ресурсов, перенаселения, загрязнения окружающей среды	Бедность, разрыв между развитыми и развивающимися странами, глобальные экологические проблемы
<i>Механизмы перехода к «устойчивому развитию»</i>	– отказ от экономического роста; – глубокая трансформация всех сфер жизни общества с переориентацией на новые ценности непотребительского отношения к природе	– развитие через экономический рост; – распространение ценностей демократии и рыночной экономики
<i>Отношение к технологиям</i>	Развитие технологий усиливает зависимость от ресурсов и ускоряет коллапс	Развитие технологий позволит решить экологические проблемы
<i>Энергетическая политика</i>	Отказ от использования углеводородного сырья	Развитие энергосберегающих технологий, развитие альтернативной энергетики

ментализмом» в теории «зеленой» политической мысли британского исследователя Эндрю Добсона. «Энвайронментализм» («Наше общее будущее») «выступает за менеджерский подход к проблемам окружающей среды и основан на убеждении, что они могут быть решены без фундаментальных изменений в существующих ценностях или моделях производства и потребления» [12, с. 2]. Экологизм («Пределы роста»), напротив, требует «осуществления радикальных изменений в наших отношениях с природой, а также в формах осуществления нашей социальной и политической жизни», он бросает вызов существующему в обществе политическому, социальному и научному консенсусу, по сути, призывая к ненасильственной революции [12, с. 3–6].

Антагонизм радикально-экологического и экономико-технократического дискурсов был разрешен в 1992 году с принятием в Рио-де-Жанейро на встрече на высшем уровне «Планета Земля» серии документов, заложивших основу «глобального партнерства в интересах обеспечения устойчивого развития» [6], в том числе и Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Сопоставив ключевые положения РКИК ООН с концепцией «устойчивого развития», мы увидим, что новый международный климатический режим стал практическим приложением ее экономико-технократического варианта (см. таблицу 2): окончательное решение по проблеме принимали не климатологи и «зеленые», а политики, представлявшие правительства и учреждения системы ООН.

В основание режима был положен т.н. принцип «общей, но дифференцированной ответственности и имеющихся возможностей», в соответствии с которым государства были разделены на развитые – несущие всю полноту ответственности по решению вопроса, – и развивающиеся, – имеющие право добровольно участвовать в борьбе с изменением климата при финансовой и технологической поддержке развитых государств. Приложением к конвенции служили соответствующие списки стран: бравших обязательства по сокращению выбросов парниковых газов (Прилож. 1) и стран-доноров (Прилож. 2) [7]. Позднее Киотский протокол (1997) ввел механизмы исполнения конвенции: 38 развитых государств мира должны были в течение 2008–2012 гг. снизить совокупные выбросы парниковых газов на 5 % по сравнению с уровнем 1990 г.

Победа экономико-технократического дискурса означала, что в качестве приоритетных на мировой повестке дня были установлены проблемы бедности и экономического разрыва между странами «Севера» и «Юга». Развитие продолжало ассоциироваться, прежде всего, с экономическим ростом, а вопросы экологии и защиты окружающей среды оказались в подчиненном по отношению к нему положении. Таким образом, доминирующий неолиберальный дискурс был утверждён в новой для него сфере – сфере экологической политики. Целью нового климатического режима стала не столько борьба с изменением климата, сколько создание условий для экономического роста и продвижение неолиберальных ценностей.

Таблица 2

Взаимосвязь концепции УР и РКИК ООН

Стратегия перехода к УР: «Наше общее будущее» (1987)		Принципы РКИК ООН и Киотского протокола
<i>Формулировка проблемы</i>	Бедность, разрыв между развитыми и развивающимися странами, глобальные экологические проблемы	Принцип дифференцированной ответственности стран в зависимости от уровня экономического развития
<i>Механизмы перехода к «устойчивому развитию»</i>	– развитие через экономический рост; – распространение ценностей демократии и рыночной экономики	Рыночные механизмы снижения выбросов парниковых газов («углеродный рынок»)
<i>Отношение к технологиям</i>	Развитие технологий позволит решить экологические проблемы	Снижение выбросов парниковых газов через технологическое развитие
<i>Энергетическая политика</i>	Развитие энергосберегающих технологий, развитие альтернативной энергетики	Развитие энергосберегающих технологий, развитие альтернативной энергетики

Противоречивость этого подхода стала очевидной в начале 2000-х гг., когда изменилась глобальная структура выбросов парниковых газов и основными эмиттерами стали развивающиеся страны, «освобожденные» от обязательств. Развитые государства инициировали процесс по реформированию климатического режима. Они стремятся уйти от противопоставления вопросов экологии и социально-экономических проблем, рассматривая защиту окружающей среды и борьбу с изменением климата как часть развития, а само глобальное потепление все чаще как фундаментальную экономическую угрозу.

Если к 2015 году международному сообществу все же удастся преодолеть раскол и переформатировать переговорный процесс, это, на наш взгляд, будет означать и коррекцию идеологии Рио: включение «экомодернизации» в качестве неотъемлемого условия «устойчивого развития». Таким образом, решение климатической проблемы станет возможным в рамках доминирующего экономико-технократического дискурса без привлечения радикальных «зеленых» идей.

1. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды, Стокгольм, 1972. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 08.08.2013).

2. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития, 1987. [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 09.08.2013).

3. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Полис. 1997. № 4.

4. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

5. Каттон У.Р. Конец техноутопии. Исследование экологических причин коллапса западной цивилизации. [Текст] / У.Р. Каттон / под ред. д.т.н. В.И. Постникова. К.: ЭкоПраво, 2006. 255 с.

6. Повестка дня на XXI век. 3–4 июня 1992. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_intro.shtml [Электронный ресурс] (дата обращения: 13.11.2013).

7. Рамочная конвенция ООН об изменении климата, 1992. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 12.05.2014).

8. Турчин П. Долгосрочные колебания численности населения в исторических обществах, 2009. [Электронный ресурс] URL: [http://](http://elementy.ru/lib/430806)

elementy.ru/lib/430806 (дата обращения: 08.08.2013).

9. Banerjee S.B. Who Sustains Whose Development? Sustainable Development and the Reinvention of Nature [Text] / S.B. Banerjee // Organizational Studies. 2003. № 24. P. 143–180.

10. Dann C. From Earth's Last Islands. The Global Origins of Green Politics, 1999. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalgreens.info/literature/dann/chapterfive.html> (дата обращения: 24.07.2013).

11. Desrochers P. Deconstructing the Population Bomb // PERC Report, 2009. Volume 27, No.3. [Электронный ресурс] URL: <http://perc.org/articles/deconstructing-population-bomb> (дата обращения: 24.07.2013).

12. Dobson A. Green Political Thought: 4th Edition. 2007. 228 p.

13. Gilley B. Authoritarian Environmentalism and China's Response to Climate Change [Text] / B. Gilley // Environmental Politics, 2012. Vol. 21, № 2. P. 287–307.

14. Hardin G. The Tragedy of the Commons [Text] / G. Hardin // Science, 1968. Vol. 162. P. 1243–1248.

15. Meadows D., Randers J. & Meadows D. A Synopsis. Limits to Growth: The 30-Year Update, 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sustainer.org/pubs/limitstogrowth.pdf> (дата обращения: 20.07.2013).

16. Sayre N.F. The Genesis, History, and Limits of Carrying Capacity [Text] / N.F. Sayre // Annals of the Association of American Geographers, 2008. Vol. 98(1). P. 120–134.

17. The Limits to Growth: A Report to the Club of Rome, 1972. [Электронный ресурс] URL: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (дата обращения: 25.08.2013).

18. Von Foerster, H., Mora P. M., and Amiot L. W. Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026 // Science, 1960. [Электронный ресурс] URL: <http://www-ee.stanford.edu/~acfs/vonFoersterArticle.pdf> (дата обращения: 20.08.2013).

References

1. *Deklaracija Konferencii Organizacii Ob'edinennyh Nacij po problemam okruzhajushhej cheloveka sredy*, Stokgol'm, 1972 [UN Declaration on Environment and Development], available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (accessed 08 August 2013).

2. *Doklad Vsemirnoj komissii po voprosam okruzhajushhej sredy i razvitija*, 1987. [UN Commission Report on Environment and Development], available at: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (accessed 09 August 2013).

3. Inghart R. *Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva* [Postmodern: Changing Values and Changing Societies]. Polis. 1997. № 4.

4. Jorgensen M.V., Fillips L.Dzh. *Diskurs-analiz. Teorija i metod* [Discourse-analysis. Theory and Method]. Harkov: «Gumanitarnyj centr», 2008. 352 p.

5. Catton W.R. *Konec tehnoutopii. Issledovanie jekologicheskikh prichin kollapsa zapadnoj civilizacii* [The end of Technoutopia. Study of Environmental Causes of the Collapse of the Western Civilization]. Kiev, 2006. 255 p.

6. *Povestka dnja na XXI vek*, 1992. [XXI Century Agenda], available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_intro.shtml (accessed 13 November 2013).

7. *Ramochnaja konvencija OON ob izmenenii klimata*, 1992. [UN Framework Convention on Climate Change], available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (accessed 12 May 2014).

8. Turchin P. *Dolgosrochnye kolebanija chislennosti naselenija v istoricheskikh obshhestvah, 2009*. [Long-term Fluctuation of Population in Historical Societies], available at: <http://elementy.ru/lib/430806> (accessed 08 August 2013).

9. Banerjee S.B. *Who Sustains Whose Development? Sustainable Development and the Reinvention of Nature*. Organizational Studies. 2003. № 24. P. 143–180.

10. Dann C. *From Earth's Last Islands. The Global Origins of Green Politics*, 1999. Available at: <http://www.globalgreens.info/literature/dann/chapterfive.html> (accessed 24 July 2013).

11. Desrochers P. *Deconstructing the Population Bomb. PERC Report*, 2009. Volume 27, № 3. Available at: <http://perc.org/articles/deconstructing-population-bomb> (accessed 24 July 2013).

12. Dobson A. *Green Political Thought: 4th Edition*. 2007. 228 p.

13. Gilley B. *Authoritarian Environmentalism and China's Response to Climate Change. Environmental Politics*, 2012. Vol. 21, № 2. P. 287–307.

14. Hardin G. *The Tragedy of the Commons. Science*, 1968. Vol. 162. P. 1243–1248.

15. Meadows D., Randers J. & Meadows D. A Synopsis. *Limits to Growth: The 30-Year Update*, 2004. Available at: <http://www.sustainer.org/pubs/limitstogrowth.pdf> (accessed 20 July 2013).

16. Sayre N.F. *The Genesis, History, and Limits of Carrying Capacity. Annals of the Association of American Geographers*, 2008. Vol. 98(1). P. 120–134.

17. *The Limits to Growth: A Report to the Club of Rome*, 1972. Available at: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (accessed 25 August 2013).

18. Von Foerster, H., Mora P. M., and Amiot L. W. *Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026*. Science, 1960. Available at: <http://www-ee.stanford.edu/~acfs/vonFoersterArticle.pdf> (accessed 20 August 2013).

UDC 327

ON THE OTHER SIDE OF CONSENSUS: PROBLEMS OF DEVELOPMENT IN INTERNATIONAL NEGOTIATION PROCESS ON CLIMATE

Sheludkov Aleksandr Vladimirovich,
Scientific Research Center of the Arctic,
research assistant,
Salekhard, Russia.
E-mail: a.v.sheludkov@gmail.com

Annotation

The article deals with the problem of role of stable development conception in forming norms and institutions of international climate regime.

Key concepts:

ecological politics,
stable development,
international climate regime.

УДК 332

ВАЛОВОЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Гордеев Сергей Сергеевич,

Челябинский государственный университет,
ведущий научный сотрудник, руководитель
Научно-образовательного центра
Института экономики Уральского
отделения РАН и ЧелГУ,
кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: sgordeev222@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
директор, доктор политических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Иванов Олег Петрович,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
зам. директора по развитию,
кандидат технических наук, доцент,
ст. научный сотрудник,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: oliva77@yandex.ru

Кочеров Андрей Валерьевич,

Челябинский государственный
университет,
начальник научно-исследовательского сектора,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Аннотация

Рассматриваются вопросы совершенствования
анализа динамики величины и структурных
изменений валового регионального продукта
индустриально развитых территорий.
Представлены возможности специализиро-
ванного информационно-адаптированного
методического подхода для анализа ВРП.
Приведены результаты анализа для двух
индустриальных регионов Уральского
федерального округа.

Ключевые понятия:

валовой региональный продукт,
структура, динамика роста,
стратегия, анализ, метод, тренд, оценка,
Челябинская область,
Свердловская область.

Интегральным показателем развития ре-
гиональной экономики, отражающим коли-
чественные результаты и специфику локаль-
ных социально-экономических процессов
региона, является валовой региональный
продукт (ВРП). Однако использование дан-
ного показателя в этом качестве порождает
целый ряд методических проблем, успешное
решение которых во многом будет определять
уровень достоверности оценки полученных ре-
зультатов, а также корректность решения воп-
росов планирования развития региональной
экономики.

Принято считать, что количественные по-
казатели величины ВРП в стоимостном выра-
жении могут быть относительно точно опреде-
лены и интерпретированы, а вот его структура
и динамика её изменений далеко не всегда
может получить четкую трактовку с использо-
ванием традиционных методов анализа. Веро-
ятно, по этой причине сегодня не так уж много
научных и прикладных работ, в которых дина-
мика структуры ВРП анализируется на основе
хорошо обоснованных методик. Еще меньше
работ, в которых проводится совместный фак-
торный анализ трендов одновременного изме-
нения величины ВРП и его структуры. Однако
в реальной жизни для принятия взвешенных
управленческих решений по оценке результа-
тов и планированию развития региональной
экономики необходимо видеть и понимать
смысл самых различных возможных комби-
наций часто разнонаправленных трендов из-
менения величины ВРП и его структуры.

Увеличение ВРП не во всех случаях ха-
рактеризует устойчивый рост региональной
экономики в долгосрочной и даже в сред-
несрочной перспективе. В ряде случаев не-
гативные структурные изменения ВРП могут
в относительно недалекой перспективе пре-
допределить смену тенденции роста ВРП на
тенденцию его снижения. И наоборот, даже
малый рост ВРП при позитивных изменениях
его структуры может в совокупности обеспе-
чить его рост уже в среднесрочной перспек-
тиве. Именно поэтому становится актуальной
задача управления развитием региональной
экономики с одновременным использовани-
ем двух важнейших рычагов: величины ВРП
и качества его структуры.

Проблема № 1. Корректность оценки величины ВРП

По мнению заместителя начальника отдела
счета производства управления национальных
счетов Федеральной службы государственной
статистики Российской Федерации М.В. Глухо-
вой [1], «при расчете ВРП не учитывается ряд
элементов, которые включает в себя ВВП, по-
этому суммарный ВРП всех регионов России
меньше ВВП страны. Вот эти элементы:

1. Добавленная стоимость отраслей, ока-
зывающих коллективные нерыночные услуги

обществу в целом (государственное управление, оборона, международная деятельность и т.д.).

2. Добавленная стоимость услуг финансовых посредников (в первую очередь банков), деятельность которых редко ограничивается строго отдельными регионами.

3. Добавленная стоимость услуг внешней торговли, данные о которых во многих случаях можно получить только в источниках на федеральном уровне.

4. Часть налогов, в частности, налоги на импорт и экспорт, которые невозможно учесть на региональном уровне.

... В результате территориальные органы статистики практически не располагают данными для того, чтобы точно оценить производство финансовых услуг на территории региона».

Кроме того, даже эти не в полной мере точные данные размещаются на сайте Федеральной службы государственной статистики почти с двухлетним запаздыванием.

Все эти обстоятельства, строго говоря, определяют возможность использования данных о величине ВРП для некоторого весьма приблизительного учета по результатам давно прошедших событий.

Тем не менее, многолетние наиболее значимые стратегические приоритеты развития региона и соответствующие им изменения экономики неизбежно, в той или иной форме, отражаются в динамике и структуре ВРП. Если при некоторой систематической ошибке в расчетах ВРП с учетом запаздывания этого расчета во времени можно сомневаться и не в полной мере доверять количественным значениям ВРП, то следует считать значительно более достоверной информацию о трендах его изменения.

Кроме того, других вариантов решения задачи интегральной оценки и планирования развития региональной экономики у науки сегодня нет. Поэтому с учетом вышесказанных замечаний изменение величины ВРП пока является наиболее общим индикатором перемен и во многом характеризуют результативность экономической политики как федеральной, так и региональной власти.

Если анализ динамики величины ВРП дает информацию об общей тенденции развития региональной экономики, то анализ структуры ВРП и трендов ее изменения позволяет увидеть узкие места регионального развития, вероятные проблемы завтрашнего дня и в конечном итоге определить основные направления возможной корректировки региональной социально-экономической политики.

Проблема № 2. Корректность анализа структуры ВРП

Многообразие особенностей развития отдельных регионов затрудняет использова-

ние классических формализованных универсальных методов оценки и анализа структуры ВРП [2]. Помимо общих методологических проблем оценки ВРП, анализ его структурных изменений затрудняется институциональными особенностями и реально существующей в настоящее время информационной средой. Здесь, прежде всего, следует выделить как негативный фактор особенности сегодняшней классификации видов экономической деятельности органами государственной статистики. В отчетах госстатистики как равноценные элементы одного ряда представлены совершенно различные по масштабам отрасли. Особенно это касается промышленных регионов. Например, «обрабатывающее производство» – большая часть всей промышленности региона и «гостиницы, отели» – ограниченные направления, доля которых несопоставимо мала в сравнении с обрабатываемым производством. Так же присутствует необоснованная агрегация разнородных элементов (государственное управление и социальное обслуживание) и ряд других подобных казусов. Ниже, в таблице 1 в качестве примера представлена структура валового регионального продукта по видам деятельности Челябинской области в 2012 г.

В условиях отмеченной разномасштабности показателей и некорректной их агрегации заметное преимущество получает анализ с применением специализированного информационно-адаптированного подхода [4], основанного на сочетании эвристических методов анализа графических материалов для распознавания характера тенденций и их последующей оценки. Проведение такого анализа связано с использованием ряда методических положений по формализации задачи, определения соответствующего алгоритма анализа и информационной адаптации. В первую очередь это касается определения правил дополнительной классификации видов деятельности в структуре ВРП, а также выбора базового региона для сопоставления. В целом для макроэкономического анализа динамики ВРП региона в каждом конкретном случае необходимо формировать индивидуально адаптированный инструментарий.

Исследование развития региона на основе анализа ВРП с использованием информационно-адаптированного инструментария требует решения следующих задач:

1. Выбор для сравнительного анализа группы регионов, имеющих подобную экономическую ориентацию и играющих аналогичную роль в национальной экономике.

2. Проведение анализа структуры ВРП этих регионов и выявление причин различия.

3. Исследование динамики ВРП региона – объекта исследования и ретроспектив-

Структура валового регионального продукта по видам деятельности Челябинской области в 2012 г. [3]

Виды экономической деятельности	Доля в ВРП, %
Обрабатывающие производства	35,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	12,9
Транспорт и связь	9,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,2
Строительство	5,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	5,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,7
Образование	3,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,3
Добыча полезных ископаемых	1,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,1
Гостиницы и рестораны	0,9
Финансовая деятельность	0,5
Рыболовство, рыбоводство	0,0

ное выявление причинно-следственных связей, объясняющих изменения и отклонения его структуры от регионов по группе сравнения и от национальных трендов.

4. Построение эвристической модели развития экономики региона и оценка на её основе возможных перспектив динамики величины ВРП и его структуры.

5. Разработка пакета мероприятий по коррекции структуры ВРП с учетом специфики региона в рамках стратегии развития объекта более высокого уровня.

При анализе структуры ВРП региона с перспективой поиска наиболее эффективных управленческих решений необходимо выделить три отраслевые группы видов экономической деятельности: производственные отрасли, отрасли инфраструктурные, а также бюджетные и регулируемые отрасли. Возможность влияния региональной власти на динамику этих групп, отраслей весьма различна.

Развитие отраслей производства определяется предпринимательской активностью, а также рыночными конкурентными преимуществами региона (природными, историческими и другими, в том числе конъюнктурой мировых рынков) и административно мало регулируемы. Развитие отраслей инфраструктуры во многом определяется

динамикой отраслей производства и институциональной средой региона. Развитие отраслей бюджетных и регулируемых отраслей в значительной степени определяется национальными и региональными приоритетами социальной политики.

В совокупности динамика этих групп определяет общерегиональный тренд развития экономики. Несбалансированность, непропорциональность развития этих групп неизбежно приводит к потере общих темпов роста региона и последующей необходимости корректировки социально-экономической политики с учетом негативно складывающихся условий.

Все вышесказанное использовано для анализа структурных изменений и динамики ВРП двух соседних и схожих, индустриально развитых регионов Урала: Свердловской и Челябинской областей. В исследовании рассматривается период с 2005 по 2011 годы докризисный период, кризис 2009 года и посткризисный период. Основные моменты и результаты анализа, выполненного по данным Росстата, приведены ниже.

Структурные различия ВРП индустриальных регионов Урала

Неоднородности структуры ВРП во многом характеризуют реально существующие

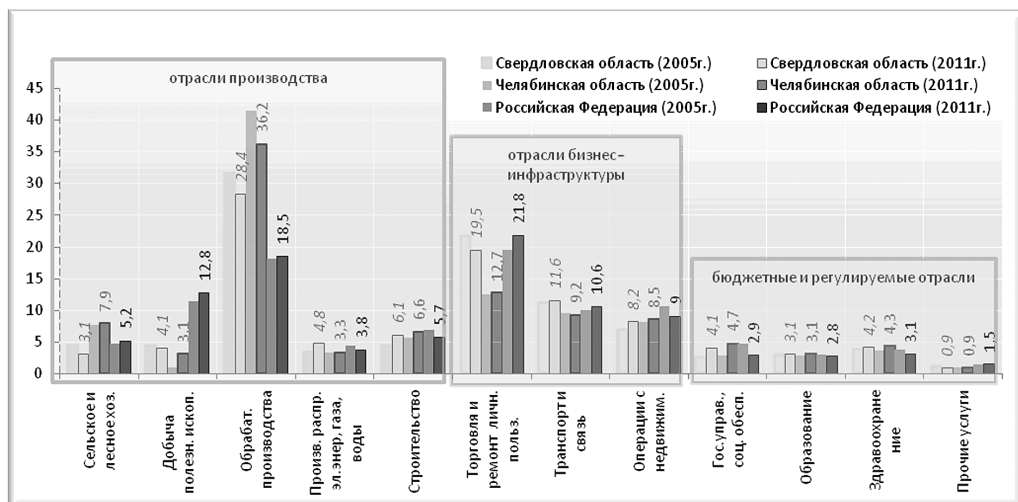

Рис. 1. Структура ВРП по видам экономической деятельности по регионам и РФ (в % от всего)

различия в структуре экономик рассматриваемых регионов. Для индустриальных регионов Урала она отличается от среднероссийской, прежде всего, высокой долей обрабатывающих производств (рис.1). Изменения в структуре ВРП за рассматриваемый период, как следует из диаграмм, не столь значительны. Принципиальные различия при формировании структуры экономики этих двух регионов были заложены несколько раньше. Во многом это было предопределено принятой еще в дореволюционный период политикой социально-экономического развития страны как некоторого единого, целостного пространственно-распределенного экономического механизма.

Однако, если рассматривать структуру отраслей ВРП по трем отмеченным выше отраслевым группам (рис.2), то оказывается, что структура ВРП Свердловской области достаточно близка среднероссийской, а структура Челябинской области от среднероссийской заметно отличается. Доля группы отраслей производства Челябинской области выше на 10%, а доля группы отраслей инфраструктуры заметно ниже, чем в среднем по России. Также в Челябинской области выше доля бюджетных и регулируемых отраслей.

Специфика структуры ВРП Челябинской области определяется, прежде всего, заметно более высокой долей обрабатывающих производств (рис.1). При подробном рассмотрении структуры ВРП региона заметны и другие отличия Челябинской области по отдельным видам деятельности (сравнительно высокие доли сельского хозяйства, государственного управления и социального обслуживания). Конечно, эти отличия менее значимы, но специфику региона они только усиливают.

На фоне явного отставания отраслей инфраструктуры в Челябинской области структура ВРП Свердловской области выглядит значительно более сбалансированной и устойчивой в условиях растущей нестабильности внешнего мира. Это создает лучшие предпосылки социально-экономического развития данного региона на основе использования синергетического эффекта взаимодействия и взаимного усиления отраслей в условиях системного развития основных сфер региона. Фактически это выражается в самодостаточности и возможности обеспечить саморазвитие Свердловской области.

Для Челябинской области велика вероятность ситуации, при которой синергетичес-

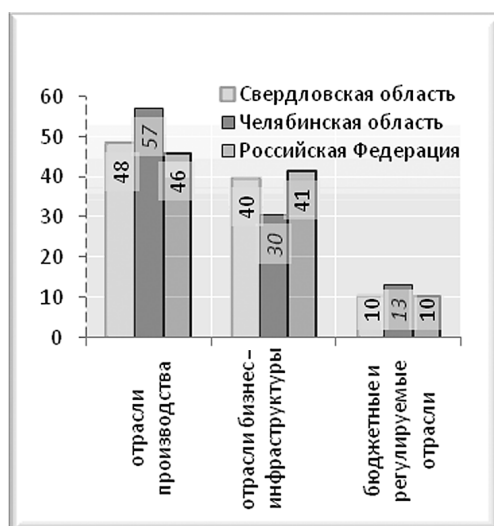

Рис. 2. Структура ВРП по группам отраслей (в % от всего)

кий эффект, как результат работы отраслей региона, может перемещаться за его пределы. В реально существующих современных условиях потеря регионом синергетического эффекта системного развития и взаимодействия отраслей чревата его переходом из категории регионов – системных промышленных центров в категорию регионов – поставщиков ресурсов для других, более успешно развивающихся регионов.

1. Глухова, М.В. Валовой региональный продукт и практика его расчета в России. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisstat.com/meet-sna2004/glukhova.htm> (дата обращения 15.10.2014).

2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУВШЭ, 2004. 495 с.

3. Министерство финансов Российской Федерации. Информационно-аналитический раздел [Электронный ресурс]. URL: <http://info.minfin.ru/passportr.php?type=71> (дата обращения 12.10.2014).

4. Гордеев, С.С. Поиск социоэкологоэкономических решений в информационной среде // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 40. № 8 (299), 2013. С. 47–52.

References

1. Glukhova, M.V. Valovoy regional'nyy produkt i praktika yego rascheta v Rossii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Gross regional product and the practice of its calculation in Russia]. URL: <http://www.cisstat.com/meet-sna2004/glukhova.htm> (accessed: 15.10.2014).

2. Granberg, A.G. Osnovy regional'noy ekonomiki [Bases of regional economy]. M.: GUVSHE, 2004. 495 s.

3. Ministerstvo finansov Rossiyskoy Federatsii. Informatsionno-analiticheskiy razdel. URL: <http://info.minfin.ru/passportr.php?type=71> (accessed: 12.10.2014).

4. Gordeyev, S.S. Poisk sotsio-ekologo ekonomicheskikh resheniy v informatsionnoy srede [Searching socio-ecological and economical solutions at informational environment] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Vyp. 40. № 8 (299), 2013. S. 47–52.

UDC 332

GROSS REGIONAL PRODUCT AS THE INTEGRAL COMPONENT OF REGIONAL ECONOMY DEVELOPMENT: SPECIFIC AND PROBLEMS OF USE

Gordeyev Sergey Sergeevich,

Chelyabinsk State University,
Leading Researcher,
Head of Research and Education Center
of the Institute of Economics of Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences and CSU,
Cand. Sciences (Economics),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sgordeev222@mail.ru

Zyryanov Sergey Grigoryevich

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Director,
Doctor of Political Science, Professor
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Ivanov Oleg Petrovich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Candidate of Technical Sciences,
Leading Researcher,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Kocherov Andrey Valeryevich,

Chelyabinsk State University,
Head of Scientific and Research Sector,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Annotation

The aspects of development of analysis of value dynamics and structural changes of gross domestic product (GDP) of industrial developed territories are considered in the article. The possibilities of specialized informational and adaptive approach to GDP analysis is described by the authors. Results of GDP analysis of two industrial regions of Ural federal area are presented.

Key concepts:

gross regional product, structure, growth dynamic, strategy, analysis, method, trend, assessment, Chelyabinsk region, Sverdlovsk region.

УДК 658

КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Бенин Владислав Львович,

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,

заведующий кафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин, доктор педагогических наук, профессор, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия.

E-mail: benin@lenta.ru

Фролов Олег Викторович,

Оренбургский государственный институт менеджмента, профессор кафедры

«Государственное и муниципальное управление», кандидат педагогических наук, г. Оренбург, Россия.

E-mail: fov_ogim@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования компетентных менеджеров системы государственного управления. Доказывается, что усиление культурологического аспекта профессиональной деятельности является условием становления менеджеров, осознающих общественную значимость своей профессии.

Ключевые понятия:

компетентность, менеджер государственного управления, функции компетентности менеджеров,

В современных условиях одной из наиболее острых является проблема компетентности. В недавнем прошлом понятие «компетентность» обладало вполне конкретным содержанием и не было предметом споров. Но приблизительно с 1960-х годов оно стало указанием на некие скрытые качества, которые при прочих равных условиях способствуют профессиональному и жизненному успеху.

В 1970–80-е годы в менеджменте наблюдался настоящий компетентностный бум – анализ поведенческих аспектов различных профессиональных задач, «фрагментизация» поведенческих элементов, составление на их основе «портфелей компетенций».

В 90-е гг. XX в. на основе компетенций ведется активная разработка стратегического менеджмента, в основе которого представления об ужесточающейся конкурентной борьбе и новой стратегии успеха: устойчивое развитие организации можно достичь путем эффективного воздействия на среду. К. Прахалад, Г. Хамел выделяли стержневые компетенции корпорации (навыки и умения, воспроизводство которых конкурентами чрезвычайно затруднено), ключевые (базовые) компетенции – «способность или навык, общий для всех бизнесов, которыми занимается фирма и увязывающий их друг с другом в единое целое». Здесь компетентность – это конкурентное преимущество, умение играть на рынке не по чужим правилам, а способность навязать ему свои [6].

Сегодня обсуждение компетентностного подхода в современном российском образовании связано с противопоставлением традиционному образованию, которое, как считается, давало хорошие знания, но не учило их применению. В этом смысле старые «знания-умения-навыки» противопоставляются компетентности, а обучение компетентностям (competence-based education) в отличие от обучения знаниям (knowledge-based education) постулируется как парадигмальное. Между тем слово «компетентность» обладает еще одним слоем значений, которое не всегда улавливается носителями русского языка.

В ряде языков слова «компетенция» (competence, compétitif) и «конкуренция» (competition, compétition) являются одноязычными. Понимание компетентности как способности одержать победу, подчинять, умения воздействовать, в значении конкурентного преимущества в менеджменте в западных моделях образования являются очевидными и не требуют комментариев. В русском языке иностранное слово «компетентность» связано со знаниями, авторитетом, достоинством личности, оно звучит

респектабельно и уважительно, тогда как понятие «конкуренция» было наделено пейоративным значением.

По нашему мнению, компетентность характеризует духовно-нравственную сущность личности, обуславливая ее поступки. От компетентности зависят возможности раскрытия каждым индивидом себя в качестве субъекта активного действия. В процессе формирования компетентности формируются структуры культурных, социальных и профессиональных связей человека. В ходе этого формирования происходит передача социального и профессионального опыта, зафиксированного в культуре. Компетентность сообразна с культурой и ориентирована на культуру.

Нами выделен ряд культурных функций компетентности менеджеров государственного управления, пока еще слабо реализующихся в современной практике их профессиональной подготовки и последующей деятельности.

Культуротворческая функция. заключается в дальнейшем развитии и обогащении профессиональной культуры как типа жизнедеятельности, присущего социально-профессиональной группе менеджеров государственного управления, в совокупности идей, обеспечивающих непрерывный процесс исторической преемственности, профессионального развития личности, сохранения культурного наследия и постоянного продуцирования инновационных процессов, определяющим образом влияющих на устойчивость и, одновременно, изменчивость сферы профессиональной жизнедеятельности человека.

Профессиональная подготовка менеджера представляет собой культуру-творческий образовательный процесс, в котором субъекты образовательной инициативы реализуют себя в качестве субъектов профессиональной культуры, а содержание образования выстраивается в соответствии с содержанием профессиональной культуры менеджеров ГМУ; используются культурные критерии уровня готовности менеджера к профессиональной деятельности в сфере государственного управления. По нашему мнению, признаками сформированной компетентности менеджера государственного управления являются: проявление интереса к проблемам конкретного человека; эмоциональная стабильность и объективность; беспристрастность и отсутствие предубеждений; способность вызывать доверие у людей; уважение прав и ценностей других людей; осознание профессионального долга; желание ставить и решать принципиально новые и общественно полезные профессиональные

задачи; готовность обновлять социальные и профессиональные знания.

Функция формирования духовной (гуманитарной) культуры. Русский философ, юрист И.А. Ильин писал о том, что социальные потрясения происходят там, где проявляется незрелость или вырождение духовной культуры. К сущности человеческого духа он относил дар воспринимать, преобразовывать, направлять по-новому любое высшее воздействие. Но для того, чтобы владеть этим даром, человек должен управлять стихией собственной души. «Невозможно устроить мир материи, не устроив мир души... Душа, покорная хаосу, бессильна создать космос во внешнем мире» [4].

Мы считаем компетентность одним из ведущих гуманистических понятий, которая состоит в том, что человек «делает» себя во всех отношениях духовным существом. Кризис компетентности в современном обществе активно культивирует «свободная от идеологии» позитивистская модель. Ее основные принципы – объективность, эмпиризм, инструментализм. Рациональность и принцип полезности как доминанта человеческого поведения, приоритет рыночных отношений, индивидуализм и свобода конкуренции становятся культурной рефлексией. «Разговоры о том, что лишь в условиях рыночной экономики создается арена для проявления особых способностей, уникальности и неповторимости человека, современная рыночная система дает толчок для проявления и развития индивидуализма, приносят дивиденды политикам и обществоведам. Все вместе они создают идеологию, убеждающую рядового человека, что он благодаря рыночной системе, общественным отношениям, рожденным и этой системой, впервые стал действительной целью и высшей ценностью демократического государства. Частью этой идеологии представляется и то, что часто факты, говорящие, скорее, о потере человека, выдаются за явления, подтверждающие утверждения о прямой зависимости между степенью развития рыночных отношений и степенью свободы и индивидуальности человека» [1, с. 32].

Рационализм и сциентизм, ориентированные на практическую сферу, традиционно предполагают и образование, в процессе которого осуществляется «вложение» в человека чего-то извне, а не «извлечение» из него. Сегодня субъект принимается за человека, отчужденный субъект – за личность и т.д. Античный человек, обладающий значительно меньшими информационными возможностями, представляется гораздо гармоничнее в своем развитии, чем наш современник. По мнению К. Юнга, «расщепление» личнос-

ти современного человека является одним из проклятий, переживаемых им [7].

Ценностно формирующая функция. Компетентность – одно из слагаемых культуры личности. Компетентный – знающий и понимающий человек, владеющий информацией и технологиями, ценностно-ориентированный, а в общем плане – культурный человек. Именно «усердие», «сердечное понимание» формирует человека, равнодушного к смысложизненным проблемам. Знание, освоенное умом, сердцем и воспринятое во взаимосвязи с гармонией мира, создает возможность самореализации субъекта как универсума, включенного в систему социальных связей и отношений.

Сложившееся представление о компетентности как способности решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний не отражает ее понимания в качестве духовного акта человека, лишенного таких «результатов», как выгода и польза, что и привело к кризису, проявляемому в своеобразной интерпретации рационализма.

Между тем компетентность, выступает одновременно феноменом культуры, совокупностью ценимых обществом качеств личности, позволяющих ей обогащать общественную практику высокими духовными и материальными достижениями. Характеризуя духовно-нравственную сущность личности, компетентность обуславливает ее поступки и возможность решения личностью проблемы гуманизации общества.

Глобальный курс государственного управления исключительно на экономическую эффективность, девальвация прежних норм морали и идеологического воздействия отрицательно сказались на моральных и профессиональных характеристиках менеджеров. Концепция личной пользы стала культурной доминантой в профессиональной деятельности, что привело к кризису компетентности, явившемуся итогом снижения требований к профессионализму и ослабления роли профессионального образования как феномена культуры.

Усиление культурологических оснований профессиональной подготовки будущих менеджеров, результатом которой является сформированная компетентность, становится условием их эволюции как субъектов профессиональной культуры, осознающих особую общественную ценность своей профессии.

Культурологический подход к формированию компетентности менеджера государственного управления отводит значительное место вопросам формирования ценностных ориентаций. Ценности профессиональной деятельности выполняют функцию постро-

ения профессиональных норм и правил, так как формируют единые представления социально-профессионального сообщества о различных аспектах профессиональной деятельности.

Профессиональная деятельность программируется совокупностью нормативных ожиданий, связанных профессиональной ролью. Роль выступает в качестве своеобразного транслятора ценностей. Ожидания профессии (профессионального сообщества), зафиксированные в содержании роли, имеют нормативную форму, выполняя тем самым функции конструирования ценностей профессиональной деятельности. Мы рассматриваем ценности профессиональной деятельности менеджера государственно-муниципального управления как идеал, выработанный социально-профессиональным сообществом об атрибутах должного в профессии и как обобщенные представления субъекта профессиональной деятельности о целях его деятельности.

Таким образом, в результате профессионального образования у человека формируется качество, позволяющее ему быть успешным во взаимодействии с другими людьми и в профессиональной деятельности, качество, которое может быть определено как компетентность человека – личностное, интегративное, формируемое качество, проявляющееся в адекватности решения задач всему разнообразию социальных и профессиональных ситуаций, выражающееся в деятельности, поведении, поступках, регулируемых нормами общей и профессиональной культуры.

Герменевтическая функция. Противоречия современной жизни при возрастающем потоке различной информации в новом качестве высвечивают всегда актуальную проблему понимания. Она принадлежит к числу комплексных, и решение ее возможно лишь на путях синтеза различных подходов. Вся история человечества пронизана энергиями понимания или непонимания. В каждой культуре заложены свои основы и принципы для понимания. В теоретико-познавательном аспекте эта проблема обнаруживается на пересечении философских установок немецкого романтизма и абсолютного рационализма (конец XVIII – начало XIX вв.).

В немецком романтизме философская позиция, касающаяся теории познания, характеризуется исследованиями как эпистемологический индивидуализм, стремящийся к целостному пониманию индивидуальности. Прямой противоположностью названному направлению является система Г. Гегеля, для которого понятие как продукт процесса понимания есть истина бытия и сущности. Это процесс самореализации духа. Язык

же, будучи произведением мысли, выражает всеобщее [3]. Концепция, разработанная Ф. Шлейермахером, связывает понимание с символической деятельностью социально организованного субъекта. Сегодня понимание не тождественно знанию: это освоение знаний, их ассимиляция в обыденно-практических формах действительности или в формах уже понятого знания. К тому же субъект должен быть уверен в его истинности.

Таким образом, для понимания и осмысления мира и своего места в нем человеку необходимо постоянно совершенствовать, расширять и уточнять используемые термины, категории. О понимании говорят в проблемных ситуациях, не только научных, но и жизненно-практических: при изучении и сравнительном анализе цивилизаций и культур разных типов, при истолковании опыта прошлого, при взаимодействии культур, при выявлении смысла деятельности, при оценке происходящих событий, при анализе конкретно-исторических, субъективных и ценностных аспектов человеческой деятельности, при осмыслении фактов обыденной жизни.

Проблема понимания тесно связана с проблемой человеческого бытия. Мышление, знание, сознание (как совместное знание) в совокупности с информацией приобретают статус духовности. В естественных науках начала XX в. в связи с открытием микромира и теории относительности появляются идеи целостного восприятия мира. Они связаны с возрастанием роли субъекта в познании. Многие исследователи, в том числе В. Дильтей и Х.-Г. Гадамер, усмотрели в понимании наличие бессознательного, которое существенным образом влияет на процесс понимания: при использовании родного языка автор не всегда осознает собственный текст.

Современная ситуация требует того, чтобы признать ее герменевтической и на основании изложенного определить сущностные аспекты проблемы. Во-первых, понимание – это духовно-практическое освоение действительности, своеобразный способ бытия. Во-вторых, необходимо соотносить такие понятия, как знание, истина и понимание. В-третьих, открыты способы верификации, критерии «правильного» понимания.

Герменевтический подход в образовании непосредственно обращён к проблеме выработки личностных смыслов субъекта деятельности, к ее ценностным аспектам. Знаменательно, что задача создания новой ценностной системы общества – системы открытой, вариативной, духовно и культурно насыщенной, собирающей воедино современные социально значимые ценности и установки с передовыми отечественными

традициями, – обозначена в качестве одного из направлений образовательной политики России на современном этапе. На переломных этапах развития общества, связанных с поиском и осмыслением новых идеалов, возникает необходимость пересмотра научных знаний с позиций их ценностной значимости. В рамках педагогики как научной дисциплины многообразные и разнородные педагогические знания, представленные в разных формах общественного сознания – науке, религии, искусстве, языке, – нуждаются в их специальной организации в единое системное целое на методологических основаниях, которые обеспечивают своего рода «стыковку» формирующихся и перестраивающихся знаний с мировоззрением эпохи и через специальные концепции, вскрывающие теоретико-методологические основы интерпретации, в форме конкретных процедур истолкования и понимания знаний способствуют их включению в культуру.

Трагедия российского государственного управления состоит в том, что в основном отвечая требованиям управленческого прогресса, оно абсолютизировало роль носителя властных полномочий – менеджера государственного управления – рационального, безучастного к переживаниям и смыслам другого человека, отказывающегося от понимания проблематики «просителя». Между тем, как отмечал Г. Лебон, «чтобы быть государственным человеком, нужно уметь проникать в душу толпы, понять ее мечты и оставить для нее философские абстракции» [5].

Выделенные культурные функции компетентности возможно реализовать в рамках культурологического подхода – принципиальной гуманистической позиции, признающей человека субъектом культуры, её главным действующим лицом. Процесс формирования компетентности будущего менеджера государственного управления в образовательном процессе управленческого вуза с позиций культурологического подхода позволяет изменять его характер, акцентируя личностную обращенность. Принципиальными идеями культурологического подхода является человек как субъект культуры и процессы его культуротворчества, что позволяет органично переносить культурологический подход на поле всего педагогического процесса, в центре которого находится личность учащегося, развиваемая и развивающаяся, осваивающая культуру, преобразующая себя в ходе этого освоения [2, с. 98].

Содержание общей культуры человека, включающей образованность, и компетентности позволило нам дать их сопоставительное определение. Общая культура – это спо-

соб социальной жизнедеятельности человека, выявляющий совокупность присвоенных им знаний, ценностей, традиций (опыт) в процессе и результате их распрямления и последующего опредмечивания и проявляющийся в различных формах поведения, социально детерминированный способ жизнедеятельности человека.

Компетентность – совокупность высоко ценимых обществом качеств личности, позволяющих ей обогащать общественную практику высокими духовными и материальными достижениями, обеспечивающих возможность решения социальных и профессиональных задач, адекватно возникающих ситуациям жизненного и профессионального характера; проекция социально детерминированного способа жизнедеятельности человека на определенную сферу профессиональной деятельности, регулируемую культурными нормами.

1. Абсава Н.Д. Где задержался человек? // Перспективы человека в глобализирующемся мире. СПб.: СПб. философское общество, 2003. С. 32–40.

2. Гайсина Г.И. Культурологический подход в педагогическом исследовании: монография. Уфа: Вагант, 2007. 304 с.

3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: т. 1.; Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.

4. Ильин И.А. Сочинения. В 2 т. Т. 1: Философия права. Нравственная философия. М.: Медиум, 1993. 510 с.

5. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.

6. Прахалад К., Хамел Г. Конкурируя за будущее: Competing for the Future. М.: Изд-во Олимп-Бизнес, 2002. 192 с.

7. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

References

1. Absava N.D. Gde zaderzhalsya chelovek? // Perspektivy cheloveka v globaliziruyushchemsya mire. SPb.: SPb. filosofskoye obshchestvo, 2003. S. 32–40.

2. Gaysina G.I. Kul'turologicheskiy podkhod v pedagogicheskom issledovanii: monografiya [Cultural Approach in pedagogical investigation: monograph]. Ufa: Vagant, 2007. 304 s.

3. Gegel G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: t. 1.; Nauka logiki. M.: Mysl', 1974. 452 s.

4. Ilin I.A. Sochineniya. V 2 t. T. 1: Filosofiya prava. Nравstvennaya filosofiya. M.: Medium, 1993. 510 s.

5. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. SPb.: Maket, 1995. 316 s.

6. Prakhalaд K., Khamel G. Konkuriруя za budushcheye: Competing for the Future. M.: Izd-vo Olimp-Biznes, 2002. 192 s.

7. Yung K.G. Arkhetip i simvol. M.: Renessans, 1991. 304 s.

UDC 658

CULTURAL FUNCTIONS OF STATE MANAGERS' COMPETENCE

Benin Vladislav Lvovich,

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, the Head of Department Chair of Cultural Studies and Socio-economic Disciplines, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Ufa, Bashkortostan Republic, Russia. E-mail: benin@lenta.ru

Frolov Oleg Viktorovich,

Orenburg State Institute of Management, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Cand. Sc. (Pedagogy). Orenburg, Russia. E-mail: fov_ogim@mail.ru

Annotation

The article deals with the problem of formation of competent managers in the system of public administration. It tries to prove that strengthening of cultural aspect of the professional activity is becoming a condition for formation of managers who are aware of social significance of their profession.

Key concepts:

competence, manager of public administration, functions of managers' competence, professional education.

УДК 658.1+658.15

ОБОСНОВАНИЕ ВЕКТОРА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Каплан Алексей Владимирович,
научно-технический центр
«Геотехнология»,
генеральный директор,
кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: kaplan@mail.ru

Аннотация

В статье даны предложения по количественному обоснованию стратегического вектора и траектории социально-экономического развития горнодобывающего предприятия.

Для решения проблемы дисбаланса темпов социального и экономического развития предложено использование основных положений и аналогий теории потребления и спроса, а также теории производства и предложения.

Ключевые понятия:

управление,
социально-экономическое развитие,
траектория развития,
добавленная стоимость,
горнодобывающее предприятие.

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития России [7] предусматривает обеспечение устойчивого роста на длительную перспективу. В начале XXI века существенно выросла роль минерально-сырьевого комплекса в социально-экономическом развитии России. Укрепление экономики России и повышение благосостояния ее граждан требуют эффективного использования природных ресурсов, как одной из важнейших основ прорыва на более высокие рубежи развития, соответствующие современным условиям и требованиям. Добывающая промышленность, которая, являясь базовой отраслью в экономике страны, обеспечивает до 10% ВВП и формирует 60–70% госбюджета страны.

В России открыто более 20 тыс. месторождений полезных ископаемых [6, 10], совокупные запасы которых оцениваются в 57,6 трлн долл. США (Таблица 1). В недрах земли выявлены и разведаны многочисленные месторождения нефти, природного газа, каменного угля, руд черных, цветных, редких и благородных металлов и пр.

Наличие большого количества уникальных месторождений с достаточно благоприятными геологическими и горно-техническими условиями отработки предопределили развитие мощной горнодобывающей промышленности в нашей стране. Вместе с тем, к текущему десятилетию многие российские предприятия столкнулись с долгосрочными системными проблемами, вызванными как общемировыми тенденциями, так и барьерами внутреннего развития [2, 5]. Важнейшие из них:

- систематическое отставание в развитии и внедрении новых технологий, снижающее конкурентоспособность и повышающее уязвимость в современных условиях нарастания соперничества на всем геополитическом пространстве;

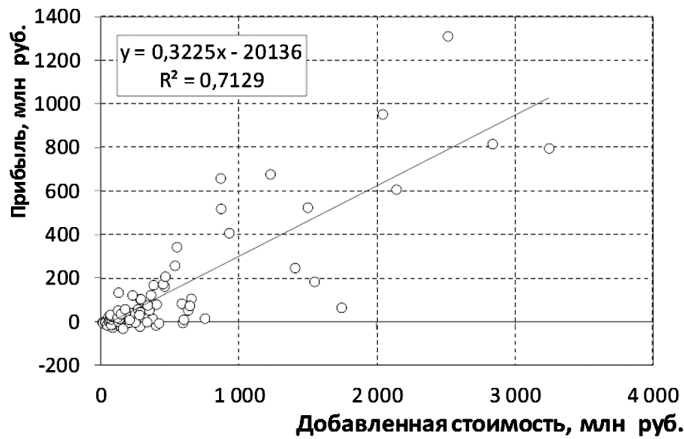
- повышение роли человеческого капитала как ключевого фактора экономического развития, предопределяющего потенциальный уровень конкурентоспособности продукции и предприятия в целом.

Особое значение имеет социальное и экономическое развитие для предприятий, относящихся к горнодобывающей отрасли. Высокая капиталоемкость и трудоемкость, присущая горнодобывающим предприятиям, а также значительный уровень добавленной стоимости зачастую предопределяют градообразующий характер для района расположения: налоговые поступления формируют основу бюджета муниципального образования, а трудоустройство пер-

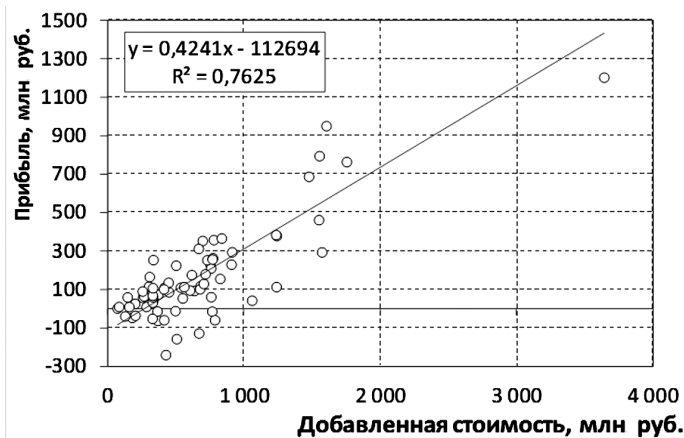
Таблица 1

Оценка запасов минерально-сырьевых ресурсов России на 1.01.2014¹

Вид полезного ископаемого	Объем запасов	Количество месторождений	Ценность, млрд \$	Удельный вес, %
Нефть	13,0 млрд т	2 100	10 484	18,2
Газ	48,7трн м ³	870	14 610	25,3
ИТОГО нефтегазовый комплекс		2 970	25 094	43,5
Уголь и горючие сланцы	193 млрд т	150	12 248	21,3
Нерудное сырье	1470 млрд т	>10 000	14 210	24,7
Черные металлы	260 млрд т	180	2 340	4,1
Цветные металлы	160 млрд т	90	3 200	5,6
Драг. металлы и алмазы		>1 000	544	0,9
ИТОГО твердые полезные ископаемые		>17 000	32 542	56,5
ВСЕГО		>20 000	57 635	100

А) Угольные разрезы

Б) Угольные шахты

Рис. 1. Взаимосвязь прибыли и добавленной стоимости для промышленных предприятий угольной отрасли

¹ По данным 5-го горнопромышленного форума «МАЙНЕКС Центральная Азия 2014», г. Астана (Казахстан) 31.03. – 2.04.2014 года. <http://www.minexasia.com/2014/ru/>

сонала обеспечивает уровень жизни и степень удовлетворения интересов значительной части населения.

Получение прибыли и реализация социальных программ, необходимых для устойчивого развития горнодобывающего предприятия, обеспечивается созданием значительного уровня добавленной стоимости выпускаемой продукции. Увеличение добавленной стоимости для предприятия является ключевым условием устойчивости социально-экономического развития. Анализ отчетности о работе добывающих предприятий угольной отрасли¹ подтверждает, что уровень получаемой прибыли, а также фонд оплаты труда персонала практически линейно связаны с уровнем добавленной стоимости, формируемой предприятием (рис. 1).

Взаимосвязь между объемом получаемой прибыли и объемом добавленной стоимости для анализируемых горнодобывающих предприятий имеет характер линейной зависимости. Коэффициент пропорциональности между объемом получаемой прибыли и объемом добавленной стоимости составляет от 0,30 до 0,45.

Анализируя данные по отечественным предприятиям необходимо отметить, что

средний уровень добавленной стоимости в расчете на одного человека в месяц не слишком высок и для горнодобывающих предприятий России, составляет не более 1,4–1,8 тыс. долл. США, тогда как в развитых странах, широко занимающихся добычей полезных ископаемых (США, Канада, Австралия), в 4–5 раз выше: от 6,0 до 10,0 тыс. долл. США. Наличие столь значительного разрыва по реальному уровню производительности труда персонала не позволяет осуществить в нашей стране переход к постиндустриальному обществу.

Главная особенность при переходе отечественных горнодобывающих предприятий к модели устойчивого социально-экономического развития заключается в том, что для поддержания стратегической конкурентоспособности необходимо одновременно решать две взаимосвязанные задачи: ликвидация отставания в уровне технологического развития и повышение положительной динамики уровня экономических и социальных результатов [4]. Решение обозначенных задач не может быть осуществлено на основе ситуативного реагирования и требует создания двухконтурного механизма управления развитием (рис. 2):

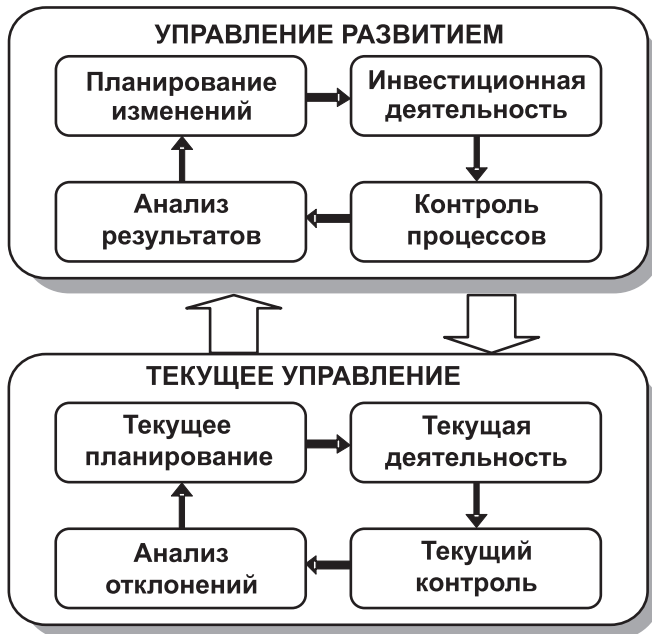

Рис. 2. Схема двухконтурного механизма управления развитием промышленного предприятия

¹Угольная промышленность Российской Федерации в 2006 году. – М.: «Росинформуголь», 2007. – Т. 1 – 95 с.

– контур текущего управления, предопределяющий получение устойчивых операционных результатов деятельности;

– контур управления развитием, обеспечивающий изменение уровня операционных результатов на качественном уровне.

Рассмотрим ситуацию, когда за некоторый период работы предприятие генерирует добавленную стоимость $ДС$. При этом сделаем допущение, что предприятие в течение рассматриваемого периода не может расходовать средства на удовлетворение текущих потребностей и развитие свыше полученного объема добавленной стоимости. Все полученные ресурсы должны быть направлены как на социальное и экономическое развитие, так и на обеспечение текущих потребностей предприятия, включая уплату обязательных налогов, отчислений и сборов:

$$CЗ + ЭЗ = ДС - КВ_{рен} - ОТ - Н, \quad (1)$$

где $CЗ$, $ЭЗ$ – затраты, направляемые на социальное и экономическое развитие предприятия соответственно; $Н$ – налоговая нагрузка; $КР$ – капитальные вложения, обеспечивающие реновацию (восстановление) изношенных основных фондов; $ОТ$ – расходы на оплату труда (включая текущие социальные затраты и обязательные отчисления с заработной платы).

Примем допущение, что налоговая нагрузка пропорциональна уровню затрат на социальное и экономическое развитие, а уровень оплаты труда и уровень реновации основных фондов в текущем периоде не зависят от выбранной стратегии развития. Тогда экономико-математическую модель, отражающую баланс доходов и затрат, можно представить в следующем виде:

$$CЗ(1+k_{co}) + ЭЗ(1+k_{zo}) = ДС - КР - ОТ, \quad (2)$$

где k_{co} , k_{zo} – коэффициент, учитывающий налоговую нагрузку по отношению к затратам, направляемым соответственно на социальное и экономическое развитие.

Полученное выражение можно представить в следующем виде:

$$ЭЗ = \frac{ДС - КР - ОТ}{(1+k_{zo})} - CЗ \frac{(1+k_{co})}{(1+k_{zo})} \quad (3)$$

Полученное уравнение определяет бюджетное ограничение для расходов предприятия, а прямая $ЭЗ = f(CЗ)$ (рис. 3) определяет характер бюджетной линии АВ.

Точки А и В отражают предельный уровень затрат предприятия, которые могут быть направлены на экономическое ($ЭЗ$) или социальное ($CЗ$) развитие. Любое со-

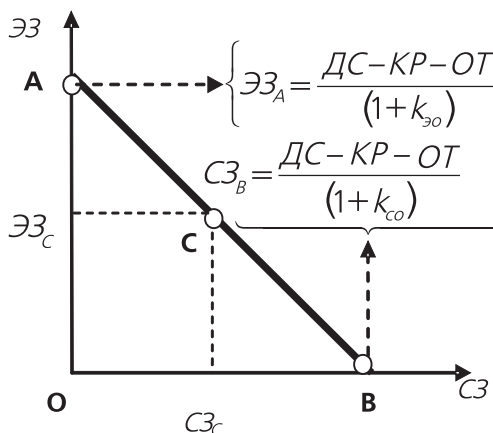

Рис. 3. Бюджетная линия ограничения расходов предприятия на социальное и экономическое развитие

четание затрат, направленных на социальное и экономическое развитие, может быть определено на бюджетной линии

$$C = \left(\frac{CЗ_c}{(1+k_{co})}, \frac{ЭЗ_c}{(1+k_{zo})} \right).$$

Бюджетная линия представляет собой геометрическое место точек, характеризующих различные комбинации затрат на социальное и экономическое развитие, которые возникают при полном расходе добавленной стоимости, полученной за период. Отрицательный наклон бюджетной линии отражает тот факт, что все сочетания социальных и экономических затрат имеют одинаковую сумму, равную добавленной стоимости. Увеличение затрат по какому-либо направлению возможно лишь за счет соответствующего сокращения затрат по другому.

Наклон бюджетной линии определяется коэффициентом пропорциональности $(1+k_{co})/(1+k_{zo})$, который отражает соотношение обязательных отчислений при осуществлении затрат, направляемых на социальное и экономическое развитие соответственно. Поскольку в принятом нами предположении уровень отчислений пропорционален затратам, то наклон прямой линии будет постоянным.

Различные субъекты управления при равных исходных предпосылках (например, уровень имеющейся в распоряжении добавленной стоимости) могут принимать различные решения в части соотношения затрат, направляемых на социальное и экономическое развитие. Можно предположить, что каждый субъект управления

на основе некоторого набора критериев выбирает наилучшую структуру затрат, обеспечивающую наиболее эффективное социально-экономическое развитие. Назовем это предположение гипотезой о рациональности управления развитием: субъект управления принимает решения, обеспечивающие максимизацию полезности при использовании доступных и ограниченных ресурсов.

Законами Госсена [9] определено, что уровень полезности зависит не только от свойств ресурса, но также и от способа его использования. Для обоснования выбора рационального соотношения ресурсов, обеспечивающих устойчивость социально-экономического развитие, законы Госсена могут быть сформулированы следующим образом:

1. При осуществлении последовательных расходов, обеспечивающих социальное либо экономическое развитие, каждая последующая единица затрат по какому-либо направлению дает эффект ниже предыдущей единицы.

2. В течение некоторого периода времени субъект управления может осуществ-

затратами в ее составе, направляемыми за тот же период на оплату труда и реновацию основных фондов. В этом случае динамику социально-экономического развития для конкретного предприятия можно определить как темп перехода с одного уровня добавленной стоимости на другой. Диапазон допустимых решений по структуре затрат на социальное и экономическое развитие для каждого субъекта управления определяется следующей системой уравнений:

$$\begin{cases} \text{ЭЗ} = \frac{\text{ДС} - \text{КР} - \text{ФОТ}}{(1+k_{\text{эо}})} - \text{СЗ} \frac{(1+k_{\text{со}})}{(1+k_{\text{эо}})} \\ \text{СЗ}_{\min} \geq (\text{ДС} - \text{КР} - \text{ФОТ}) \times k_{\text{со}}^{\min} \\ \text{ЭЗ}_{\min} \geq (\text{ДС} - \text{КР} - \text{ФОТ}) \times k_{\text{эо}}^{\min} \end{cases} \quad (4)$$

Решение данной системы уравнений может быть представлено графически, как заштрихованная область (рис. 4). Динамика перехода на более высокий уровень социально-экономического развития отражена треугольниками: *OAB* – для уровня 1; *OCD* – для уровня 2; *OEF* – для уровня 3.

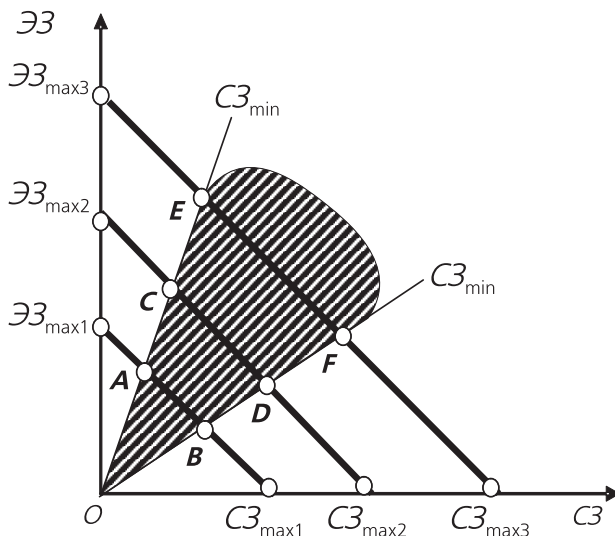
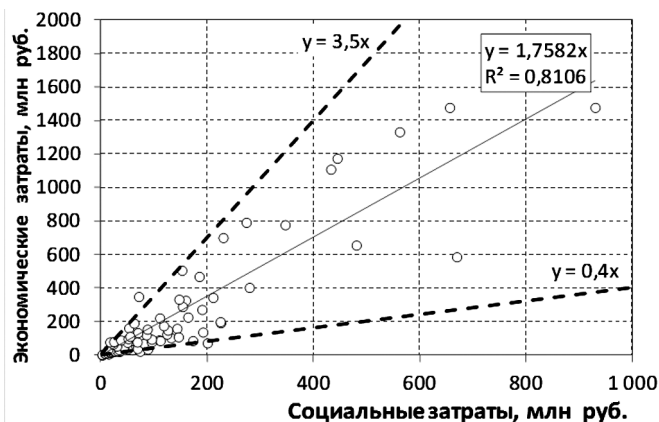

Рис. 4. Область допустимых значений для затрат, обеспечивающих устойчивость социально-экономического развития

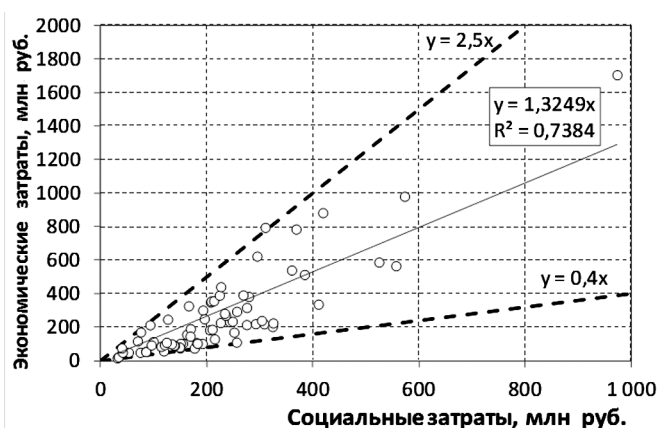
твить затраты на социальное и экономическое развитие в разных комбинациях, из которых наиболее выгодной является только одна.

Достигнутый уровень социально-экономического развития для промышленного предприятия определяется добавленной стоимостью, генерируемой за определенный интервал времени, а также текущими

Взаимосвязь между затратами на социальное и экономическое развитие для предприятий угольной отрасли носит линейный характер с коэффициентом пропорциональности в диапазоне от 1,25 до 1,55 (рис. 5). Диапазон фактических значений образует набор допустимых значений для осуществления расходов на социально-экономическое развитие, определяе-

А) Угольные разрезы

Б) Угольные шахты

Рис. 5. Взаимосвязь социальных и экономических затрат для предприятий угольной отрасли

мый областью, заключенной между следующими прямыми [1, 3]:

- нижняя граница: $ЭЗ=(0,4+0,5)СЗ$;
- верхняя граница: $ЭЗ=(2,5+3,5)СЗ$.

Для каждого уровня полученного дохода субъект управления принимает решение по формированию структуры расходов, выбирая точку на бюджетной линии, соответствующую максимальной «полезности». При получении иного уровня добавленной стоимости происходит изменение уровня возможных затрат, направляемых на социально-экономическое развитие, а бюджетная линия сдвигается параллельно предыдущему направлению. При увеличении доходов она перемещается дальше от начала координат, а субъекту управления становятся доступными новые возможности. При уменьшении доходов прямая приближается к началу координат и возможности развития сужаются.

Субъект управления стремится выбрать самый полезный набор благ для каждого уровня дохода: каждой бюджетной линии всегда соответствует своя оптимальная точка. Если рассмотреть все потенциально возможные уровни генерации добавленной стоимости и соединить каждую точку выбора для каждого уровня, то мы получим линию ИСС оптимальной структуры затрат на социальное и экономическое развитие. Эта линия определяет набор оптимальных решений в части формирования структуры социальных и экономических затрат при изменении имеющейся в распоряжении добавленной стоимости (рис. 6).

На основании линии оптимальной структуры затрат, обеспечивающих социально-экономическое развитие, можно построить график «доход-расходы», отражающий степень удовлетворения отдельных социальных и экономических пот-

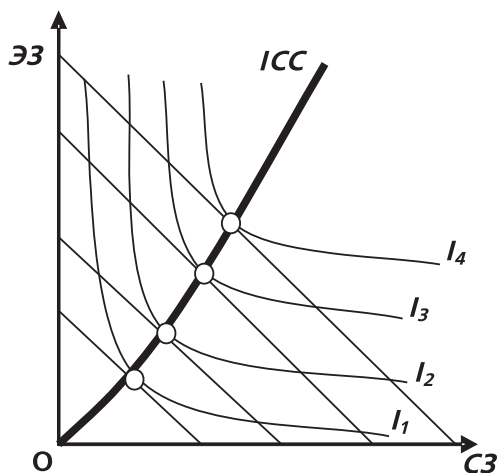
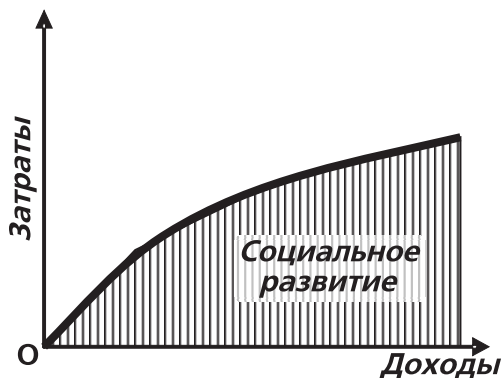

Рис. 6. Оптимизация структуры социально-экономических затрат при различных уровнях дохода

ребностей. На горизонтальной отражается величина дохода, а на вертикальной – денежная сумма расходов на удовлетворение данной потребности (рис. 7).

носит нелинейный характер, а соответствующая кривая имеет насыщение (рис. 8).

Для горнодобывающих предприятий с открытым способом разработки месторождений полезных ископаемых кривая ближе к линейной пропорции, что объясняется возможностью масштабирования. Отметим, что при увеличении дохода субъект управления, как правило, направляет больше ресурсов как на удовлетворение социальных, так и экономических потребностей. Уровень удовлетворения социальных и экономических интересов имеет аналогию с приобретением «нормальных товаров» в теории потребительского спроса.

Рассмотрим ограничения траектории социально-экономического развития угледобывающего предприятия в фазовом пространстве затрат на удовлетворение социальных и экономических потребностей. Пусть предприятие в рассматриваемый момент времени имеет уровень социально-экономического развития, соответствующий отрезку **AB** области допустимых значений **OAB**. Фактическая структура затрат на удовлетворение социальных и

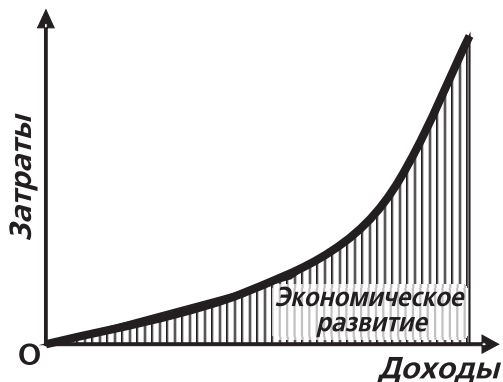

Рис. 7. График «доходы-затраты» для отдельных видов затрат

Кривые такого типа аналогичны кривым Энгеля и позволяют судить об отношении субъекта управления к эффективности затрат: с ростом дохода кривая расходов на удовлетворение социальных потребностей теряет наклон, а кривая расходов на удовлетворение экономических потребностей становится все круче – более значимая часть дохода уходит на экономическое развитие [8].

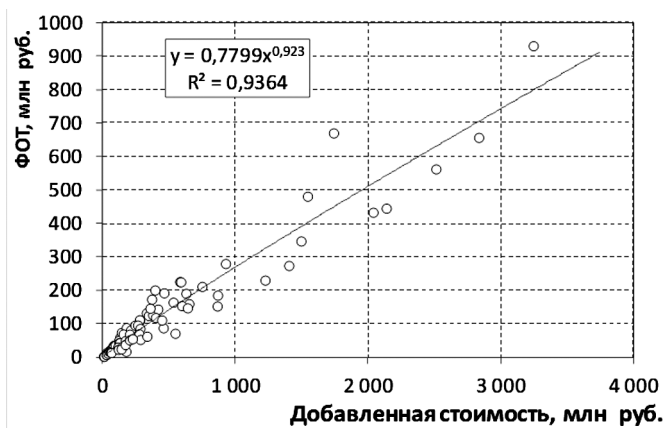
Анализ статистических данных для предприятий угольной отрасли подтверждает, что зависимость уровня фонда оплаты труда (определяющего общий уровень затрат на удовлетворение социальных потребностей) от добавленной стоимости

экономических потребностей предприятия представлена точкой К (рис. 9).

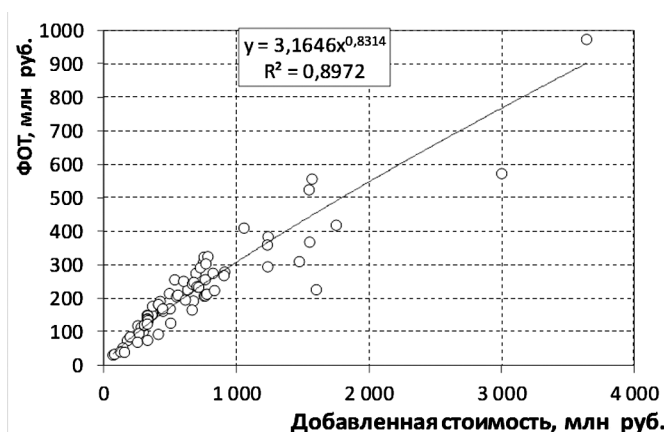
Принципиально возможные направления социально-экономического развития представлены набором векторов **a, b, c, d,** и **e,** которые характеризуются различной степенью устойчивости развития (табл. 1):

1. Вектор **a** – характеризуется наиболее сбалансированной динамикой социального и экономического развития, определяет направление наиболее устойчивого стратегического развития.

2. Вектора **b** и **c** – характеризуются преобладающей динамикой социального либо экономического развития. Устойчивость развития достаточная в тактическом

А) Угольные разрезы

Б) Угольные шахты

Рис. 8. Взаимосвязь социальных и экономических затрат для предприятий угольной отрасли

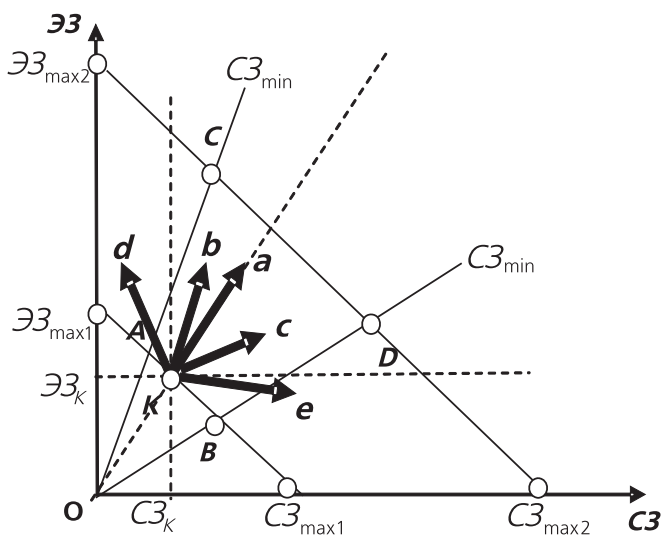

Рис. 9. Выбор направления социально-экономического развития

плане, в стратегическом плане направление движение неизбежно потребует корректировки.

3. Вектора **d** и **e** – характеризуются значительной положительной динамикой одного из видов развития при отрицательной динамике другого. Развитие не является устойчивым, такое направление может использоваться только как краткосрочная вынужденная мера.

Социально-экономическое развитие горнодобывающего предприятия осуществляется в фазовом пространстве «социальные затраты» – «экономические затраты», в области допустимых значений, определяющей условие устойчивости, в направлении, обеспечивающем сбалансированную динамику социально и экономического развития при соотношении $\partial \Delta \Delta / \partial C \Delta \in [0,5; 2]$.

Таблица 2

Анализ направлений социально-экономического развития

Вектор	a	b	c	d	e
Динамика социальных затрат ($\partial C \Delta$)	$\uparrow, \uparrow\uparrow$ [0; +∞]	\uparrow [0; C3]	$\uparrow\uparrow$ [0; +∞]	\uparrow [- C3; 0]	$\uparrow\uparrow$ [0; +∞]
Динамика экономических затрат ($\partial \Delta \Delta$)	$\uparrow, \uparrow\uparrow$ [0; +∞]	$\uparrow\uparrow$ [0; +∞]	\uparrow [0; Э3]	$\uparrow\uparrow$ [0; +∞]	\uparrow [- Э3; 0]
$\partial \Delta \Delta / \partial C \Delta$	[0,4; 2,5]	[2,5; +∞]	[0; 0,4]	[0; -∞]	[-1; 0]
Устойчивость	Значительная	Достаточная		Отсутствует	
Необходимость смены направления	Не обязательна	В долгосрочном периоде		В краткосрочном периоде	

Таким образом, резкое изменение социально-экономической среды в ходе экономических реформ конца XX столетия в России поставило промышленные предприятия, являющиеся основой устойчивого развития страны, в сложное положение. В наибольшей степени пострадали крупные промышленные предприятия, в том числе горнодобывающего комплекса.

Важнейшими факторами низкого уровня социально-экономического развития отечественных горнодобывающих предприятий являются отставание в развитии новых технологий на фоне возрастания роли человеческого капитала. Ключевым условием выхода на траекторию устойчивого социально-экономического развития являются опережающие темпы роста добавленной стоимости, являющейся основным источником реализации социальных программ и получения прибыли, направляемой на экономическое развитие.

Стратегический выбор вектора социально-экономического развития горнодобывающего предприятия целесообразно с использованием основных положений и аналогий теории потребления и спроса, а также теории производства и предложения. Предлагаемый подход обеспечивает научно обоснованный выбор направления и дальнейшей траектории социально-экономического развития горнодобывающего предприятия.

Устойчивое социально-экономическое развитие горнодобывающих предприятий закладывает мощный фундамент в основу экономики России.

1. Баев И.А., Каплан А.В. Обоснование выбора направления социально-экономического развития промышленного предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент. 2012. № 22. Вып. 22. С. 105–111.
2. Базовый доклад к обзору ОЭСР: Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации / Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2009. 206 с.
3. Каплан А.В. Разработка программы социально-экономического развития горнодобывающего предприятия с использованием факторов цикличности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 6 (221). Экономика. Вып. 31. С. 108–113.
4. Каплан А.В., Соколовский А.В., Баев И.А. Концептуальные положения управления развитием угледобывающего предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 12 (67). Сер. «Экономика». Вып. 6. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. С. 312–318.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
6. Пешков А.А., Мацко Н.А. Доступность минерально-сырьевых ресурсов. М.: Наука, 2004. 280 с.
7. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. / Минэкономразвития России. М., 2013. 354 с.

8. Теория потребительского поведения и спроса (Вехи экономической мысли. Т. 1) / под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993.

9. Bostaph S. The Methodological Debate Between Carl Menger and the German Historicists (Atlantic Economic Journal. 1978. V. VI. № 3. P. 3–16).

10. Mine The growing disconnect // Review of global trends in the mining industry, 2012. PricewaterhouseCoopers LLP, 2012. 60 с.

References

1. Bayev I.A., Kaplan A.V. Obosnovaniye vybora napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya promyshlennogo predpriyatiya [Obosnovaniye vybora napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya promyshlennogo predpriyatiya] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika i menedzhment. 2012. № 22. Vyp. 22. S. 105–111.

2. Bazovyy doklad k obzoru OESR: Natsional'naya innovatsionnaya sistema i gosudarstvennaya innovatsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii [Bazovyy doklad k obzoru OESR: Natsional'naya innovatsionnaya sistema i gosudarstvennaya innovatsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii] / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii. M., 2009. 206 s.

3. Kaplan A.V. Razrabotka programmy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gornodobyvayushchego predpriyatiya s ispol'zovaniyem faktorov tsik-lichnosti [Razrabotka programmy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gornodobyvayushchego predpriyatiya s ispol'zovaniyem faktorov tsik-lichnosti] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 6(221). Ekonomika. Vyp. 31. S. 108–113.

4. Kaplan A.V., Sokolovskiy A.V., Bayev I.A. Kontseptual'nyye polozheniya upravleniya razvitiyem ugledobyvayushchego predpriyatiya [Kontseptual'nyye polozheniya upravleniya razvitiyem ugledobyvayushchego predpriyatiya] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. № 12(67). Ser. «Ekonomika». Vyp. 6. Chelyabinsk: Izd-vo YUUrGU, 2006. S. 312–318.

5. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. Uтверждена распоряжением Правитель'sтва Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-р.

6. Peshkov A.A., Matsko N.A. Dostupnost' mineral'no-syr'yevykh resursov [Dostupnost' mineral'no-syr'yevykh resursov]. M.: Nauka, 2004. 280 s.

7. Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF na period do 2030 g. / Minekonomrazvitiya Rossii. M., 2013. 354 s.

8. Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa (Vekhi ekonomicheskoy mysli. T. 1) / pod red. V.M. Gal'perina. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1993.

9. Bostaph S. The Methodological Debate Between Carl Menger and the German Historicists (Atlantic Economic Journal. 1978. V. VI. № 3. P. 3–16).

10. Mine The growing disconnect // Review of global trends in the mining industry, 2012. PricewaterhouseCoopers LLP, 2012. 60 с.

UDC 658.1+658.15

SUBSTANTIATION OF VECTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MINING COMPANY

Kaplan Alexei Vladimirovich,

Scientific Technical Center

«Geotechnology»,

General Director,

Cand. Sc. (Economics).

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: kaplan@mail.ru

Annotation

The article provides suggestions for quantitative substantiation of strategic vector and trajectory of socio-economic development of mining company.

To solve the problem of rate imbalance between social and economic development the author suggests using fundamental principles and analogies from Theory of consumption and demand and from Theory of production and supply.

Key concepts:

administration,
socio-economic development,
development trajectory,
value added,
mining company.

УДК 339.138:338.48(574)

СОВРЕМЕННЫЕ МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Муталиева Ляйля Маратовна,

Казахский университет экономики,
финансов и международной торговли,
кафедра «Туризм и сервис»,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Астана, Республика Казахстан.
E-mail: mutalievaleila@mail.ru

Смыкова Мадина Раисовна,

Almaty Management University,
кафедра «Менеджмент и маркетинг»,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Алматы, Республика Казахстан.
E-mail: mraisovna@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные проблемы, возникающие перед гостиничными предприятиями в Казахстане, и зарубежные тренды в этой сфере. Выявляются стратегические направления развития гостиничного бизнеса в Республике Казахстан. В целом проведенный анализ позволил сделать выводы о полной переориентации деятельности гостиниц и постоянном непрерывном совершенствовании их деятельности с учетом требований рынка и состояния спроса.

Ключевые понятия:

гостиничные сети, гостиничные предприятия, гостиничный бизнес, интернет-технологии, конверсия, позиционирование, компетенции, мультидизайнерские бренды.

Глобальные процессы, происходящие на мировом рынке, формируют современную среду развития международного гостиничного бизнеса. Мировые тенденции последних лет показывают, что гостиничный рынок по мере его развития и насыщения становится все более дифференцированным, разнообразным и определяет появление новых форматов средств размещения. Если на современном этапе в Казахстане все отели делятся на категориальные, безкатегорийные и прочие средства размещения, то по мере развития рынка будет происходить дальнейшее разделение и появление новых форматов отелей.

Растёт число специализированных отелей, которые формируют новые предложения на рынке и обеспечивают удовлетворение потребностей узкой целевой аудитории.

На мировом рынке также явно прослеживается тенденция укрупнения капитала гостиничных комплексов, что приводит к их объединению в сети, созданию международных брендов в гостиничном бизнесе [1].

В последние 10 лет в Казахстане наблюдается процесс появления новых международных привлекательных гостиничных брендов, которые используют контракты на управление и франшизу. К таким брендам можно отнести Риксос, Мариот, Хаят и другие. Активное развитие международных гостиничных сетей приводит к тому, что наблюдается два направления. С одной стороны, входят на рынок шикарные всемирно известные бренды и подписывают контракты на управление или заключают франчайзинговые договоры, с другой стороны, возникает потребность и в классических отелях с приемлемыми ценами, но наработанным имиджем и опытом. Оценка структуры гостиничного рынка Казахстана показывает, что на рынок вошли не только высококлассные отели, но и появились организации индустрии гостеприимства с брендами, которые не отличаются изысканностью, но являются незаменимыми для деловых туристов, среди них такие, как Холлидей, Интерконтинент.

Для увеличения загрузки отелей недостаточно предложить качественный товар или услуги по привлекательной цене через разветвленную сбытовую сеть. Гостиницы нуждаются в эффективных программах коммуникаций, что определено двумя взаимосвязанными целями: сделать гостиницу известной и привлекательной [2].

Продвижение в индустрии гостеприимства имеет свои особенности: необходи-

мо увеличить осязаемость гостиничных услуг с помощью современных технологий.

Развитие интернет-технологий привело к тому, что отельный бизнес стал активно использовать их в своей деятельности. Мониторинг деятельности отелей через booking и социальные сети становится актуальным и обеспечивает улучшение их деятельности. Отели начали бороться за рейтинги, которые доступны и понятны для потребителей. Так, в booking оценка деятельности отеля определяется конверсией, то есть выявлением того, сколько потребителей воспользовались предложенными услугами отеля. По результатам конверсии определяется рейтинг и место отеля по продажам и его загрузке. Косвенное влияние на рейтинг отеля в booking оказывает мнение потребителей, их отзывы, жалобы и потребительские предпочтения [7].

На отечественном рынке конкурентная борьба привела к тому, что часто отели используют недобросовестные способы, отражая не всегда объективные негативные отзывы в социальных сетях. Все отели

маркетинговые инструменты в конкурентной борьбе.

Рассмотрим, каким образом эволюционирует отельный гостиничный бизнес на мировых рынках и какие тренды характерны для них. В целом, как показывает международный опыт, траектория развития гостиничного бизнеса и тренды у всех стран идентичны.

На данный момент Казахстан находится на этапе, когда все отели условно можно разделить на две группы: высококлассные брендовые отели и отели среднего класса, предлагающие стандартный перечень услуг и оптимально эргономичный комплекс мероприятий и условий для гостей. Многие зарубежные страны прошли данный этап, но по мере насыщения рынка и обострения конкуренции перешли на новый уровень, обеспечивающий больше разнообразных услуг и поиск уникальных конкурентных преимуществ [3].

Ориентировочная концепция развития гостиничного бизнеса на международном рынке представлена в таблице 1.

Таблица 1

Тренды развития гостиничного бизнеса на международных рынках

Последние тренды	Требования рынка	Особенности
Появление дизайнерских отелей	Интерес к необычным дизайнерским решениям	Развитие мультидизайнерских проектов
Персонализация сервиса	Эксклюзивный индивидуальный подход к клиенту	Знание потребительских предпочтений и использование их при обслуживании потребителей
Программное обеспечение	Ограниченность времени у потребителя формирует инновационные подходы в продажах	Появление новых программных продуктов, позволяющих обеспечить эффективное резервирование и бронирование номеров
Удобство и комфорт	Потребитель нуждается в том, чтобы получить услугу в нужном месте, в нужное время без напряжения и свободно	Разработка международных стандартов, обеспечивающих четкое и последовательное регулирование всех процессов, максимально ориентированных на потребителей
Комплексность услуг	Потребитель хочет поехать в страну и получить все туристские услуги надлежащего качества	В программе обслуживания клиента необходимо учесть все возможные варианты развития и предоставления услуг

борются за лучшие показатели, идет война за рейтинги, не всегда добросовестная.

По мере ужесточения конкуренции гостиницы могут перейти к ценовым войнам. Если на сегодняшний день влияние ценовой политики конкурентов незначительно, то в будущем крупные отели, которые окупали вложенные инвестиции, могут стать ценовыми агрессорами. Поэтому отели должны научиться использовать другие

Современные тенденции ориентируют высокоразвитые страны и страны, специализирующиеся на туризме, на использование уникальных модных дизайнерских подходов при строительстве отелей. Появились отели, которые используют разные дизайнерские решения на каждом этаже. Разноплановые решения привлекают новых гостей и в конечном итоге способствуют повышению загрузки отелей. Мультидизай-

нерские решения заключаются в использовании памятников архитектуры, модных веяний в архитектуре и современных привлекательных стилей [6].

При этом следует отметить, что дизайнерские подходы требуют дополнительных затрат. Не всегда можно использовать дизайнерские проекты, потому что не везде позволяет площадь номерного фонда и вестибюлей, месторасположение отеля. Однако инновационный тренд принят рынком, и поэтому у него хорошие перспективы.

Во всем мире, в том числе и в гостиничном бизнесе, делается акцент на персонализацию бизнеса. Ключевым решением в гостиничном бизнесе является сбалансированность между стандартами отеля и индивидуализацией услуг. В рамках одного бренда отслеживают предпочтения гостя, который передвигается по всему миру, и предлагают услуги, предназначенные именно для данного клиента. Клиент осознает и понимает, что, пользуясь услугами данной сети, он получит все те ценности, которые у него сформированы, и в конечном итоге становится лояльным клиентом данного бренда.

Данный тренд можно отнести и к Казахстану, поскольку каждый клиент нуждается во внимательном и искреннем отношении. На международных рынках часто отели придерживаются стратегии индивидуализации, основанной на предоставлении уникального гостиничного продукта и качества обслуживания, что позволяет им позиционировать свои бренды класса люкс в высоком ценовом сегменте и при этом привлекать требовательных клиентов первоклассным уровнем сервиса.

Как показывает зарубежный опыт, важными для гостей остаются показатели эргономики. Эргономические параметры не только актуальны, но и формируют впечатление и отношение клиента к отелю, а также обеспечивают высокий уровень удовлетворенности клиентов. Следует отметить, что удобство и комфорт целесообразно обеспечить гостю или туристу по всей логистической цепочке, начиная с аэропорта и заканчивая предоставлением экскурсий [5].

Если говорить о комфорте, то здесь должны учитываться все мелочи и нюансы, в том числе важным является акустический комфорт, или звукоизоляция, который создает благоприятные условия для гостя.

Значимы также вопросы обеспечения спокойного сна клиента, создающие не-

обходимые условия для его проживания. Кроме того, отель должен обеспечить условия для полноценного и качественного приема водных процедур. Только комплексный, системный подход в предоставлении качественных услуг обеспечит конкурентоспособность отеля.

Качественный сервис может быть обеспечен благодаря и с помощью компетентного персонала, который должен грамотно и своевременно обеспечить клиентов необходимой информацией о достопримечательностях, экскурсиях, доступных услугах.

Одной из важных деталей является завтрак, предоставляемый отелем, который формирует его имидж. Отношение к подбору блюд, качеству и разнообразию кухни, уровню обслуживания – все это должно быть направлено на вкусы гостей.

Одна из слабых сторон гостиничного бизнеса в Казахстане заключается в недостаточной достоверности предоставляемой гостям информации. В связи с этим возникает разрыв между тем, что было обещано гостю, и реальной степенью удовлетворения его потребностей, что отрицательно сказывается на уровне обслуживания и в конечном итоге ведет к неудовлетворенности клиента [4].

В целом цикл показателей сервиса в отельном бизнесе представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Цикл сервиса в отельном бизнесе

Таким образом, управленческие решения в отелях должны быть ориентированы на цикл сервиса в отельном бизнесе и на каждом этапе соблюдать как стандарт

цикла сервиса, так и его качественное исполнение, направленное на полное удовлетворение запросов гостя.

В целом можно отметить, что конкуренция на рынке гостиничных услуг, изменение потребительских предпочтений и расширение рыночных границ способствуют развитию рынка, формированию новых подходов к управлению отельным бизнесом и дифференциации не только услуг, но и отелей. Все эти тренды постепенно появляются в индустрии гостеприимства Республики Казахстан и диктуют новые подходы к формированию рынка гостиничных услуг.

1. Малахова, Н.Н., Ушаков Д.С. Инновации в туризме и сервисе. 2-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д: МарТ: Феникс, 2010. 446 с.

2. Панкрухин, А.П. Маркетинг территорий // Рекламодатель: теория и практика. 2002. № 1.

3. Котлер, Ф. Латеральный маркетинг: технология революционных идей. М.: Альпина Паблшерз, 2010. 208 с.

4. Обзор туристской отрасли Казахстана. Банк Развития Казахстана: Департамент индустриальной политики, 2012.

5. Becerra, M., Santalo, J., Silva, R. Being better vs. being different: Differentiation, competition and pricing strategies in the Spanish hotel industry // Tourism management, 2013. Vol. 34. P. 71–79.

6. Hsieh, Y.C. Hotel companies' environmental policies and practices: a content analysis of their web pages // International journal of contemporary hospitality management, 2012. Vol. 24. Issue 1. P. 97–121.

7. Hsu, Y.L. Facebook as international eMarketing strategy of Taiwan hotels // International journal of hospitality management. 2012. Vol. 31. Issue 3. P. 972–980.

References

1. Malakhova, N.N. *Innovastii v turizme i servise* [Innovation in tourism and service]. Issue 2. Rostov on Don, Feniks, 2010, 466 p.

2. Pankruhin, A.P. *Reklamodatel': teorija i praktika*, 2002. no. 1.

3. Kotler, F. *Lateral'nyi marketing: tehnologija revolustionnyh idei* [Lateral marketing: technology of revolutionary ideas]. Moscow, Alpina Publishers, 2010, 208 p.

4. *Obzor turistskoi otrasli Kazahstana* [Overview of tourist industry in Kazakhstan]. Development Bank of Kazakhstan, Department of Industrial Policy, 2012.

5. Becerra, M. *Being better vs. being different: Differentiation, competition, and pricing strategies in the Spanish hotel industry*. Tourism management. 2013. Vol. 34. P. 71–79.

6. Hsieh, Y.C. *Hotel companies' environmental policies and practices: a content analysis of their web pages*. International journal of contemporary hospitality management. 2012. Vol. 24. Issue 1. P. 97–121. (

7. Hsu, Y.L. *Facebook as international eMarketing strategy of Taiwan hotels*. International journal of hospitality management. 2012. Vol. 31. Issue 3. P. 972–980..

UDC 339.138:338.48(574)

MODERN WORLD TRENDS OF HOTEL INDUSTRY. POSSIBILITY OF THEIR USAGE IN KAZAKHSTAN

Mutaliev Lyailya Maratovna,

Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Department of Tourism and Services, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: mutalievaleila@mail.ru

Smykova Madina Raisovna,

Almaty Management University, Department of Management and Marketing, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: mraisovna@mail.ru

Annotation

The article presents main problems of hotel industry in Kazakhstan and global trends in this sphere. The authors try to find out strategic directions of the hotel industry development in the Republic of Kazakhstan. The analysis which was made led to the conclusion of full reorientation of hotels and constant continuous improvement of their work taking into account market demands.

Key concepts:

hotel chains, hotel enterprises, hotel industry, internet technologies, conversion, positioning, competence, multidesign brands.

УДК 330

ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Бухтиярова Татьяна Ивановна,

Челябинский филиал Финансового
университета при Правительстве РФ,
профессор кафедры
«Экономика и финансы»,
доктор экономических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
e-mail: viola_1_49@mail.ru

Дубынина Анна Валерьевна,

Челябинский филиал
Финансового университета
при Правительстве РФ,
доцент кафедры
«Экономика и финансы»,
заместитель директора
по научной работе,
кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: ann-file@mail.ru

Аннотация

В статье определены основные направления формирования инновационной стратегии и инновационной политики региона. Авторами разработаны принципы формирования и реализации механизма стимулирования инновационного развития, уточнены условия формирования и реализации организационно-экономического механизма применительно к инновационному типу развития, определена взаимосвязь и взаимообусловленность организационно-экономического механизма повышения эффективности предпринимательской деятельности и организационно-экономического механизма инновационного развития.

Ключевые понятия:
организационно-экономический
механизм,
инновационная модель.

Стратегической целью развития экономики является перевод экономической системы на инновационный путь развития.

Ресурсная база инновационного развития экономики формирует модель инновационного развития экономики и определяет потенциальные инновационные возможности [4, с. 91–113].

В этой связи правомерен вопрос о соотношении организационно-экономического механизма эффективности деятельности хозяйствующих субъектов и организационно-экономического механизма их инновационного развития. Данная постановка требует разработки модели инновационного развития экономики. На входе данной модели сосредоточены ресурсы и институциональные условия, необходимые для осуществления инновационной деятельности, на выходе показаны результаты развития инновационной экономики (рис. 1).

Ресурсное обеспечение инновационного развития требует отдельного изучения, поскольку каждый элемент выполняет присущую ему функцию и находится в едином взаимодействии с другими элементами.

С точки зрения инновационной активности нами выделяются:

- кадровые ресурсы (обеспечивают инновационное развитие экономики высококвалифицированными специалистами, творческими креативными личностями, предъявляющими спрос на инновационные товары и услуги);

- предпринимательские ресурсы (инновационные активные бизнес-структуры, коммерциализирующие инновации, а также формирующие спрос на инновационные продукты);

- информационные ресурсы (информационная поддержка инновационно активных субъектов и инновационной деятельности);

- финансовые ресурсы (привлечение денежных средств в инновационную деятельность).

- институциональные условия (благоприятные условия для осуществления инновационной деятельности) [1, с. 24–40].

Развитие инновационной экономической модели в России имеет ряд количественных и качественных характеристик [2, с. 28–29]:

- увеличение объема инновационного сектора в структуре ВВП до 17–20% к 2020 году (с 12,7% в 2009 году);

- повышение удельного веса предприятий, осуществляющих технологические инновации, до 40–50% к 2020 году (с 10,4% в 2009 году);

- расширение участия России на рынках высокотехнологичной продукции в 5–7 секторах до 5–10% к 2020 году;

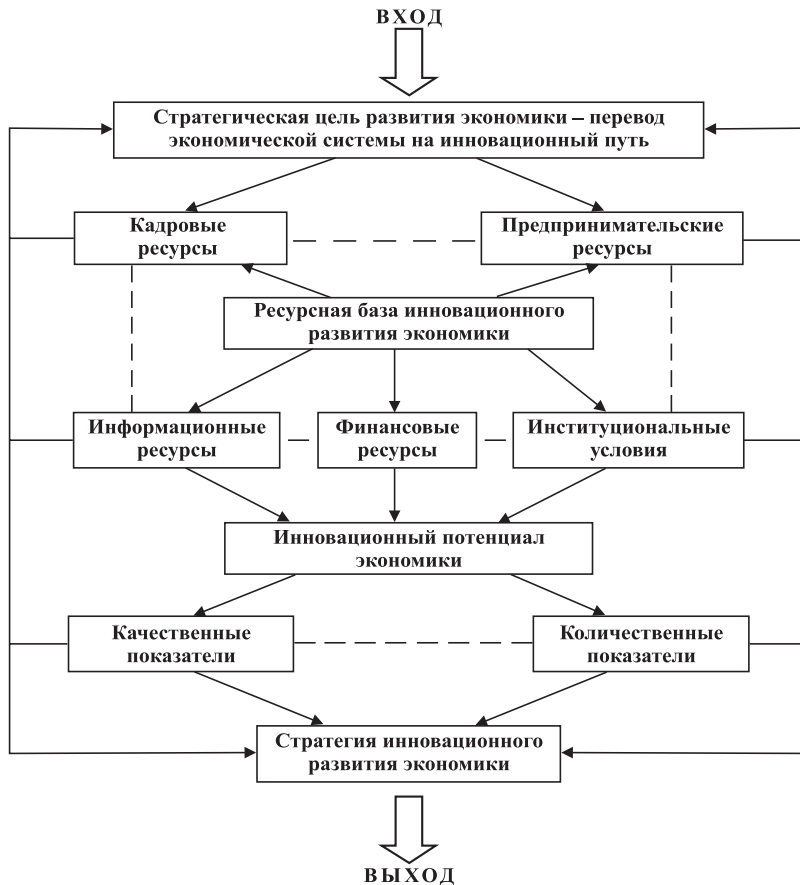

Рис. 1. Модель инновационного развития экономики

– увеличение доли экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем объеме мирового экспорта до 2% к 2020 году (с 0,35% в 2008 году);

– повышение доли инновационных товаров в общем объеме промышленной продукции до 25–35% к 2020 году (с 12,4% в 2009 году);

– повышение внутренних затрат на фундаментальные и прикладные исследования и разработки до 2,5–3% ВВП к 2020 году (с 1,3% ВВП в 2009 году) преимущественно за счет частного бизнеса;

– возрастание роли человеческого капитала как инновационного фактора экономического развития и повышение роли знаний как основного экономического ресурса экономики при увеличении расходов на образование и здравоохранение за счет государственных и частных источников до 6,5–7% ВВП и 6,7–7% ВВП соответственно к 2020 году (с 4,8% и 4,2% соответственно в 2007 году).

Качественная государственная иннова-

ционная политика способна активизировать инновационные процессы, стимулировать развитие производства в условиях реализации принципов ВТО [3, с. 113–132].

Реализация инновационной политики предопределяет реальную возможность обеспечить высокую конкурентоспособность региона (способность региона производить конкурентоспособные товары и услуги в условиях эффективного использования имеющегося экономического потенциала) и предполагает обязательность формирования и реализации в каждом отдельном субъекте РФ организационно-экономического механизма реализации государственной инновационной политики.

Современное состояние инновационной сферы в Челябинской области характеризуется сильными и слабыми сторонами. Проведенный SWOT-анализ инновационной сферы Челябинской области позволяет конкретизировать управленческие решения в части формирования и реализации механизма инновационного развития (табл. 1, 2).

В таблицах 1 и 2 по общей методике SWOT-анализа в единой матрице определены четыре квадранта: сильные стороны (конкурентные преимущества), слабые стороны (сдерживающие факторы), возможности внешней среды, угрозы внешней среды.

Для наглядности в таблице 1 приведены сильные и слабые стороны инновационной сферы Челябинской области, а в таблице 2 определены возможности внешней среды и угрозы развития инновационной сферы.

Данные статистического анализа позволили в обобщенном виде (SWOT-анализ) определить достаточно высокий уровень инновационного потенциала Челябинской области, который авторами рассматривается в качестве структурного элемента

единой совокупности — экономического потенциала региона.

Для реализации инновационного потенциала региона необходима разработка инновационной модели развития экономики и организационно-экономического механизма формирования и реализации инновационной стратегии.

В матричном виде схема организационно-экономического механизма формирования и реализации инновационной стратегии включает три блока. Информационно-аналитический блок включает организационно-управленческий, организационно-экономический, организационно-финансовый элементы.

Компонентами методологического блока следует считать мотивационно-стимулирующий, организационно-правовой.

Таблица 1

SWOT-анализ инновационной сферы Челябинской области

Составляющие элементы	Сильные стороны (конкурентные преимущества)	Слабые стороны (внутренние сдерживающие факторы)
Региональная власть	Челябинская область является одним из первых регионов, принявших закон о стимулировании инновационной деятельности: <ul style="list-style-type: none"> – содействие сотрудничеству инновационных предприятий с институтами развития; – внедрение механизмов государственно-частного в инновационном секторе экономики; – формирование условий для внедрения результатов интеллектуальной деятельности научных организаций, изобретателей и высших учебных заведений в хозяйственный оборот; – создание эффективной системы подготовки кадров в инновационной сфере экономики; – организация новых рабочих мест в инновационном секторе 	отсутствие эффективных механизмов защиты интеллектуальной собственности на федеральном, региональном уровнях и международной арене
Человеческий капитал	<ul style="list-style-type: none"> – в научной сфере занято 15,2 тыс. человек; – выпуск аспирантов и докторантов увеличился в 1,85 раза и в 2,7 раза соответственно; – по возрасту 51 процент докторантов не старше 39 лет 	дефицит квалифицированных специалистов по коммерциализации научно-технических разработок и управлению результатами интеллектуальной деятельности
Научная и образовательная сферы	<ul style="list-style-type: none"> – на территории функционирует более 200 организаций, выполняющих научные исследования и разработки; – выдано более 700 заявок на патенты; – развит сектор малых инновационных предприятий (доля в общем объеме организаций научно-технического комплекса области достигает 78%); – на территории зарегистрированы национальный исследовательский университет и 52 высших учебных заведения; 	<ul style="list-style-type: none"> – основу институциональной структуры научной сферы составляет негосударственная наука (доля коммерческих предприятий, выполняющих исследования и разработки); – преобладание бюджетного финансирования исследований и разработок

Продолжение таблицы 1

	<ul style="list-style-type: none"> – рост затрат на исследования и разработки; – значительное присутствие высшей школы в научно-техническом секторе области 	<ul style="list-style-type: none"> – снижается количество научных подразделений на промышленных предприятиях
Инновационная инфраструктура	<ul style="list-style-type: none"> – инновационная инфраструктура включает в себя организации, содействующие реализации инновационной деятельности (Межведомственный координационный совет по вопросам инновационной деятельности, Инновационный центр Челябинской области, Челябинский центр научно-технической информации, Челябинское региональное объединение работодателей «Промасс», Южно-Уральская торгово-промышленная палата, технопарки и бизнес-инкубаторы.) 	<ul style="list-style-type: none"> – недостаточная скоординированность действий объектов инновационной инфраструктуры
Региональный бизнес	<ul style="list-style-type: none"> – более 5 тысяч передовых производственных технологий; – более 3,5 тысячи организаций, использующих информационные и коммуникационные технологии 	<ul style="list-style-type: none"> – низкая восприимчивость бизнеса к нововведениям, особенно технологического характера

Таблица 2

SWOT-анализ инновационной сферы Челябинской области

Составляющие элементы	Возможности внешней среды	Угрозы внешней среды
Региональная власть	<ul style="list-style-type: none"> – поддержание роли региона как исторически сформировавшегося передового промышленного центра Урала; – усиление инновационно привлекательного имиджа области за счет вхождения в число наиболее инновационно развитых регионов России; – формирование условий для интеграции участников инновационной деятельности; – формирование устойчивого спроса на инновационные продукты, используя различные способы повышения культуры потребления инноваций и технологий; – выработка эффективных мотивационных механизмов для развития инновационного предпринимательства; – формирование имиджа инновационно активного региона, ориентирующегося на зарубежные рынки и рынки других регионов на основе достижения стабильных показателей инновационного развития участниками инновационной деятельности; – повышением престижа и оплаты труда ученых и инженеров, что будет способствовать наращиванию интеллектуального капитала в регионе 	<ul style="list-style-type: none"> – невысокие международные рейтинги России в целом
Человеческий капитал	<ul style="list-style-type: none"> – формирование в регионе значительного человеческого и интеллектуального капитала; – создание новых рабочих мест, требующих современных компетенций 	<ul style="list-style-type: none"> – высвобождение значительного количества рабочей силы вследствие технологической модернизации производства
Научная и образовательная сферы	<ul style="list-style-type: none"> – расширение участия вузов и научных организаций в исследованиях и разработках; – увеличение числа научных подразделений на промышленных предприятиях; 	<ul style="list-style-type: none"> – процессы реорганизации вузов сдерживают их участие в инновационной деятельности

	<ul style="list-style-type: none"> – целенаправленная поддержка научных исследований и образовательных программ в области инноваций; – переподготовка кадров «под заказ» инновационных предприятий для обеспечения процесса развития инновационной деятельности на всех этапах реализации и коммерциализации инновационных идей 	
Инновационная инфраструктура	<ul style="list-style-type: none"> – диверсификация экономики области за счет формирования конкурентоспособных кластеров; – развитие деятельности венчурных фондов, способных финансировать инновационные проекты малого и среднего предпринимательства; – создание технологических платформ и промышленных площадок, способствующих интеграции бизнеса, науки и государства в решении инновационных целей и задач; – создание региональных корпораций развития на территории области, способных оказать эффективную помощь экономическим субъектам в реализации инновационных проектов 	– отсутствие согласованных действий во взаимоотношениях объектов инновационной инфраструктуры
Региональный бизнес	<ul style="list-style-type: none"> – расширение возможностей для сбыта продукции Челябинской области за счет вступления России в ВТО; – освоение новых рынков сбыта; – повышение производительности труда за счет использования современных технологий; – формирование устойчивого спроса на инновационные продукты путем использования современных маркетинговых технологий; – разработка программ инновационного развития крупных компаний 	– экспансия импортных технологий на внутреннем рынке области, связанная с вступлением России в ВТО

Результативные показатели управления характеризуют социально-экономическая компонента и организационно-финансовый блок.

Рассматриваемая схема является динамичной и отвечает требованиям совершенствования системы управления инновационным развитием.

Разработка организационно-экономического механизма сопровождается совокупностью функций: аналитическая, организационно-координирующая, учетно-контрольная, стимулирующая.

Формирование механизма реализации инновационной стратегии имеет целевую направленность по всей иерархии управления:

- формирование цели управления инновационной деятельностью, ее количественная оценка в виде целевых показателей эффективности управления инновационной деятельностью;
- определение приоритетных направ-

лений реализации инновационной деятельности (стратегия технологического развития, стратегия коммерциализации инноваций);

- разработка программы развития инновационной деятельности, (комплекс задач, мероприятий развития инновационной инфраструктуры);

- разработка оценочных критериев реализации программы развития инновационной деятельности и корректировка на этой основе комплекса задач и мероприятий.

Изучение особенностей формирования и реализации организационно-экономического механизма инновационного развития позволяет в обобщенном виде представить его в виде формы осуществления инновационной деятельности на различных уровнях управления, предусматривающей совокупность мер, обеспечивающих инновационное развитие; научно-технологических, организационно-управленческих, информационных и финансово-экономических условий инновационного развития экономики; эта-

пов процесса управления инновационным развитием с целевой направленностью повышения конкурентных преимуществ и эффективности деятельности.

В качестве проблемы следует определить задачу формирования принципов данного механизма, его основных аспектов, элементов и компонентов.

Механизм реализации инновационных целей развития экономики является универсальным для любой отрасли, но адаптируется к конкретным условиям организации и управления деятельностью (государства, региона, муниципального образования, организации).

1. Бухтиярова, Т.И., Катаев, С.И. Факторы и направления реализации современной аграрной политики в условиях Пермского края // Инновационное развитие экономики и образования на современном этапе развития России: коллективная монография. Челябинск, ИЦ Уральская академия, 2013. 396 с.

2. Дубынина, А.В. Малый бизнес на инновационном рынке // Национальная интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 29. с. 26–34.

3. Дубынина, А.В. Институциональные основы инновационного развития экономики // Инновационное развитие экономики и образования на современном этапе развития России: коллективная монография. Челябинск, ИЦ Уральская академия, 2013. 396 с.

4. Якушев, А.А. Математическая модель в качестве инструмента инновационной активности управленческих решений // Инновационное развитие экономики и образования на современном этапе развития России: коллективная монография. Челябинск: ИЦ Уральская академия, 2013. 396 с.

References

1. Bukhtiyarova, T.I., Katayev, S.I. Faktory i napravleniya realizatsii sovremennoy agrarnoy politiki v usloviyakh Permskogo kraya [Faktory i napravleniya realizatsii sovremennoy agrarnoy politiki v usloviyakh Permskogo kraya] // Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki i obrazovaniya na sovremennom etape razvitiya Rossii: kolektivnaya monografiya. Chelyabinsk, ITS Ural'skaya akademiya, 2013. 396 s.

2. Dubynina, A.V. Malyy biznes na innovatsionnom rynke [Malyy biznes na innovatsionnom rynke] // Natsional'naya interesy: prioritety i bezopasnost'. 2013. № 29. s. 26–34.

3. Dubynina, A.V. Institutsional'nyye osnovy innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [Institutsional'nyye osnovy innovatsionnogo razvitiya ekonomiki] // Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki i obrazovaniya na sovremennom etape razvitiya Rossii: kolektivnaya monografiya. Chelyabinsk, ITS Ural'skaya akademiya, 2013. 396 s.

4. Yakushev, A.A. Matematicheskaya model' v kachestve instrumenta innovatsionnoy aktivnosti upravlencheskikh resheniy [Matematicheskaya model' v kachestve instrumenta innovatsionnoy aktivnosti upravlencheskikh resheniy] // Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki i obrazovaniya na sovremennom etape razvitiya Rossii: kolektivnaya monografiya. Chelyabinsk: ITS Ural'skaya akademiya, 2013. 396 s.

UDC 330

ORGANIZATIONAL ECONOMIC MECHANISM OF REALIZATION OF ECONOMIC DEVELOPMENT INNOVATIVE GOALS

Bukhtiyarova Tatyana Ivanovna,
Chelyabinsk branch
of Financial University
under the Government
of the Russian Federation,
Professor of Economics and Finance
Department,
Dr. Sc. (Economics), Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: viola_1_49@mail.ru

Dubynina Anna Valeryevna,
Chelyabinsk branch
of Financial University
under the Government
of the Russian Federation,
Deputy Director for Science,
Associate Professor
of Economics and Finance Department,
Cand. Sc. (Economics),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ann-file@mail.ru

Annotation

The article dwells upon main directions of innovative strategy formation and innovative region politics. The authors develop principles of formation and realization of stimulating mechanism of innovative development. Conditions for formation and realization of organizational economic mechanism with regard to innovative development were specified. The authors identify interdependence and correlation between organizational economic mechanism of increasing of business efficiency and organizational economic mechanism of innovative development.

Key concepts:
organizational and economic mechanism, innovative model.

УДК 16+377.1

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ И РЕФЛЕКСИВНЫЕ НАЧАЛА В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Михаил Аркадьевич Харлов,
Шадринский политехнический колледж,
директор,
кандидат технических наук,
г. Шадринск, Россия.
E-mail: shpk045@mail.ru

Аннотация

В статье даны теоретические представления и эмпирический опыт управления знаниями и рефлексивными началами в среднем профессиональном образовании, предложен авторский механизм такого управления, базирующийся на информационно-коммуникационных технологиях.

Ключевые понятия:
управление знаниями,
рефлексивные начала,
среднее профессиональное образование.

В конце девяностых годов прошлого века на смену знаменитому лозунгу: «Знание – сила» пришел новый, менее известный, но более значимый и прагматичный лозунг: «Знание – материальная ценность». Эффективное использование имеющихся знаний становится актуальной задачей современной России, решающей проблемы выживания и развития в современных условиях. В развитых странах мира начал формироваться и развиваться четвертичный сектор экономики, построенный на знаниях. А в широкий обиход прочно вошло понятие рефлексии – «знание о знаниях, понятие о понятиях, осознание конструкторов сознания» [1, с. 4].

В рамках этого сектора во всех сферах человеческой деятельности – в бизнесе, в науке, в образовании, в медицине и других отраслях, стали использоваться инновационные управленческие системы, основанные на знаниях, которые отличаются от традиционных систем управления. В этих системах управление основывается на использовании базы знаний, которую даёт инновационная система образования. Очевидно, что использование таких систем управления в российских условиях затруднено в силу сложившегося характера образовательной системы, и прежде всего системы профессионального образования. В ней недостаточно рефлексивных начал, а обучение на всех уровнях построено по дисциплинарному и отраслевому признакам организации знаний, постановке и решению задач. Результат этого – репродуцируемые образованием базовые представления классической модели науки и производства: позиция стороннего наблюдателя, логика исключенного третьего, универсальность открываемого знанием порядка, перескакивание знания через миры человека прямо в природные онтологии.

Рассматривая практику образования и дальнейшего использования знаний специалистами (выпускниками системы профессионального образования), мы обнаруживаем, что происходит уход от вопросов социальной и личностной интеграции их знания, от вопросов их жизненной компетентности; это приводит к невозможности интегрировать находящиеся в противоречии представления, к «инкапсулированию» принятия решений в одной из формальных схем, к понижению производительности.

Эта ситуация связана со многими факторами, одним из которых стало отсутствие систематизированных инструментальных

средств, которые образование могло бы передавать будущему специалисту для управления знаниями, а также отсутствием средств мониторинга такой обеспеченности передаваемого знания и его производительности.

В качестве ещё одного фактора можно назвать вытеснение научного знания весьма ограниченным индивидуальным практическим опытом.

Выделенные нами факторы делает, используемы традиционным формальным образованием управление знаниями недостаточным для интеграции субъектом разных событий бытия. В связи с чем: «Знания, относящиеся к разным событиям бытия и производимым в них присутствиям, оказываются в противоречии, требуют различения субъектной структуры и форм знания, трансформаций этой структуры и форм в коммуникации, управления позициями наблюдателя, сборки и этих позиций, и самого наблюдателя, даже сборки мира, в котором происходят события, требуют дополнения их специальными знаниями о знании, в том числе знания целей и ценностей человека и общества, управляющих как событиями, так и знаниями о них» [2, с. 226].

Эти и другие представления об основаниях знания после многих лет обучения становятся не характеристиками одной из моделей знания, а познавательной нормой, кажутся объективными и самоочевидными. Работник (выпускник учреждения профессионального образования) уже не связывает истинность знания **со своей** к ней готовностью, **со своей** социальной и психологической зрелостью, не видит управляющие знанием культурные коды, не связывает **свою** профессиональную деятельность с конкретными контекстами, с целями и ценностями человека, компании, общества.

Требуется другой системный уровень организации знаний, в большей мере относящийся к философскому знанию о знании, который в современном российском профессиональном образовании во многом не понят и слабо востребован. Притом, что в практике модернизации и развития российской системы дошкольного и общего образования такие попытки в настоящее время усиленно предпринимаются.

Выделим некоторые теоретические представления и накопленный эмпирический опыт, которые могли бы стать общими инструментами управления знаниями и рефлексивного пути российского среднего

профессионального образования [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

На первый план, несомненно, следует вывести философское соотношение модуса стороннего наблюдателя и модуса присутствия в образовании.

Эта проблема нашла свое отражение в формуле «постнеклассической научной рациональности» В.С. Степина [6] и в «онтологической аналитике присутствия» М. Хайдеггера [7].

Этими исследованиями, на наш взгляд, в соответствии с современными вызовами были определены модус стороннего наблюдателя и модус присутствия субъекта познания в познаваемой реальности (в образовании – автор), были выделены собственные онтологии миров активности субъекта и сформулирована концепция этой аналитики, как аналитики собственных онтологий таких миров, введены понятия и принципы субъектных структур знания.

Наиболее важными выводами в контексте нашего исследования являются следующие:

- для наблюдения объектов и событий собственных онтологий миров активности субъекта образования ему необходимо произвести свое присутствие в этой реальности. Для не присутствующего и не действующего в ней субъекта такая онтология не существует как истинный факт – она для него – **в его чувствовании и действии** – даже не образуется.

- осуществление присутствия субъекта как основание современной научной коммуникации.

- сетевая архитектура знания как коммуникация множества исследовательских площадок.

На второй план следует вывести метод расширения методологической базы и сборки новых стратегий познания в образовании, обеспечивающий широкую коммуникацию результатов познания на основе методологических конструктов.

В связи с этой постановкой вопроса в ряде исследований было осуществлено:

- введение методологических конструктов представлений об объеме бытия и культурных медиаторах (А.В. Куликовский);

- введение «права быть» и формата переключений гештальтов, как методологического конструкта бытийно-событийных оснований права (Л.В. Буров);

- введение представления о мультиплицировании знания новыми осями (В.П. Прохоров);

– введение концепта онтологической парадигмы педагогики и развитого методологического конструкта бытийно-событийных оснований педагогики – «образовательного образования», определяющего компетенции и стратегии образования (Н.П. Пищулин;

– введение методологического конструкта коммуникации разных областей знания и конструкта модели накопления теоретических конструктов знания и их проекция на конкретный опыт (В.С. Степин).

Делая обобщенный вывод из вышесказанного для целей нашего исследования, отметим следующее. Использование данных методологических конструктов позволяет определять созданные многими поколениями образцы индивидуальной и социальной бытийности как базовый капитал, а образование и науку – как участников производства этого капитала – культурных образцов жизни, как ресурсной базы развития экономики и общества.

На следующий план, но не менее важный по значимости, следует вывести становление нового системного уровня организации общества, нового технологического уклада и нового системного уровня организации знания.

Образование рассматривается с точки зрения производства и воспроизводства в нем человеческого капитала и построено на знании современного общества (информации, коммуникациях, здоровье, качестве жизни и др.). Критерием качества такого производства становится достигнутая человеком и обществом производительность знания, эффективность управления его накопленным ресурсом для производства социальных, экономических и жизненных результатов.

Новый технологический уклад, в котором социальные и гуманитарные технологии становятся определяющими, не может перескакивать к природным онтологиям, игнорируя собственные онтологии миров, в которых действует, добивается своих целей и ценностей человека. «Современное знание – это не собрание отделенных от человека и общества сведений. Знание человекомерно и так же событийно, как и человеческое бытие. Знание происходит или не происходит как событие, когда к нему прикасается человек и присоединяется или не присоединяется как к своему жизненному сюжету» [2, с. 226]. Поэтому кажущиеся несовместимыми модели могут вполне уживаться в одном проекте, если к ним отнестись не как к отстраненной классичес-

кой объективности природных онтологий, а как к сюжетам более широкого сценария. Для создания таких сценариев необходимо определить систему форм и моделей знания, которая позволяла бы подбирать конкретные формы и модели для конкретных, возникающих в практике задач.

Эту систему форм и моделей знания и их соединения в сценариях социальных проектов можно было бы назвать архитектурой знания. Архитектура знания – формальное и личностное знание, культурные образцы жизни, собственные онтологии субъектных миров, перцептивные и транзактивные базы субъекта, управляющие культурные коды, методологические конструкты, культурные медиаторы, гештальты, сборка и производство присутствия субъекта – является инструментом, позволяющим осуществлять управление знанием на новом системном уровне по сравнению с используемым в настоящее время.

Рефлексивные начала в среднем профессиональном образовании предполагают максимальное использование возможностей мышления, творческой работы сознания с образами и представлениями, сконструированными самим же сознанием. Познание опирается на приобретенные опытом знания, отмечая сам опыт, перерабатывая созданный мыслительный образ знания в новое понятие. Мир, предмет научения, становится бытием сознания, материалом для операций с созданными мысленными образами (А.Г. Асмолов, А.А. Бизяева, М.К. Мамардашвили, Ю.А. Шрейдер).

Педагогическая рефлексия рассматривается как способность субъекта педагогического процесса осознать, анализировать, подвергать критическому осмыслению то, как действия и поступки, приемы управления образовательным процессом воспринимаются обучающимися, способствуют реализации задач обучения и воспитания. Разумеется, педагогическая рефлексия не сводится к знанию и пониманию другого. Но в этом понимании проявляются ее характерные особенности: удвоение зеркального отражения субъектами друг друга, то есть взаимоотражение. Оно содержит субъективное воспроизведение внутреннего мира другого человека, причем в этом внутреннем мире, в свою очередь, отражается внутренний мир первого (В.В. Белич, Н. Лобковец, Т.С. Полякова).

Нельзя отдельно не остановиться на том, что стремительная информатизация всех сфер жизни современного общества, в том числе и профессионального обра-

зования, оказывает огромное влияние на системы управления. Формируется еще один системный уровень управления знаниями, основанный на информатизации и интеллектуализации, поскольку интеллектуально-информационные системы, как правило, имеют в своем составе: систему (подсистему) знания; систему (подсистему) управления знаниями; систему (подсистему) протокольного сопровождения.

на информационно-коммуникационных технологиях.

Ниже представлено авторское видение такого механизма управления знаниями и рефлексивными началами среднего профессионального образования, основанного на информационно-коммуникационных технологиях: цели, технологии, принципы, графическая модель системы управления.

Таблица 1

Цели и технологии управления знаниями и рефлексивными началами среднего профессионального образования, основанные на информационно-коммуникационных технологиях

Цели	Технологии
Сбор и хранение информации; Обмен сообщениями; эффективное использование имеющийся информации; Борьба с «информационным хаосом» и «информационным голодом»; Повторное использование чужого опыта.	Сетевые (Internet, Intranet, Extranet); Поиска, добычи, извлечения и представления знаний; Электронной почты; Управления документами; Хранилищ данных; Совместной работы и распределения обучения; Искусственного интеллекта; Виртуальных рабочих пространств; Информационных порталов.

В связи с чем даже сформировалось отдельное научное направление, которое представлено в работах зарубежных ученых (Г. Антес, Т. Боуэн, Д. Гарднер, Д. Каймо, Д. Люгер, Э. Меллоу, С. Сатьядас, Э. Скэннел, К. Фраппало и др.) и отечественных ученых (В. Ананьин, Т. Гаврилова, М. Головко, А. Данилин, С. Левочкин, Т. Хорошевский и другие).

Несмотря на определенные достигнутые результаты данных исследований, на множество разработанных программных продуктов и аппаратных средств, все же сохраняется их дефицит для решения огромного числа педагогических задач. Более того, все системы управления знаниями используют компьютерные сети, вычислительные платформы, программное обеспечение и наборы информационных технологий от различных поставщиков, что не позволяет их унифицировать.

Сохраняется определенное непонимание в интеграции философских, психолого-педагогических и информационно-коммуникационных концепций управления знаниями в сфере среднего профессионального образования для решения поставленных задач.

В связи с этим актуален поиск механизмов управления знаниями и рефлексивными началами в сфере среднего профессионального образования, основанных

В силу ограниченности объема публикации приведем лишь некоторые принципы управления знаниями и рефлексивными началами среднего профессионального образования, основанные на информационно-коммуникационных технологиях (табл. 2).

Наглядное представление дает графическая модель системы, основанная на знаниях и рефлексивном начале для учреждения среднего профессионального образования, базирующаяся на информационно-коммуникационных технологиях (рисунок 1).

Отличительной особенностью такой системы, основанной на знаниях и рефлексивном начале для учреждения среднего профессионального образования, базирующейся на информационно-коммуникационных технологиях, является следующее. Это – большое число и сложность связей между параметрами состояния объекта исследования; трудоемкость построения математического и кибернетического описания и использования его для получения практических результатов; необходимость принятия решения для управления в условиях неполной информации.

Система управления знаниями и рефлексивными началами для учреждения среднего профессионального образования может быть реализована на базе возмож-

Таблица 2

Некоторые принципы управления знаниями и рефлексивными началами среднего профессионального образования, основанные на информационно-коммуникационных технологиях

Предпосылки	Принципы управления
Значение коммуникаций: с помощью коммуникаций все возможно, без них – невозможного ничего.	Позиционирование – новый подход к коммуникациям, способствующий многократному увеличению эффективности коммуникаций.
Сверхкоммуникативное общество: сами коммуникации превратились в коммуникативную проблему	Позиционирование – инструмент, обеспечивающий услышанность даже в сверхкоммуникативном обществе.
В силу насыщенности рынка образовательных услуг упала эффективность среднего профессионального образования	Просто быть известным уже недостаточно. Необходима собственная позиция в глазах обучающихся (потребителей образовательных услуг).
Невозможность изменения человеческого сознания	Поиск решения проблемы лежит не только внутри системы среднего профессионального образования, не только внутри персонала профессионального образовательного учреждения, но, прежде всего, в сознании обучающегося (потребителей образовательных услуг). Профессиональное образование должно позиционироваться в сознании обучающегося.
Ограниченность человеческого сознания: защищаясь от огромного количества информации, человеческое сознание отсеивает значительную ее часть и принимает то, что соответствует его знаниям и опыту.	Необходимо не создавать что-то исключительно новое и отличное от других, а управлять тем, что уже есть в сознании обучающихся, использовать уже имеющиеся связи.
Субъективность: потребитель и производитель образовательных услуг видят одно и то же по-разному.	Внедрение рефлексии позволяет начинать не с себя, а с сознания потребителя.

ностей сервера Lotus Domino Enterprise Server (IBM), версии 6 и выше. Где функции сбора нечетких знаний реализуются использованием возможностей почтового сервера Domino Mail Server, сервера приложений Domino Application Server, приложения Lotus Instant Messaging and Web Conferencing.

Они обеспечивают сбор, фильтрацию и организацию управления в реальном времени в едином хранилище. Так же могут быть использованы функции таксономии и автоматического создания карт знаний [8, с. 48].

Таким образом, нами представлены некоторые теоретические представления

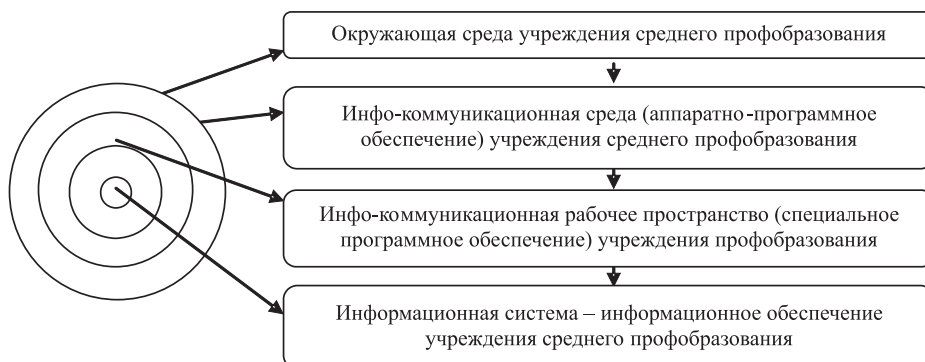

Рис. 1. «Луковичная» модель системы, основанная на знаниях и рефлексивном начале для учреждения среднего профессионального образования, базирующаяся на информационно-коммуникационных технологиях

и эмпирический опыт, которые могли бы стать общими инструментами управления знаниями и рефлексивного пути российского среднего профессионального образования. Однако это не исчерпывает проблему в окончательном варианте, и требуется продолжение научных изысканий.

1. Найн, А.Я. Рефлексивное управление образовательным учреждением: теоретические основы. Шадринск: Изд-во Исеть, 1999.

2. Буров, В.А., Прохоров, В.П., Пищулин, Н.П. Методологические вопросы создания «школ будущего»: прикладная философия. Компетенции. Культурные коды. Управление знаниями. М.; Александров: ИФРАН, 2011.

3. Буров, В.А., Прохоров, В.П. Язык и пять принципов постнеклассической аналитики субъектных структур. М.; Александров: АФ РосНОУ, 2008.

4. Лепский, В.Е. Рефлексивный подход: от методологии к практике. М.: МГУ, 2009.

5. Пищулин, Н.П., Буров, В.А. Постнеклассическая парадигма и новые контексты образования. М.: ИФРАН, 2009.

6. Степин, В.С. Теоретическое знание. М.: Наука, 2000.

7. Хайдеггер, М. Бытие и время. СПб: Изд. дом СПбМАПО, 2006.

8. Гольдштейн, О.Г., Инюшкина, О.Г., Кормышев В.М. Система управления знаниями для разрешения ситуаций в бизнесе: монография. Екатеринбург: Пирогов, 2006.

References

1. Nayn, A.YA. Refleksivnoye upravleniye obrazovatel'nyim uchrezhdeniyem: teoreticheskiye osnovy. Shadrinsk: Izd-vo Iset', 1999.

2. Burov, V.A., Prokhorov, V.P., Pishchulin N.P. Metodologicheskiye voprosy sozdaniya «shkol budushchego»: prikladnaya filosofiya. Kompetentsii. Kul'turnyye kody. Upravleniye znaniyami. M.; Aleksandrov: IFRAN, 2011.

3. Burov, V.A., Prokhorov, V.P. YAzyk i pyat' printsiptov postneklassicheskoy analitiki sub'yektnykh struktur. M.; Aleksandrov: AF RosNOU, 2008.

4. Lepskiy, V.Ye. Refleksivnyy podkhod: ot metodologii k praktike. M.: MGU, 2009.

5. Pishchulin, N.P., Burov, V.A. Postneklassicheskaya paradigma i novyye konteksty obrazovaniya. M.: IFRAN, 2009.

6. Stepin, V.S. Teoreticheskoye znaniye. M.: Nauka, 2000.

7. Khaydegger, M. Bytiye i vremya. SPb: Izd. dom SPbMAPO, 2006.

8. Gol'dshteyn, O.G., Inyushkina O.G., Kormyshev V.M. Sistema upravleniya znaniyami dlya razresheniya situatsiy v biznese: monografiya. Yekaterinburg: Pirogov, 2006.

UDC 16+377.1

KNOWLEDGE MANAGEMENT AND REFLEXIVE PRINCIPLES IN SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

Mikhail Arkadyevich Kharlov,

Shadrinsk Polytechnic College,

Director,

Cand. Sc. (Technics),

Shadrinsk, Russia.

E-mail: shpk045@mail.ru

Annotation

The article presents theory and practice of knowledge management and reflexive principles in secondary professional education. The author proposes a mechanism for such management which is based on information and communications technologies.

Key concepts:

knowledge management, reflexive principles, secondary professional education.

УДК 336.051

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Коротина Наталья Юрьевна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой экономики, финансов
и бухгалтерского учета,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: korotina@rane74.ru

Аннотация

В практике управления общественными финансами наблюдается тенденция заимствования приемов и методов корпоративного управления. Поэтому в финансовой науке возникла потребность в создании и развитии современной системы государственного и муниципального финансового менеджмента. В данной статье впервые сформулированы и комплексно представлены теоретические основы государственного и муниципального финансового менеджмента: понятие, принципы, функции, цель, задачи, объект, субъекты, состав и инструменты.

Ключевые понятия:

государственный и муниципальный
финансовый менеджмент,
государственные и муниципальные
финансы.

Кризисные изменения в экономике, затрагивающие производственную, рыночную, банковскую, бюджетную сферы, предопределяют необходимость кардинального преобразования управления в общественном секторе экономики. Восстановление и развитие национальной экономики и социального сектора требуют адаптации функционирования государственных и муниципальных финансов к современным условиям хозяйствования.

История развития государственного управления в странах с рыночной экономикой свидетельствует о тенденции применения в практике управления государственными финансами норм, правил и принципов корпоративного управления.

Кардинальное повышение эффективности и результативности бюджетной сферы требует создания современной системы финансового менеджмента в общественном секторе. В основе этого требования лежит объективно происходящий процесс размывания границ между государственным и рыночным секторами экономики. Это выражается в развитии государственного предпринимательства, расширении перечня и объемов оказания государственными и муниципальными учреждениями платных услуг, финансировании из бюджетов в рамках выполнения государственного и муниципального задания услуг частных компаний. В то же время в Российской Федерации высокие темпы роста расходов общественного сектора в последние годы не сопровождаются повышением удовлетворенности населения получаемыми государственными и муниципальными услугами.

В Российской Федерации нормативное регулирование государственного и муниципального финансового менеджмента на сегодняшний день находится на начальном этапе формирования, но его отдельные элементы применяются в управлении общественными финансами. К таким элементам, в частности, относятся методологические подходы к распределению бюджетных ресурсов в соответствии с целями, задачами и приоритетами государственной политики (бюджетирование, ориентированное на результат); программно-целевой метод как инструмент повышения эффективности расходов бюджетов (государственные программы); ежегодное проведение мониторинга качества финансового менеджмента в органах исполнительной власти [4], мониторинга исполнения бюджетов муниципальных образований [5].

Разрабатывать действенные прикладные меры по повышению эффективности функционирования общественных финансов без комплексного научного обеспечения практически невозможно, поэтому в финансовой науке на сегодняшний момент возникла потребность в расширении мировоззрения, основанного на проникновении рыночных категорий в практические аспекты функционирования государственного и муниципального секторов экономики.

Опираясь на накопленный опыт, следует восполнить пробелы в теории. Надлежит осмыслить, в чем устарели положения управления государственными и муниципальными финансами с учетом изменений выходящих на первый план задач, стоящих перед органами государственной власти и местного самоуправления в этой сфере.

Главные изменения касаются смены экономического механизма, основанного на затратной модели финансового планирования, при которой основное внимание уделялось контролю затрат государственных ведомств на результативную модель, предполагающую контроль и управление бюджетными расходами, которые «привязываются» к показателям результатов через расчеты результативности – с выделением факторов и мероприятий, обеспечивающих ее рост.

В этом и заключается использование подходов корпоративного финансового менеджмента к управлению общественными финансами, что придает этой системе необходимый динамизм, обеспечивает саморазвитие, направленность на общественные потребности, повышение эффективности и результативности, сокращение расходов на исполнение функций государственных органов, удешевление государственных услуг при сохранении или улучшении их качества, создает внутренние стимулы постоянного улучшения деятельности органов государственной и муниципальной власти,

Развитие теории государственного и муниципального финансового менеджмента требует разработки теоретических основ, к компонентам которых относятся понятия, принципы, функции, цель, задачи, объект, субъекты, состав и инструменты [3].

С нашей точки зрения, государственный и муниципальный финансовый менеджмент представляет собой систему принципов и методов разработки и реализации управленческих решений, связан-

ных с формированием, распределением и использованием финансовых ресурсов, находящихся в собственности или распоряжении органов государственной власти и местного самоуправления, в целях реализации эффективной государственной и муниципальной финансовой политики.

Как система управления, государственный и муниципальный финансовый менеджмент предполагает наличие объекта и субъекта.

В качестве субъекта управления в рамках государственного и муниципального менеджмента выступают органы законодательной и исполнительной, государственной власти и местного самоуправления.

Объектом управления являются входящие и исходящие финансовые потоки в государственные и муниципальные бюджеты (притоки и оттоки средств в соответствующие бюджеты).

Принципами эффективного государственного и муниципального финансового менеджмента, на наш взгляд, являются:

1. Ориентированность на стратегические цели развития государства и интегрированность в общую систему управления государством;
2. Достоверность, объективность, полнота данных, используемых в бюджетном управлении;
3. Стабильность, долгосрочная устойчивость и сбалансированность бюджетов;
4. Эффективность использования средств;
5. Эффективный финансовый контроль, отчетность и мониторинг качества финансового менеджмента.

Распространяя базовые положения корпоративного финансового менеджмента¹ на государственный сектор, сформулируем цель и задачи государственного и муниципального финансового менеджмента (рисунок 1).

Сущность любого экономического явления проявляется и реализуется в присутствии ему функций. Функции государственного и муниципального финансового менеджмента определяются его комплексным содержанием.

С одной стороны, государственный и муниципальный финансовый менеджмент является составной частью общей системы государственного управления, поэтому для него, с учетом специфики, характерны функции, которые являются общими для

¹Базовые положения корпоративного финансового менеджмента основаны на работе Бланк И.А. Финансовый менеджмент: Учебный курс. – К. Ника-Центр, 1999. – 528 с. – С. 11. [1].

Корпоративный финансовый менеджмент	Государственный и муниципальный финансовый менеджмент
Цель – повышение благосостояния собственников организации в текущем и перспективном периодах	Цель – улучшение качества жизни населения в стране в целом и в отдельных территориях, создание условий для устойчивого экономического роста и обеспечение финансовой устойчивости публично-правовых образований
<p>Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение формирования достаточного объема финансовых ресурсов в соответствии с задачами развития предприятия в предстоящем периоде. 2. Обеспечение наиболее эффективного использования сформированного объема финансовых ресурсов в разрезе основных направлений деятельности предприятия. 3. Обеспечение максимизации прибыли предприятия при предусматриваемом уровне финансового риска. 4. Обеспечение минимизации уровня финансового риска при предусматриваемом уровне прибыли. 5. Оптимизация денежного оборота. 6. Обеспечение постоянного финансового равновесия предприятия в процессе его развития. 	<p>Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение формирования достаточного объема бюджетных ресурсов в соответствии с потребностями социального и экономического развития страны, региона, муниципального образования. 2. Обеспечение эффективного распределения и использования совокупного объема бюджетных ресурсов в соответствии с основными направлениями расходов бюджета с условием возможного финансирования инвестиционных потребностей социального, экономического и инфраструктурного назначения. 3. Повышение качества оказываемых государственных и муниципальных услуг при наименьших затратах. 4. Обеспечение минимизация финансовых рисков, возникающих при исполнении бюджета, при сохранении объема оказываемых государственных и муниципальных услуг 5. Рационализация потоков бюджетных ресурсов для обеспечения своевременного исполнения расходных обязательств; 6. Обеспечение сбалансированности бюджета в процессе его исполнения

Рис. 1. Формулировка цели и задач государственного и муниципального финансового менеджмента на основе базовых положений корпоративного финансового менеджмента

Рис. 2. Функции государственного и муниципального финансового менеджмента

Рис. 3. Состав государственного и муниципального финансового менеджмента

управления в целом: организация, планирование, прогнозирование, координация и контроль.

С другой стороны, поскольку государственный и муниципальный финансовый менеджмент отражает процессы управления финансовыми средствами, то его функции основаны на функциях финансов: распределительной и контрольной.

В общем виде состав основных функций государственного и муниципального финансового менеджмента в разрезе обозначенных выше групп представлен на рисунке 2.

Государственный и муниципальный финансовый менеджмент, как область управления, регулирует различные вопросы,

поэтому система финансового менеджмента представлена различными структурными элементами. Состав государственного и муниципального финансового менеджмента (в нашем представлении) изображен на рисунке 3.

Смена экономического механизма влечет за собой изменение инструментов, используемых в процессе управления общественными финансами. В данной статье впервые инструменты государственного и муниципального финансового менеджмента комплексно представлены и сгруппированы в разрезе стадий бюджетного процесса (таблица 1).

Формулировка основных теоретических компонент, безусловно, расширяет те-

Таблица 1

Инструменты государственного и муниципального финансового менеджмента в разрезе стадий бюджетного процесса

Стадии бюджетного процесса	Инструменты государственного и муниципального финансового менеджмента
составление проектов бюджетов	<ul style="list-style-type: none"> – Государственное (муниципальное) задание; – Реестр государственных (муниципальных) услуг; – Стандарт (паспорт) государственных (муниципальных) услуг – Государственные (муниципальные) программы
утверждение проектов бюджетов	<ul style="list-style-type: none"> – Реестр расходных обязательств
исполнение бюджетов	<ul style="list-style-type: none"> – Распределение предельных объемов финансирования на оказание государственных (муниципальных) услуг; – Лимиты бюджетных обязательств; – Обоснование бюджетных ассигнований;
контроль за исполнением бюджетов и отчет об исполнении бюджетов	<ul style="list-style-type: none"> – Доклад о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД) главных распорядителей бюджетных средств (распорядителей бюджетных средств) – Мониторинг качества управления финансами

орию и практику управления общественными финансами, но перед финансовой наукой стоит комплексная задача построения четкой системы государственного и муниципального финансового менеджмента, формирования критериев эффективного функционирования этой системы. Интеграция финансового менеджмента на уровень государства требует дальнейшего развития теоретических положений государственного и муниципального финансового менеджмента.

1. Бланк, И.А. Финансовый менеджмент: Учебный курс. – К. Ника-Центр, 1999. – 528с. – С. 11.

2. Ермакова, Е.А. Методология формирования и стратегия развития системы государственного финансового менеджмента в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Саратов, 2008.

3. Научно-методические основы обеспечения самодостаточности малых городов: Препринт / под ред. Белкина В.Н. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – С. 3.

4. Приказ Министерства финансов России от 13 апреля 2009 г. № 34н «Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета». Приказ Минфина России от 13 апреля 2009 г. № 34н.

5. Приказ Министерства финансов Челябинской области от 2.12.2009 г. № 01/5-162-1 «О Порядке проведения Министерством финансов Челябинской области мониторинга соблюдения органами местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Челябинской области требований бюджетного законодательства и оценки качества организации и осуществления бюджетного процесса».

References

1. Blank, I.A. Finansovyy menedzhment: Uchebnyy kurs. – K. Nika-Centr, 1999. – 528 s. – S. 11.

2. Ermakova, E.A. Metodologiya formirovaniya i strategiya razvitiya sistemy gosudarstvennogo finansovogo menedzhmenta v Rossii. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoy stepeni doktora jekonomicheskikh nauk. Saratov, 2008.

3. Nauchno-metodicheskie osnovy obespecheniya samodostatochnosti malyh gorodov: Preprint / pod red. Belkina V.N. Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2009. – S. 3.

4. Prikaz Ministerstva finansov Rossii ot 13 aprelja 2009 g. № 34n «Ob organizacii provedeniya monitoringa kachestva finansovogo menedzhmenta, osushhestvlyajemogo glavnymi administratorami sredstv federal'nogo bjudzhet». Prikaz Minfina Rossii ot 13 aprelja 2009 g. № 34n.

5. Prikaz Ministerstva finansov Cheljabinskoj oblasti ot 2.12.2009 g. № 01/5-162-1 «O Porjadke provedeniya Ministerstvom finansov Cheljabinskoj oblasti monitoringa sobljudenija organami mestnogo samoupravlenija gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov Cheljabinskoj oblasti trebovanij bjudzhetnogo zakonodatel'stva i ocenki kachestva organizacii i osushhestvlenija bjudzhetnogo processa».

UDC 336.051

THEORETICAL BASES OF STATE AND MUNICIPAL FINANCIAL MANAGEMENT

Korotina Natalya Yuryevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, the Head of the Department Chair of Economics, Finances and Accounting, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: korotina@rane74.ru

Annotation

The tendency of borrowing methods and ways of corporative management is observed in practice of modern public finances management. The need to create and develop the modern system of state and municipal financial management appeared in financial science. The author of the article formulates and presents for the first time the complex of theoretical bases of state and municipal financial management: notion, principles, functions, purpose, tasks, subject, object, composition and instruments.

Key concepts:

state and municipal financial management, state and municipal finances.

УДК 94(470)

ДЕТСКИЕ ЗАГОРОДНЫЕ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЕ ЛАГЕРЯ НА УРАЛЕ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМА ВЫЖИВАНИЯ

Смирнов Геннадий Сергеевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: aandg@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме прогрессирующего сокращения возможности получения российскими детьми и подростками полноценного летнего оздоровительного отдыха. Показаны роль в этом процессе перехода к рыночным механизмам реализации государственной социальной политики, конкретные формы и механизмы этого сокращения.

Ключевые понятия:

Урал, детские оздоровительные учреждения, структура ДОУ, загородные лагеря, проблема сохранения, качество отдыха, лагеря дневного пребывания, реструктуризация, малозатратные формы отдыха.

Начатое с 1990-х годов системное реформирование социальных и экономических отношений коренным образом изменило как цели и принципы социальной политики, так и реальные возможности её реализации. Эти изменения коснулись и детского оздоровительного отдыха, который традиционно считается одним из важнейших направлений охраны детства.

В условиях прогрессирующего ухудшения состояния здоровья детей и подростков в России важную профилактическую и оздоровительную функцию выполняют детские оздоровительные учреждения (ДОУ).

Существовавшая до 1991 г. система организации детского отдыха характеризовалась доступностью. Это обеспечивалось разветвленной сетью ДОУ, среди которых большую долю составляли эффективные загородные оздоровительные лагеря, и малыми затратами родителей на пребывание в них детей. Финансирование отдыха осуществлялось профсоюзами, содержание лагерей было возложено на хозяйствующие субъекты.

После приватизации и появления у предприятий и организаций полномочий по самостоятельному определению порядка использования собственных средств, а также утраты профессиональными союзами ряда функций оплата отдыха и оздоровления детей стала производиться за счет средств государственных и муниципальных бюджетов, а также средств региональных отделений Фонда социального страхования РФ. Кроме того, часть средств стала на добровольной основе поступать от работодателей, а также от родителей в виде платы за путевки.

Эта система финансирования, подвергшись некоторым изменениям, существует до настоящего времени. При этом возник и стал усиливаться ряд негативных тенденций: сокращение традиционных форм отдыха (загородные детские лагеря предприятий, поездки учащихся за пределы региона во всероссийские и ведомственные здравницы); утрата органами государственного управления эффективных методов управления в социальной сфере; резкое сокращение финансовых возможностей государства и населения при росте численности детей и подростков, нуждающихся в усиленном оздоровлении и отдыхе; сохранение гарантированного получения оздоровительных услуг только отдельным категориям детей, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Тенденция к сокращению учреждений, организующих отдых детей и их оздоровление, привела к стихийным негативным проявлениям в подростковой и молодежной среде: безнадзорности, росту преступности и заболеваемости, резко увеличивающимся в каникулярный период года.

В этих условиях одной из важнейших проблем стало сохранение и укрепление материальной базы детского оздоровительного отдыха.

Проблема сохранения загородных лагерей и баз отдыха особо остро встала в областях промышленного Урала, где практически все они состояли на балансе и финансировались крупными производственными предприятиями, резко сократившими свои социальные расходы.

Так, в Свердловской обл. в начале 1990-х годов ситуация обострилась настолько, что потребовалось особое постановление главы администрации области, потребовавшее, чтобы приватизация детских дач и лагерей, находящихся на балансе предприятий федеральной и государственной собственности, осуществлялась исключительно с согласия правительства области [9]. При этом были приняты меры по передаче ДОО приватизируемых предприятий в муниципальную собственность. Только в 1994 г. «в целях сохранения базы загородных лагерей» муниципальными стали лагеря в городах Тавде, Н-Туре, Серове, Алапаевске, Березовском [10].

Передача в муниципальную собственность хотя временно и уберегала ДОО от перепрофилирования, не решала проблемы их содержания. Если в 1994 г. загородных лагерей в области было открыто 164 [8], то в 2000 г. – только 143. Особенно тяжелым стал 1995 г., когда было открыто всего 132 загородных ДОО.

Четко выраженная тенденция к сокращению числа загородных лагерей в Свердловской обл. прослеживалась и в последующие годы. Только за семилетие (2001–2007) безвозвратно закрылись 35 учреждений, в результате чего на всю крупнейшую в регионе область к 2008 г. осталось лишь 110 загородных лагерей (из них только 51 муниципальный), а два года спустя их число сократилось до 88, но принять школьников смогли лишь 83. Их доля в общем числе ДОО области составила всего 9,1%.

Но и сохранившиеся загородные ДОО создавали массу проблем: новых лагерей практически не строилось, а старые ветшали и приходили в негодность. Содержать их в функциональном состоянии станови-

лось всё труднее и дороже. Из указанных выше 110 объектов 4 были построены в 1940-е годы, 8 – в 50-е, 30 – в 60-е, 39 – в 70-е, 24 – в 80-е и лишь 5 – после 1990 г. За последнее десятилетие капитально отремонтированы и восстановлены лишь 12 загородных стационарных оздоровительных лагерей, зато на проведение ежегодного косметического ремонта и выполнение предписаний надзорных органов ежегодно затрачивались значительные средства. При этом часть загородных лагерей функционировала неэффективно, организуя отдых детей в одну-две смены, или вообще не открываясь.

Постоянно сохранялась угроза ликвидации или перепрофилирования и других ДОО – пансионатов, баз отдыха, туристических баз, не приносящих учредителям материальной прибыли.

Особенно быстрыми темпами тенденция к сокращению загородных ДОО стала просматриваться после того, как в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» организация отдыха детей в каникулярное время была отнесена к вопросам местного значения. В 2007 г. в Свердловской обл. было закрыто сразу 7 загородных лагерей [10].

В том же 2007 г. из 2085 ДОО разных типов 1397 (67%) являлись малозатратными лагерями дневного пребывания с укороченным сроком оздоровления. Весь прирост численности отдохнувших за лето детей приходился именно на них.

Общая картина финансирования летней оздоровительной кампании (на примере 2000 г.) показывает, что после Фонда социального страхования, выделявшего, (согласно законодательству) не менее 50% финансовых средств, около 20% расходов по-прежнему несли предприятия и организации, поддерживавшие детей своих работников, и только за ними следовали местные бюджеты (около 15% средств). Областной (около 5%) и федеральный (около 3%) бюджеты решающей роли в финансировании не играли. Родительская плата за путевки составляла около 6%.

При таких маломощных местных бюджетах перекалывание обязанностей по содержанию лагерей на муниципальные образования было ошибочным решением.

Если не обращать внимания на частные различия, обусловленные местными причинами, ту же тенденцию демонстрирует и

анализ положения дел в Челябинской обл. Начиная с 1999 г. и вплоть до середины 2000-х, число отдохнувших в ДОУ понемногу росло, а вот качество отдыха падало и здесь. Центр тяжести всё больше смещался в сторону краткосрочных школьных лагерей с дневным пребыванием. В то же время загородные ДОУ пустовали. В самом неблагополучном, 1992 г., в области были открыты 89 загородных лагерей, в 1993 – уже 104 лагеря, а по данным на 21.06.2001 г., с разрешения главных врачей центров санэпиднадзора, в городах и районах области было открыто 93 лагеря загородного типа, а всего 1088 ДОУ. Загородные лагеря составили, таким образом, чуть более 8%.

В дальнейшем количество загородных ДОУ только сокращалось. К 2012 г. их в Челябинской обл. сохранилось всего 73, а за вычетом ведомственных лагерей, находящихся на балансе учреждений закрытых городов, ГУИН и ЮУЖД, где ситуация с финансированием была заметно лучше, оставалось всего 54 загородных ДОУ. Существенно сократилось и общее число ДОУ области. По данным прокурорской проверки, летом 2013 г. функционировало всего 818 учреждений отдыха и оздоровления детей (для сравнения: в 1993 г. – 1510). Из указанных 54 загородных ДОУ 37 находились в муниципальной собственности [4]. Все они были построены свыше 40 лет тому назад, а степень износа помещений и оборудования превышает 50% [2].

Состояние материальной базы напрямую отражается и на качестве предоставляемых услуг, что не позволяет большинству учреждений отдыха и оздоровления быть рентабельными, создавать условия, соответствующие санитарно-эпидемиологическим требованиям, привлекать более квалифицированных специалистов. Большинство учреждений региона, обеспечивающих отдых детей и их оздоровление, испытывают проблемы с педагогическим, медицинским и техническим персоналом вследствие низкой заработной платы работников и некомфортных условий проживания [5].

Похожий процесс наблюдался и в Пермском крае. И там происходило абсолютное сокращение численности ДОУ. В 2005 г. Федеральная служба Роспотребнадзора осуществляла надзор за 2166 ДОУ, а в 2006 г. – только за 2037. За один год число учреждений сократилось на 129 единиц. Причём, по данным этого ведомства, наметилась тенденция к ежегодному уменьшению количества детских оздоровительных учреждений, в т.ч. и загородных [1, с. 81].

В преимущественно аграрной Курганской обл. проблема сохранения загородных лагерей стояла еще более остро. К 2010 г. из 446 ДОУ области лишь 26 (6%) являлись загородными, остальные действовали на базе образовательных учреждений. В загородных лагерях отдыхало не более 10% школьников [6].

На этом фоне внешне благополучной выглядела лишь Оренбургская обл., где количество загородных лагерей почти не сократилось. После 1995 г., когда не была открыта почти треть загородных лагерей, их численность вплоть до 2007 г. оставалась на уровне 61 учреждения. А общее число ДОУ за 18 лет (с 1990 г.) выросло с 1075 до 1330. Однако качество оздоровления снижалось и там. Практически весь прирост произошёл за счёт «дешёвых» лагерей дневного пребывания (увеличение на 295 единиц) и профильных лагерей (тех же лагерей дневного пребывания, где группы формировались «по интересам») с вдвое укороченным сроком отдыха (125 единиц), расположенных, как правило, в тех же школьных зданиях, где дети и учились. Численность загородных лагерей сократилась на 4 единицы, а выездных лагерей труда и отдыха уменьшилась с 348 до 166 (на 182 единицы, то есть вдвое). Таким образом, и здесь просматривается общая тенденция к «удешевлению» детского оздоровительного отдыха.

Более тщательный анализ общей положительной динамики количества оздоровительных учреждений в Оренбургской обл. показывает её неравномерность. Фактически этот процесс распадается на два периода: роста (до 2000 г.) и сокращения (после 2000 г.). Особенно быстрыми темпами количество ДОУ сокращалось в годы «стабилизации» экономической ситуации. Только за два года (2006–2007) «исчезло» 224 лагеря, в том числе 9 санаторных, 3 оборонно-спортивных, 6 спортивно-оздоровительных, 189 труда и отдыха. Зато увеличилось (хотя и незначительно) число лагерей дневного пребывания и профильных, то есть именно тех, содержание которых обходилось существенно дешевле, возросла также численность других малозатратных форм организации отдыха и оздоровления – палаточные лагеря, многодневные туристические походы и т.п. [3, с. 62].

В итоге при общем «охвате» мероприятиями оздоровительного отдыха 100–150% детей и подростков, из них в ДОУ отдыхало не более 60% .

Быстрыми темпами развивались организованные формы летнего времяпрепровождения детей и особенно подростков,

склонных к противоправному поведению, обеспечивающие контроль за ними и их трудовую занятость. Уже в программе «Лето-95» наряду с государственной поддержкой сферы детского, молодежного и семейного отдыха, важнейшим направлением деятельности провозглашалось создание условий для временного трудоустройства подростков в каникулярный период. Ежегодно на это выделялись значительные денежные средства.

После издания федерального закона от 24.06.99 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» отношение подростка к группе социального риска стало основанием для его приоритетного помещения в ДОУ. Сложилась парадоксальная ситуация, когда для первоочередного получения бесплатной путевки в лагерь стало необходимым совершить противоправные действия и оказать помощь на профилактическом учете в комиссии по делам несовершеннолетних или органах охраны правопорядка.

Эта политика сохраняется и в настоящее время. Так, в 2011 г. в Челябинской обл. летним оздоровительным отдыхом было охвачено 58% детей до 18 лет, тогда как среди несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел, доля отдохнувших достигла 90,6%.

Происходящие процессы не являются региональной особенностью Урала. По данным Росстата, и в целом по Российской Федерации количество загородных стационарных ДОУ неуклонно снижается. Только в 2005 г. уменьшение составило 9,2 % по сравнению с предыдущим годом [7].

Примерно такой же является и структура ДОУ. К 2013 г. загородные лагеря составляли всего 5% от их общего количества, а отдыхало в них менее трети детей. В то же время доля лагерей дневного пребывания приблизилась к 87%, а отдыхало в них 60% детей [12].

Таким образом, по различным объективным причинам роль лагерей, организуемых на базе городских образовательных учреждений, в структуре летнего оздоровительного отдыха в последние годы заметно возросла. Однако это обусловлено их преимуществами не оздоровительного, а экономического характера: городские лагеря в 5–7 раз дешевле загородных. Кроме того, лагеря городского типа востребованы как организации, обеспечивающие досуг детей из социально неблагополучных семей и детей, по разным, в том числе экономическим, причинам оставшихся в городе.

В Уральском регионе, как и во всей России, наблюдается тенденция «реструктуризации» системы отдыха и оздоровления детей, что ведет к сокращению количества стационарных ДОУ за счет увеличения числа «малозатратных», но наименее эффективных форм детского отдыха, а по сути, происходит подмена оздоровления детей в каникулярный летний период на их занятость.

Одной из причин сокращения числа загородных стационарных детских оздоровительных лагерей, а также численности отдохнувших там детей является отсутствие необходимых средств для поддержания их жизнедеятельности у предприятий и организаций, содержащих эти лагеря, и в первую очередь у главного содержателя – муниципальных образований.

Несмотря на требование в ежегодных распоряжениях правительства РФ и правил субъектов федерации об организации оздоровительной кампании детей, сохранения и даже увеличения численности загородных ДОУ, фактически за последние годы не было предпринято реальных мер в решении этого вопроса ни на федеральном, ни на региональном уровнях.

Материальная база загородных ДОУ за последние два десятилетия практически не обновлялась и не совершенствовалась, большинство строений и сооружений пришли в негодность, износ оборудования нередко достигает 100%. Строительство новых детских оздоровительных лагерей практически не ведется.

Эти процессы усугубляются инфляцией, сопровождающейся постоянным ростом цен на продукты питания, энергоносители и услуги, а также увеличением арендной платы за землю, что приводит к удорожанию стоимости путевок, сокращению количества оздоровленных детей, и в конечном счете ставит на грань выживания многие загородные детские оздоровительные лагеря.

В целом в организации летнего отдыха детей задача их полноценного оздоровления становится трудновыполнимой, теряя свое приоритетное значение. В этом отношении Урал ничем не отличается от остальной России.

1. О положении детей в Пермском крае. Ежегодный доклад 2006 год. /Автор-составитель: Черемных Т.В. Под общей редакцией: Уткина Ю.А., Минеевой С.А. Пермь, 2007, 232 с.

2. Смирнов, Г.С., Смирнов, С.С. Проблема организации детского летнего оздоровительного отдыха на Южном Урале в период системного кризи-

са (1992–2008) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 19. – 2012. – № 32 (291). – С. 57–60.

3. Смирнов, Г.С. Проблемы социальной защиты семьи и детства на Южном Урале: история и современность: Монография / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов, А.С. Смирнова. – Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 1013. – 200 с.

4. <http://www.chelproc.ru/news/?id=8259> (Дата обращения 15.11.2013).

5. http://www.gorono-ozersk.ru/sites/default/files/naprav_deayt/leto/2012/sborniknpachel2012.pdf (Дата обращения 15.11.2013).

6. <http://www.kurgan-city.ru/newclerk/-/149703/> (Дата обращения 15.11.2013).

7. http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2006/ACH200703231610/ACH200703231610_p_011.htm (Дата обращения 10.11.2013).

8. <http://eburg.regionz.ru/index.php?ds=10259> (Дата обращения 12.11.2013).

9. <http://www.ural-region.net/bsverd/posit3d/watchpkdis9.htm> (Дата обращения 15.11.2013).

10. <http://www.ural-region.net/bsverd/posit3d/watchpkbii5.htm> (Дата обращения 15.11.2013).

11. <http://www.ural-region.net/bsverd/positdy/watchkktfq5.htm> (Дата обращения 15.11.2013).

12. О ходе подготовки субъектов РФ к летней оздоровительной кампании. Протокол селекторного совещания № 4 от 18.04.2013 г. [Электронный ресурс] // http://www.45.rospotrebнадзор.ru/327/-/asset_publisher/vKX8/content/.

References

1. О положении детей в Пермском крае. Yezhegodnyy доклад 2006 god. / Avtor-sostavitel': Cheremnykh T.V. Pod obshchey redaktsiyey: Utkina YU.A., Mineyevoy S.A. Perm', 2007, 232 s.

2. Смирнов, Г.С., Смирнов, С.С. Problema organizatsii detskogo letnego ozdorovitel'nogo otdykha na Yuzhnom Urале v period sistemnogo krizisa (1992 – 2008) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnyye nauki». Вып. 19. – 2012. – № 32 (291). – С. 57 – 60.

3. Смирнов, Г.С. Problemy sotsial'noy zashchity sem'i i detstva na Yuzhnom Urале: istoriya i sovremennost': Monografiya / G.S. Smirnov, S.S. Smirnov, A.S. Smirnova. – Chelyabinsk: Chelyabinskiy filial RANKhiGS, 1013. – 200 s.

4. <http://www.chelproc.ru/news/?id=8259> (accessed: 15.11.2013).

5. http://www.gorono-ozersk.ru/sites/default/files/naprav_deayt/leto/2012/sborniknpachel2012.pdf (accessed: 15.11.2013).

6. <http://www.kurgan-city.ru/newclerk/-/149703/> (accessed: 15.11.2013).

7. http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2006/ACH200703231610/ACH200703231610_p_011.htm (accessed: 10.11.2013).

8. <http://eburg.regionz.ru/index.php?ds=10259> (accessed: 12.11.2013).

9. <http://www.ural-region.net/bsverd/posit3d/watchpkdis9.htm> (accessed: 15.11.2013).

10. <http://www.ural-region.net/bsverd/posit3d/watchpkbii5.htm> (accessed: 15.11.2013).

11. <http://www.ural-region.net/bsverd/positdy/watchkktfq5.htm> (accessed: 15.11.2013).

12. О ходе подготовки субъектов РФ к летней оздоровительной кампании. Протокол селекторного совещания № 4 от 18.04.2013 г. [Elektronnyy resurs] // http://www.45.rospotrebнадзор.ru/327/-/asset_publisher/vKX8/content/.

UDC 94(470)

CHILDREN HEALTH SUMMER CAMPS IN URALS IN POST SOVIET PERIOD. THE PROBLEM OF SURVIVAL

Smirnov Gennady Sergeyevich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Associate Professor of the Department of
Public Administration, Legal Support
of State and Municipal Service,
Cand. Sc. (History),
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: aandg@inbox.ru

Annotation

The article is devoted to the problem of rapid reduction of possibility for children and teens to have high-quality summer rest. The role of transition to market mechanisms of state social policy realization in this process, concrete forms and mechanisms of this transition are presented in the article.

Key concepts:

Ural, children's health institutions, structure of children's health institutions, summer camps, problem of maintenance, quality of rest, camps of daily stay, restructuring, low-cost forms of rest.

УДК 979(470.34)+281.938+9с

АНТИЦЕРКОВНАЯ КАМПАНИЯ В ЧУВАШСКО- ЧЕБОКСАРСКОЙ ЕПАРХИИ РУБЕЖА 50–60-х гг. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБЛОЖЕНИЯ НАЛОГАМИ АРХИЕПИСКОПА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО))

Подмарицын Алексей Геннадьевич,

Самарский
государственный университет,
кафедра российской истории,
докторант,
Самарская митрополия РПЦ,
заведующий епархиальным архивом,
кандидат исторических наук,
г. Самара, Россия.
E-mail: algepod@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена попытка советских чиновников оклеветать и незаконно обложить налогом архиепископа Чебоксарского и Чувашского Мануила (Лемешевского) в начале 1960-х гг. Поэтапно проанализированы действия православного иерарха, имевшие целью пресечь публичную клевету советской прессы и доказать свою непричастность к вымышленной финансовой афере.

Ключевые понятия:

Русская православная церковь (РПЦ),
духовенство и приходы РПЦ,
советская пресса,
налоговые органы.

Среди исторических исследований, осуществляемых в последние три десятилетия, неизменно присутствуют публикации о месте Русской православной церкви (РПЦ) в советском обществе. От выявления общих тенденций историки закономерно переходят к анализу событийной канвы не только в центре, но и в регионах, раскрывая механизм практического осуществления идеологических установок советского государства в отношении РПЦ. Недавно обнаруженное в Самарском епархиальном архиве «Дело об обложении незаконным налогом митрополита Мануила (по Чебоксарской епархии)» датируется 1957–62 гг. Это дело интересно для историка в качестве характерного эпизода хрущевской антицерковной реакции, отразившего многогранность самого процесса. Сохранившийся блок документов в хронологической последовательности раскрывает конкретные методы региональных советских чиновников по созданию негативного и нетерпимого мнения советских граждан в отношении православного духовенства и православной церкви в целом. Цель данной публикации – поэтапно рассмотреть ход обвинений со стороны финансовых органов митрополита Мануила якобы в укрывательстве от налогового обложения доходов и ответные действия последнего с целью опровержения клеветы. Кроме того, видится практическая необходимость изучения исторического опыта взаимоотношений церкви и государства для современного общества.

Осенью 1958 г. началось очередное, хрущевское наступление на РПЦ. Негласным образом, через местных уполномоченных Совета по делам РПЦ при СМ СССР (СДРПЦ), партocrats пытались организовать показательные отречения от сана и религии священников, желательно – образованных. Подгоняя реальность под свои измышления, совпартчиновники нуждались и в показательных процессах над духовенством, на которое переносились известные ещё по 20-м годам стандартные штампы.

Председатель СДРПЦ В. Куроедов, в отличие от своего предшественника, Г. Карпова, был склонен решать вопросы по максимуму. Понимая, что поставить православную церковь под тотальный контроль можно двумя путями – через разрушение иерархических основ и полный контроль за ежедневной деятельностью, советом был подготовлен Архиерейский собор 1961 г., на котором были изменены положения об управлении РПЦ.

Настоятель перестал быть председателем церковного совета, был выведен из числа двадцатки и не имел права занимать какую-либо выборную должность и быть членом органов приходского управления. Это коснулось и других членов причта – все они становились лицами, нанятыми церковным советом для

совершения богослужений, не более. Власть в приходе оказалась распыленной и децентрализованной. Финансовыми делами ведал мирянин – председатель церковного совета, хранивший приходскую печать и имевший право подписи на финансовых документах. Как правило, в больших городских приходах существовали счетовод-казначей и кассир (в деревенских – только казначей), соответственно занимавшиеся учетом сумм и собственноручно кассовыми делами. Возросла роль ревизионной комиссии как естественного противовеса духовенству и нового распорядителя в приходе с целью недопущения вмешательства священнослужителей в дела управления и финансовые вопросы. Для государства открылась лазейка в виде назначения через уполномоченного угодных лиц, проводивших советскую антицерковную политику в приходах. В финансовой сфере это выразилось в откатке в так называемый «советский фонд мира» практически всей реальной доходной части приходского бюджета. Это сопровождалось жестким контролем за сдачей наличных сумм в госбанк и сберкассы. Специально запрещалось поддерживать опрятность зданий церковью под предлогом недопущения «излишеств» в архитектуре. Уменьшались и средства, отчисляемые через епархиальные управления на общецерковные нужды (реставрацию общецерковных памятников, находящихся на церковном балансе, издание периодики, устройство мастерских по централизованному производству церковной утвари и т.д.). Несколько позже появилась новая государственная структура для откатки церковных средств в виде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Летом 1961 г. местным исполкомам было разрешено осуществлять финансовый контроль за религиозными общинами, и первыми воспользовались ситуацией местные налоговики. И раньше, бывало, сотрудники районных и городских финансовых отделов при исполкомах (рай-горфо) стремились повысить доходную часть за счёт священнослужителей, облагая последних по завышенным или фиктивным ставкам.

Именно так и случилось с митрополитом Мануилом (Лемешевским). До марта 1960 г. он служил на Чувашской архиерейской кафедре, затем его перевели на Куйбышевскую [1, с. 120]. В октябре 1961 г. в Куйбышев архиерею была прислана вырезка из республиканской молодежной газеты «Молодой коммунист» от 13 октября. В статье «Кормушка «святых» отцов» старший инспектор госдоходов Министерства финансов (минфина) Чувашской АССР Е. Горбунов обвинил архиепископа Мануила в присвоении наличными деньгами 55 тысяч руб., якобы взятых из кассы церкви г. Алатыря. Тон ста-

ты характеризует лексику идеологических чиновников того времени: «на протяжении многих столетий святоши в черных сутанах (!) тормозили прогресс, жгли на кострах передовых мыслителей», «загребать», «служители культа переродились в тунеядцев», «отхватывал приличный куш», «подчищены под метелку», «запустил в кассу свою лапу», «рассовал по своим карманам», «с набитыми карманами» [3, л. 1а].

В статье указывался подобный, с точки зрения автора, пример с архиепископом Казанским Иовом (Кресовичем). Он в 1961 г. был обвинен в присвоении бюджетных сумм епархиального управления, на него было заведено уголовное дело, последовал суд. Суть сфабрикованного дела заключалась в следующем. Суммы были затрачены архиепископом Иовом на ремонт и восстановление церкви и благотворительность. Первое к началу 1960-х гг. уже было запрещено делать. Благотворительность, в данном случае – пенсии репрессированным клирикам и немощным членам их семей, советское государство не платило и особой инструкцией запрещало это делать пенсионному фонду Московской Патриархии [2, л. 138], были отнесены к личным расходам архиепископа. По невозможности возратить эти деньги, проходившие по епархиальной бухгалтерии как представительские, последний был приговорен к тюремному заключению.

27 октября 1961 г. Чебоксарский городской финансовый отдел прислал митрополиту Мануилу извещение на уплату подоходного налога в 32 552 рубля 80 копеек (3255 рублей 28 коп. в дензнаках 1961 г.) [3, л. 1]. К извещению было приложено отношение министерства Чувашской АССР от 24 октября 1961 г. Чебоксарскому горфинотделу. В последнем говорилось о том, что митрополит «...в 1959 г. взял из алатырской церкви денег в сумме 55.480 руб. (в старом масштабе цен) и эта сумма в состав облагаемого подоходным налогом не была включена» [3, л. 2].

Для выяснения обстоятельств и оснований дополнительного обложения подоходным налогом в г. Чебоксары был направлен в ноябре 1961 г. секретарь Куйбышевского епархиального управления А.А. Савин. Последнему удалось установить, что основанием для обложения послужила копия частного письма бывшего настоятеля церкви города Алатыря прот. Д.Ф. Степанова на имя нового настоятеля этой церкви прот. Каменского (инициалы неизвестны). Из письма усматривалось, что архиерей якобы взял из этой церкви остатки причтового дохода в сумме 55.480 руб. и за них перед ним не отчитался, а за требование отчитаться в этих деньгах, архиепископ лишил его права ношения митры на 3 месяца. И вот на основании слова «взял» Чувашское министерство финансов и обложило митро-

полита Мануила подоходным налогом (возведен в сан митрополита в феврале 1962 г.).

Историю с митрой раскрывают сохранившиеся среди бумаг преосвященного Мануила черновики его двух писем протоиерею Димитрию Степанову от 17 октября 1957 г. и 31 августа 1958 г. Документы исчерпывающе характеризуют обоих участников дела (настоятеля и архиерея), и приводятся в изложении. «Ваше письмо свидетельствует определению об уничтожении Вами епархиального архиерея и более чем неделикатном отношении к нему. Советую Вам ознакомиться с содержанием и толкованием 55 апостольского правила о досаждении епископу. Тогда Вы поймете, как были Вы близоруки в Ваших оскорбительных суждениях о своем епархиальном архиерее. В предупреждении дальнейших выпадов по адресу своего архиерея лишаю Вас права ношения митры сроком на три месяца, считая со дня получения настоящего моего предписания» [4, с. 40]. На этом переписка с вольно ведущим себя протоиереем не закончилась.

31 августа 1958 г. владыка писал протоиерею Д. Степанову: «Спасибо Вам большое за Ваше весьма «любезное» письмо о ненужности моей поездки в Алатырь для рукоположения во диакона. Конечно, располагать своими поездками в Алатырь буду я, а никто другой [...] Свои поездки я буду согласовывать со своими делами и нуждами души и лично Вас извещать о приезде не буду, машины соборной Победы вызывать не буду на вокзал, и на содержание церкви становиться не буду. И так как я своими приездами тревожу ваш покой и нарушаю распорядок Вашего дня, то предлагаю Вам меня на вокзале, ни в церкви не встречать и со мною в службах не соучаствовать. Приезжать буду не к Вам, а к преп. Вассиану [местночтимый святой – А.П.] и по его милости проживу в Алатыре столько, сколько душа моя мне позволит...» [4, с. 40–41].

2 ноября митрополитом была подана жалоба министру финансов Чувашской АССР, в которой указывалось, что он никаких наличных денег от алатырской церкви не получал и дополнительно подоходным налогом обложен неправильно. К жалобе приложена была справка Чебоксарского епархиального управления о том, что указанная сумма была перечислена и поступила в 1958 г., а не в 1959 г. на расчетный счет Чебоксарского епархиального управления.

К жалобе были приложены письменные объяснения бывших членов исполнительного органа алатырской церкви – старосты Г.В. Слюняева, бухгалтера И.Е. Илюшкина, казначея Я.Ф. Тихонова о том, что архиепископ Мануил никогда наличных денег не получал, и что данная сумма была перечислена на расчетный счет Чебоксарского епархиального управления через госбанк.

Протоиерей Д. Степанов 1 ноября 1961 г. дал письменное объяснение аналогичного содержания [3, л. 4].

Однако 25 декабря 1961 г. минфин Чувашской АССР, на основании имеющихся в деле документов, якобы подтверждающих факт получения денег, снова предложил заплатить дополнительный налог. Кроме того, сообщалось, что алатырская церковь в июле 1959 года перевела на имя архиерея 2258 рублей и что митрополиту надлежит заплатить в дополнение к сумме 3255 руб. 28 коп. ещё 159 руб. 75 коп [3, л. 5].

Митрополит указывал, что он не смог ехать в Чебоксары с тремя пересадками ввиду преклонных лет (шел 79-й год) и снова доказывать свою невиновность. Для ознакомления с делом им был послан юрист, но дело юристу не показали. На основании свидетельских показаний удалось установить следующие факты.

23 декабря 1961 г. автор статьи в «Комсомольце Чувашии», по роду занятий – старший инспектор Минфина Чувашской АССР Е. Горбунов, выезжал в Алатырь для произведения допроса бывшего настоятеля тамошней церкви прот. Д. Степанова. По итогу допроса прот. Степанова на его квартире чиновником Горбуновым был составлен акт. В нем допрашиваемый якобы подтвердил получение архиереем 55.480 рублей и лишение настоятеля права ношения митры на 3 месяца за требование им от архиепископа отчета о расходовании означенной суммы.

Именно этот акт и послужил основанием для повторного требования дополнительного налога. 19 января 1962 г. протоиерей Д. Степанов собственноручно написал справку, проливающую свет на технологию составления Горбуновым акта и опровергающую в целом документ. В справке о. Степанов указывает, что «...55.480 руб. были перечислены в 1958 г. на счет Чебоксарского епархиального управления и, что ссылка в его письме прот. Каменскому на то, что [архиерей – А.П.] «взял» эту сумму денег, следует понимать не в смысле того: «Что он лично взял, а эта сумма была перечислена в 1958 г. алатырской церковью согласно бухгалтерских документов на счет Чебоксарского епархиального управления» [3, л. 9].

Оказалось, что во время допроса прот. Д. Степанова работник Минфина Чувашской АССР Е. Горбунов дважды составлял акт. Первый акт Степанов отказался подписывать. «После прочтения Горбуновым второго акта Степанов опять заметил, что и в этом акте допущены неточности, на что Горбунов ответил: «это не имеет значения», и Степанов подписал акт, не читав его сам лично» [3, л. 9].

И снова 19 января 1962 г., как и в объяснении от 1 ноября предыдущего года, прот. Степанов утверждает, что под словом «взял»

он имел в виду не то, что архиерей получил деньги наличными, а что эта сумма была перечислена на счет епархиального управления. Далее о. Степанов указывает, что: «в церковном мире, где архиерей являлся в то время распорядителем кредитов церковей епархии, принято говорить: Архиерей взял с церкви столько то взносов, столько то в пенсионный фонд и т.п., но это не значит, что он берет их лично» [3, л. 10].

Преосвященный Мануил заключает, что все «это свидетельствует о том, что проверка была произведена не объективно, и ее нельзя было поручить тов. Горбунову, который выступил в печати со статьей, в которой он утверждал, что я взял от алатырской церкви 55000 руб., и более чем кто либо другой, заинтересован во чтобы-то ни стало доказать мою виновность» [3, л. 10]. Используя копии бухгалтерских документов Чебоксарского епархиального управления, предоставленных своим преемником на Чувашской кафедре, епископом Николаем, Владыка Мануил доказывал несостоятельность утверждения о получении лично им значительной наличной суммы денег. Специально преосвященный объяснял получение им от алатырской церкви суммы в 2250 рублей. Каковая «...действительно была [им – А.П.] получена от алатырской церкви и была в свое время израсходована на приобретение для алатырской церкви предметов церковного обихода – дикирии и трикирии. Эти предметы были переданы алатырской церкви и поставлены ею на приход». И начисление ещё одного дополнительного налога в 159 рублей 75 копеек митрополит также считает неправильным. «Вопрос об обложении меня подоходным налогом за эти 2250 руб. проверялся ранее Чебоксарским горфинотделом. По этому вопросу мною были даны подробные объяснения, на основании которых был сделан вывод о том, что я этих денег в свою собственность не обращал, а поэтому с этой суммы не должен облагаться подоходным налогом» [3, л. 11].

24 января 1962 г. преосвященным была подана жалоба министру финансов РСФСР с приложением нотариально заверенных свидетельств бывшего настоятеля алатырской церкви, председателя церковного совета, бухгалтера, а также справки Чебоксарского епархиального управления в том, что сумма 55.480 рублей поступила на счет указанного управления ещё в 1958 г. путем перечисления через банк.

Минфин РСФСР дважды возвращал дело на пересмотр Минфину Чувашской АССР, который занимался проволочками. На первое заявление о пересмотре дела чебоксарские чиновники не отвечали более двух месяцев. Когда же 4 мая 1962 г. Минфином РСФСР было дано указание произвести перерасчет, то ничего не делалось до конца июня 1962 г.

Как указывалось в заявлении митрополита Мануила, «...я ходатайствую о снятии с меня этого налога 8 месяцев. Настоящим заявлением прошу разобрать мое дело и внести ясность. Работники Министерства финансов Чувашской АССР оклеветали меня в печати в воровстве 55.480 руб. и мало того, преднамеренно всячески затягивают сроки разбора моих жалоб и указаний Министерства финансов РСФСР» [3, л. 16].

В заключении, составленном при непосредственной помощи юриста, указано на преднамеренные «ошибки» и подтасовки со стороны финработников. Несуразности заключаются в полном отсутствии свидетелей и документов, подтверждающих изъятие огромной суммы наличностью из церковной кассы сравнительно небольшого городского поселения. Справедливо отмечает неизвестный помощник митрополита Мануила: «...ведь Министерство финансов Чувашской АССР могло проверить документы алатырской церкви, ведь дело идет об остатках причтового дохода, а в церкви г. Алатыря вся плата за требы идет через кассу. Там этих доказательств нет, да и 55 тыс. в кассе алатырской церкви наличных никогда не было, т.к. деньги после выручки сдаются на расчетный счет. Справка же Чебоксарского епархиального управления также со всей ясностью показывает, что эта сумма поступила в 1958 г. через госбанк» [3, л. 16].

Начавшаяся в конце 1950-х гг. хрущевская антицерковная реакция подразумевала несколько целей как прагматического, так и идеологического характера.

Для тотального контроля над ежегодно возрастающими доходами РПЦ требовалось устранить от управления финансовой частью приходской жизни духовенство (осуществлено через запрет клирикам с 1961 г. занимать выборные должности в приходе); создать жесткую систему контроля за оборотом средств и сдачей наличности в госбанк (внедрение внешних, зачастую не церковных людей на должности бухгалтеров, казначеев, подотчетных и зависящих от местной районной советской власти и финорганов); сделать несамостоятельными в финансово-распорядительном и финансово-контрольном отношении приходские органы (светского старосту, бухгалтера, ревизионную комиссию).

Для ужесточения идеологического контроля необходимо было: минимализировать влияние духовенства вне храма (запрещение совершать все требы, кроме исповеди/причащения и соборования); дискредитировать духовенство, включая архиереев, в глазах верующих и советских людей вообще (клеветнические газетные кампании, попытки провести массовые кампании ренегатов-отказников, в первую очередь – из членов клира; громкие разоблачения финансов

афер церковников и проч.); убедить людей в «отсталости» и «неграмотности» духовенства; силовыми методами воспрепятствовать процессу восполнения духовенства.

Неизвестный доселе источник – дело об обложении митрополита Мануила незаконным налогом по Чебоксарской епархии – позволяет увидеть в действии советские технологии, направленные против РПЦ и духовенства в период хрущевской реакции. История с оклеветанием советскими чиновниками митрополита Мануила (Лемешевского) и попыткой его дискредитации служит еще одним доказательством бесплодности пропагандистской кампании, имевшей своей целью создание негативного общественного отношения к духовенству и верующим РПЦ на рубеже 50–60-х гг. XX века.

1. Подмарицын, А.Г. Ульяновско-Мелекесская епархия при архиепископе Палладии (Шерстенникове)//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41). Ч. I. С. 118–121.

2. Подмарицын, А.Г. Церковное пенсионное и денежное обеспечение заштатного, репрессированного духовенства и членов их семей в послевоенный период//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. I. С. 138–140.

3. Самарский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 1.11. Д. 289.

4. Семенова, А.П. Анализ массива письменных источников Владыки Мануила, хранящихся в фондах [Самарского епархиального церковно-исторического]музея//Шестнадцатые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2011 г. Самара, 2012. С. 10–50.

References

1. Podmaritsyn, A.G. Ul'yanovsko-Melekesskaya yeparkhiya pri arkhiepiskope Palladii (Sherstennikove)//Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 3 (41). CH. I. C. 118–121.

2. Podmaritsyn, A.G. Tserkovnoye pensionnoye i denezhnoye obespecheniye zashtatnogo, repressirovanogo dukhovenstva i chlenov ikh semey v poslevoeyenny period//Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 7 (45). CH. I. C. 138–140.

3. Samarskiy yeparkhial'nyy arkhiv. F. 1. Op. 1.11. D. 289.

4. Semenova, A.P. Analiz massiva pis'mennykh istochnikov Vladyki Manuila, khraryashchikhsya v fondakh [Samarskogo yeparkhial'nogo tserkovno-istoricheskogo]muzeya//Shestnadtsatyie ioannovskkiye chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Vysokopreosvyashchennyyshyego ioanna Mitropolita Sankt-Peterburgskogo i Ladozhskogo 9 oktyabrya 2011 g. Samara, 2012. S. 10–50.

UDC 979(470.34)+281.938+9с

ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN IN THE DIOCESE OF CHUVASHIA AND CHEBOKSARY IN THE 1950s AND 1960s (BY THE EXAMPLE OF ILLEGAL TAXATION OF METROPOLITAN MANUIL (LEMESHEVSKY))

Podmaritsyn Alexei Genandeyevich,

Samara State University,
Department of Russian History,
PhD student,
Samara archdiocese of Russian
Orthodox Church,
the Head of the Diocesan Archives,
Cand. Sc. (History),
Samara, Russia.
E-mail: algepod@yandex.ru

Annotation

The article describes an attempt of Soviet officials to slander and illegally tax Metropolitan Manuil (Lemeshevsky) at the beginning of the 1960s.

The author step-by-step analyzes actions of Orthodox hierarchy which were directed to stop public slander of Soviet press and prove that he was innocent to the fictitious financial speculation.

Key concepts:

Russian Orthodox Church (ROC),
clergy and parishes of the ROC,
Soviet press, tax authorities.

УДК 93/94

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ П.А. СТОЛЫПИНА

Смирнов Сергей Сергеевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры
государственного управления,
правового обеспечения
государственной и муниципальной
службы,
доктор исторических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: sss45@inbox.ru

Аннотация

В статье изложены основы новой геополитической концепции переселенческой политики П.А. Столыпина. Организация переселенческого дела рассматривается как этап в реализации общей геополитической стратегии России, осуществлявшейся на протяжении ряда столетий.

Ключевые понятия:

Столыпинская аграрная реформа,
переселенческая политика,
переселенческое дело,
геополитическая стратегия,
колонизация восточных районов России.

При изучении противоречивых процессов переломных эпох иногда единственно применимым становится геополитический подход, позволяющий исследователю путем переноса проблемы в более широкомасштабную систему пространственно-временных и полисубъектных отношений найти закономерности даже там, где связь времен кажется разорванной. Применительно к целому ряду дискуссионных вопросов российской истории, связанных с особенностями естественно-географических условий, демографической ситуацией, колониционными процессами, геополитический подход представляется особенно эффективным.

В исторической литературе господствует взгляд на переселенческое дело при правительстве П.А. Столыпина как на одну из важнейших составных частей аграрной политики, нацеленной на разрушение крестьянской общины и создание таким путем слоя «крепких» крестьян-кулаков, которые наряду с помещиками являлись бы экономической и социальной опорой приспособляющегося к новым условиям самодержавия. В зависимости от общей идеологической ориентации авторов результаты этой политики в советской исторической литературе оценивались негативно, в постсоветской, наоборот, положительно, а все издержки списывались на отсутствие у реформатора двадцати спокойных лет, необходимых для завершения аграрной реформы. Но, в любом случае, деятельность переселенческих учреждений напрямую связывалась с проведением в жизнь именно аграрного курса.

Так, известный исследователь столыпинских реформ А.Я. Аврех писал: «В задачу переселенческого управления входило разрядить земельную тесноту прежде всего в центральных губерниях России, где малоземелье и безземелье крестьян были особенно остры» [1, с. 89]. Соответствующим образом оценивались и результаты этой деятельности: «переселения не разрядили сколько-нибудь значительно земельной тесноты. Число переселенцев и ушедших в города не поглощало естественного прироста населения». Главным итогом стало массовое возвращение на родину, но уже без денег и надежд, ибо прежнее хозяйство было продано. За 1906–1916 гг. из-за Урала возвратилось более 0,5 млн человек, или 17,5%; в 1910–1916 гг. доля возвратившихся составила 30,9%, а в 1911 г. – 61,3% [1, с. 89–90]. Иными словами, переселенческая политика потерпела полный провал.

Вывод этот настолько очевиден, что его трудно опровергнуть. Да никто серьезно и не пытался это сделать. Даже в публикациях, положительно оценивающих деятельность «великого реформатора», характеристика его переселенческой политики либо отсутствует

вовсе, либо авторы прямо признают, что «реформа не смогла повлиять на увеличение крестьянского землепользования в центре страны» [17, с. 99]. И это действительно так. Простое сопоставление числа выезжающих на окраины крестьян с темпами естественного прироста населения в Европейской России – наглядное тому подтверждение.

С другой стороны, высокий процент «обратных» переселенцев также свидетельствует, скорее, о провале переселенческой эпопеи, чем о ее триумфе, во всяком случае, на первый взгляд. Удивляет здесь лишь одно обстоятельство: самих организаторов крестьянского движения за Урал высокий удельный вес возвращавшихся назад, видимо, не особенно тревожил. Сообщая в июне 1907 г. о положении дел в Сибири и на Дальнем Востоке, главноуправляющий землеустройством и земледелием писал с явным оптимизмом: «Количество зарегистрированных обратных ходок весьма незначительно: из 120000 человек отмечено обратных только 45000 и следовательно до 75000 поныне остается еще в Сибири» [12, л. 2–6]. Таким образом, свыше трети вернувшихся «без денег и надежд» – это факт менее значительный по сравнению с тем, что несколько десятков тысяч человек все же закрепились на сибирских землях.

Действительно, в масштабах Европейской России лишние полмиллиона разорившихся за десятилетие крестьян были величиной достаточно небольшой, практически незаметной. Собственно говоря, практически незаметной величиной были и те 3,3 млн крестьян, которые в 1906–1914 гг. переселились на окраины. Ведь за эти же годы население пятидесяти европейских губерний выросло примерно на 15 млн человек. Зато для слабозаселенных окраин эта величина являлась весьма заметной. И если допустить, что главной целью переселенческой политики являлась колонизация окраин, то оптимизм чиновника становится вполне понятным и объяснимым.

Вообще, при подходе к переселенческому делу лишь как к составной части аграрной реформы многое в нем может показаться нелогичным и даже противоречащим ее целям и духу. Совсем иное впечатление создается, если подходить к нему с позиций российской геополитической стратегии, в которой колонизация и русификация восточных районов империи занимали важнейшее место.

Начнем с того, что переселенческий вопрос возник задолго до прихода правительства Столыпина и не исчез после его ухода. Более того, не исчез он и после «ухода» всего общественного строя, который олицетворял Столыпин. Крестьянское продвижение на

восток имело давние традиции и носило объективный характер. Теоретически идею неподвластности миграционного процесса социальной политике в наиболее общей форме сформулировал В.О. Ключевский: «История России есть история страны, которая колонизируется... То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней...» [8, с. 24–25].

Интенсивное железнодорожное строительство начала 1890-х гг. перенесло переселенческий вопрос из области скорее теоретической в сферу практической колонизационной политики.

К началу столыпинских реформ сеть одних только казенных дорог оценивалась в астрономическую цифру – 4,5 млрд руб. Из них Сибирская, Забайкальская и Уссурийская создавались не из коммерческих, а из военно-политических соображений. Из стратегических же соображений прокладывались в Сибири вторые колеи, основывались воинские продовольственные пункты [4, с. 264–267]. На повестку дня встал вопрос о заселении и хозяйственном освоении примыкающих территорий.

Все это резко изменило взгляды правительства на суть и значение переселенческого дела. Был образован фонд в 21,9 млн руб. «на вспомогательные мероприятия, связанные с постройкой Сибирской дороги и имеющие целью как облегчение сей постройки, так и содействие заселению и промышленному освоению прилегающих к дороге местностей» [2, с. 459]. Непосредственно на освоение выделенных под заселение земель за первое пятилетие деятельности комитета было ассигновано почти 12 млн руб.

Уже в то время заметно проявилась одна важная особенность в организации переселенческого дела, сохранявшаяся и в последующие десятилетия: львиная доля средств выделялась на создание соответствующей инфраструктуры, без которой колонизационный процесс, как способ включения окраин в сферу экономической жизни государства, был бы невозможен. Непосредственно на помощь в устройстве хозяйства самих переселенцев выделялось средств относительно немного, и то главным образом в виде ссуд, хотя и льготных, но подлежащих возврату.

Новое отношение к переселенческому делу, как к колонизационному процессу, было сформулировано императором в выступлении на заседании КСЖД 3 марта 1895 г., в котором он подчеркнул «крайне благоприятное влияние переселений на политическое и экономическое развитие Сибири, способствующих насаждению там русской культуры и содействующих достижению правительством задачи ближайшего

объединения наших азиатских владений с Европейской Россией» [9, с. 121–122].

По словам известного специалиста в области аграрных отношений А.А. Кауфмана, в основу организации переселенческого дела Комитетом были положены «не столько виды общей государственной земельной политики, сколько специальная задача заселения и оживления района Сибирской железной Дороги» [7, с. 537]. А созданное в 1896 г. для непосредственного руководства переселенческим делом Переселенческое управление Кауфман считал «типичным министерством колоний» [7, с. 538].

Как видим, стратегические цели новой переселенческой политики были определены еще в середине 1890-х годов. Тогда же, то есть в конце XIX – самом начале XX века, была создана материальная и организационная база, позволившая П.А. Столыпину осуществлять переселенческую политику более энергичными темпами. Однако по большому счету все, что делалось правительством П.А. Столыпина в этой области, являлось лишь продолжением и развитием начатого еще С.Ю. Витте.

Если отказаться от предвзятого мнения о тесной связи переселенческой политики со столыпинской аграрной реформой и на передний план поставить ее колонизационную сущность, то очевидной становится ее преемственность с политикой КСЖД, а если отказаться от привычки во всем противопоставлять до- и послеоктябрьский периоды, то можно обнаружить черты преемственности и в миграционной политике Советского государства. Ведь объективные причины и условия миграционных процессов в Советском Союзе, по крайней мере до начала массовой коллективизации, во многих отношениях оставались прежними и, следовательно, требовали от государственной власти адекватных действий по их регулированию. Все это позволило специально исследовавшим данный вопрос М.И. Бродкину и С.В. Максимову прийти к выводу, что «на протяжении первого после-революционного десятилетия в миграционной политике не было ничего принципиально нового» [3, с. 126].

Рассмотрим теперь с позиций предложенной нами концепции некоторые более частные стороны переселенческой политики периода столыпинских реформ. В сборнике «Аграрная реформа Столыпина» высказана интересная мысль о том, что переселенческое дело являлось важной составной частью аграрной политики еще задолго до прихода к власти кабинета П.А. Столыпина и что последний лишь перенес акцент с попыток «любым путем разрядить сельское население

в центре России», «сбыть побольше беспокойных крестьян в Сибирь» и этим «притупить» аграрные противоречия в центральных районах страны» [14, с. 4] на «ставку на сильных» в переселенческом деле. Действительно, принципиально новый подход к целям и задачам переселенческого движения был заложен еще КСЖД и закреплен законодательно сначала во Временных правилах, а затем и в законе 6 июня 1906 г. Причем, последний был принят после долгой борьбы со сторонниками приоритета интересов землеустройства крестьян в европейских губерниях, выразителем которых был министр внутренних дел В.К. Плеве. По новому законодательству лица, переезжавшие с одобрения переселенческого чиновника на заранее приготовленные участки, получали государственную помощь в виде организованной перевозки по льготному тарифу в специальных переселенческих поездах – с питанием, врачебной помощью и санитарным надзором, с правом пользования переселенческими пунктами. Им предоставлялись льготные ссуды, а иногда и пособия.

По переселенческому тарифу № 5–1909 г. проезд взрослого человека от Варшавы до Владивостока стоил менее 15 руб., а до Омска – менее 6 руб. [13, с. 167]. Это было примерно в десять раз дешевле, чем подобное путешествие по английской железной дороге и в четыре раза дешевле, чем по самой дешевой в Европе австрийской.

Попытка рассматривать переселение как «одно из важнейших звеньев новой аграрной политики», обусловленной крестьянскими волнениями осени 1905 г., ведет к ошибочной трактовке сути закона 6 июня 1904 г. и к переоценке значения Указа 10 марта 1906 г., якобы принятого под давлением этих волнений. Согласно этому взгляду, «изданный 6 июня 1904 г. новый закон о переселении мало что изменил в существующем законодательстве по данному вопросу. Он лишь слегка очистил его от некоторых ограничительных норм» [14, с. 323].

С тем, что закон «мало что изменил», согласиться, пожалуй, можно, так как он в виде «временных правил» фактически уже действовал со второй половины 90-х годов, и его принятие можно считать формальным. Но и указ 1906 г. не мог отменить «существующие стеснения», поскольку они к тому времени уже были отменены. Ехать на общих основаниях, то есть без льгот, не запрещалось и до указа. Таким образом, и в законодательной практике мы не обнаруживаем ничего противоречащего курсу, избранному тем же Комитетом Сибирской железной дороги.

Весьма своеобразно осуществлялась в районах колонизации и пресловутая «ставка на сильных». Теоретически зажиточный переселенец, опять же с точки зрения колонизационной политики, всегда был предпочтительнее бедняка. Практически же «сильные» (по вполне понятной причине: от добра добра не ищут) переселялись не так охотно, как беднота и середняки. Лозунг самого правительства был такой: «Правительство никого не приглашает переселяться, а заботится только о том, чтобы оказать возможную помощь решившимся на это дело, чтобы всем были известны условия переселения и льготы, предоставляемые переселенцам» [11, с. 4].

Оставался лишь один путь: рекомендовать местным землеустроительным органам поощрять создание отрубов и хуторов или хотя бы стимулировать переход переселенцев к подворному землепользованию. В целом же крестьянам было предоставлено право самим решать вопрос о землеустройстве. В итоге к 1916 г. из примерно 400 тыс. переселенческих семей поселились на хуторах 5395 и на отрубях – 66403. Среди последних только 40,9 тыс. имели отруба, сведенные в один участок, остальные владели укрепленными землями чересполосно [2, с. 232, 218].

Исследования последних лет показывают, что Сибирь начала XX в. отличалась от Европейской России не большим числом «фермерских» хозяйств, а наличием сети кооперативов, особенно в маслоделии, поощряемых государством [5, с. 19–56, 106–140].

С другой стороны, укрепление наделов в частную собственность в районах выхода нисколько не противоречило целям и задачам колонизационной политики, а только способствовало их осуществлению: получив такое право, даже разорившийся крестьянин мог выручить от продажи земли достаточно крупную сумму денег, чтобы попытаться завести новое хозяйство на бесплатно полученном переселенческом участке. Классовая суть аграрной политики в данном случае не должна заслонять геополитического аспекта переселенческого вопроса.

Динамика расходов на переселенческое дело также подтверждает постоянство курса на хозяйственное освоение окраин. Только по линии Переселенческого управления они выросли с 4,9 млн руб. в 1906 г. до 29,3 млн в 1914 году, а в пересчете на одного переселенца – с 22,6 руб. до 87,2 руб. соответственно [16, с. 45–51].

По мере освоения наиболее доступных и удобных для сельского хозяйства районов, все большее значение в колонизационном

процессе приобретало заселение приграничных областей. А поскольку «принудительно заселять границы уже невозможно», было признано, что все меры правительственного содействия добровольному крестьянскому поселению в эти местности имеют стратегическое значение [2, с. 493].

На этом основании переселявшимся в такие места крестьянам давались дополнительные льготы [15].

К началу Первой мировой войны, наряду со стратегическим фактором, все большее значение в переселенческой политике придается экономическим интересам. Этому способствовали успехи хозяйственного освоения окраин российскими крестьянами.

В разработанной в годы войны Переселенческим управлением программе «Об основаниях размещения населения по сельскохозяйственной территории», являвшейся частью более общего плана подготовительных работ к новой земельной реформе, в основу концепции миграционной политики были положены не социально-аграрные, а народно-хозяйственные ориентиры. Предлагалось даже сам термин «переселение» заменить на «колонизацию» как более соответствующий сути происходившего процесса. Реализация этой политики предполагала, прежде всего, «количественное и качественное увеличение производительных сил страны» [6, с. 142–144]). Рассчитанный на пятилетие план колонизации Сибири предполагал интенсивное промышленное освоение его колоссальных природных ресурсов, превращение из сырьевого придатка в особый экономический регион. В связи с этим предусматривался отказ от сословного принципа наделения переселенцев землей. Реализация этого плана, но уже на иной общественно-экономической основе, осуществлялась в советский период истории России.

Итак, с точки зрения геополитической стратегии главное содержание долгосрочной переселенческой политики последнего десятилетия XIX – первых десятилетий XX в. заключалось не столько в попытке разрешения аграрного вопроса в центре страны, сколько в планомерной колонизации ее окраин, и в этом смысле, несмотря на очевидные, издержки и неудачи, эта политика была успешной.

1. Аврех, А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991.

2. Азиатская Россия. Т.1. – СПб., 1914.

3. Бродкин, М.И., Максимов С.В. Макроанализ структуры миграционных потоков // Отечественная история. – 1993. № 5.

4. Витте, С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов – СПб., 1910.

5. Емельянов, Н.Ф., Пережогина, И.Н., Семёнова, О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. – Курган, 1994.

6. Журнал Комиссии по вопросам переселения и колонизации // Вопросы колонизации. Вып. 20.

7. Кауфман, А.А. Переселенческая политика // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. – б.м. и б.г.

8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. – М., 1911.

9. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. – СПб., 1900.

10. Переселение в Сибирский край в 1929 году. – М., 1929.

11. Переселение за Урал в 1914 году. – СПб., 1914.

12. РГИА.Ф. 1276, Оп. 1. Д. 510.

13. Сборник узаконений и распоряжений по передвижению переселенцев. – СПб., 1914.

14. Сидельников, С.М. Аграрная реформа Столыпина. – М., 1973.

15. Смирнова, В.Е. «Духовно-нравственные нужды» крестьян-переселенцев в сметах Переселенческого управления // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Российского севера. – Киров, 1995.

16. Тресвятский, В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. // Вопросы колонизации. Вып. 20. – Пг., 1917.

17. Тюкавкин, В.Г. Второй период столыпинской аграрной реформы (1910–1914 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. – М., 1994.

References

1. Avrekh, A.Ya. P.A.Stolypin i sud'by reform v Rossii. – М., 1991.

2. Aziatskaya Rossiya. T.1. – SPb., 1914.

3. Brodtkin, M.I., Maksimov S.V. Makroanaliz struktury migratsionnykh potokov // Otechestvennaya istoriya. – 1993. № 5.

4. Vitte, S.YU. Printsipy zhelezнодорожных тарифов по перевозке грузов – СПб., 1910.

5. Yemel'yanov, N.F., Perezhogina, I.N., Semёnova, O.G. Krest'yanskiy sotsializm v Zaural'ye pri kapitalizme. – Kurgan, 1994.

6. Zhurnal Komissii po voprosam pereseleniya i kolonizatsii // Voprosy kolonizatsii. Вып. 20.

7. Kaufman, A.A. pereselencheskaya politika // Entsiklopedicheskiy slovar' «Granat». Izd. 7. – б.м. и б.г.

8. Klyuchevskiy, V.O. Kurs russkoy istorii. CH.1. – М., 1911.

9. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselenchskim voprosom. – SPb., 1900.

10. Pereseleniye v Sibirskiy kray v 1929 godu. – М., 1929.

11. Pereseleniye za Ural v 1914 godu. – SPb., 1914.

12. РГИА.Ф. 1276, Оп. 1. Д. 510.

13. Sbornik uzakoneniya i rasporyazheniya po peredvizheniyu pereselentsev. – SPb., 1914.

14. Sidel'nikov, S.M. Agrarnaya reforma Stolypina. – М., 1973.

15. Smirnova, V.Ye. «Dukhovno-nravstvennyye nuzhdy» krest'yan-pereselentsev v smetakh Pereselencheskogo upravleniya // Religiya i tserkov' v kul'turno-istoricheskom razvitii Rossiyskogo severa. – Киров, 1995.

16. Tresvyatskiy, V. Itogi pereselencheskogo dela za Uralom za desyatilietie s 1906 po 1916 g. // Voprosy kolonizatsii. Вып. 20. – Пг., 1917.

17. Tyukavkin, V.G. Vtoroy period stolypinskoy agrarnoy reformy (1910–1914 gg.) // Formy sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva i gosudarstvennogo regulirovaniya. – М., 1994.

UDC 93/94

GEOPOLITICAL ENTITY OF P.A. STOLYPIN MIGRATION POLICY

Smirnov Sergei Sergeevich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Professor of the Department
of Public Administration,
Legal Support
of State and Municipal Service,
Dr. Sc. (History),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sss45@inbox.ru

Annotation

The article dwells upon principles of new geopolitical idea of Stolypin migration policy. Migration policy organization is considered as a stage in realization of Russian geopolitical strategy which has been realizing during a number of centuries.

Key concepts:

Stolypin agrarian reform, migration policy, migration case, geopolitical strategy, colonization of eastern parts of Russia.

УДК 34 (09)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УПРАВЛЕНИЕ КАНЦЕЛЯРСКИМИ КАДРАМИ

Воропанов Виталий Александрович,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой государственного
управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: voropanov@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется развитие
канцелярской службы в Российской
империи во второй половине XVIII в.

Ключевые понятия:

Российская империя,
государственная гражданская служба,
административное право.

Вступление на престол Екатерины II ознаменовалось началом комплексной административной реформы в России. Цель статьи заключается в изучении результатов развития государственной гражданской службы и системы управления ею, являвшегося приоритетным направлением реформаторской деятельности верховной власти. В первой части статьи исследовано развитие государственной гражданской службы в канцеляриях – аппаратах государственных органов.

«Младшую» группу государственных гражданских служащих представляли работники, занимавшие должности копиистов, подканцеляристов и канцеляристов. Формирование аппаратов уездного уровня осуществляли органы губернской администрации – губернаторы и губернские правления. Государственные органы губернского звена, включая отраслевые казённую, уголовную и гражданскую палаты, преемственные Коллегии, закрытым по окончании реформы местного управления, самостоятельно управляли низшими кадрами¹.

Указ от 7 июня 1764 г. снизил возраст для начала действительной службы на штатной должности до 15 лет². Сословное деление подданных предопределило ограничение доступа в государственную гражданскую службу для лиц, плативших налоги, а также детей нижних воинских чинов. Законодатель стремился контролировать приток низших кадров вопреки установленным запретам³. В то же время укоренившееся предубеждение дворянства против службы в канцеляриях⁴ не позволяло верховной власти использовать высшее сословие в качестве приоритетного источника рекрутирования кадров имперской бюрократии. Екатерина II могла лишь пожелать, чтобы дворяне не гнушались канцелярской работой и прилагали усилия к изучению законодательства и правил судопроизводства, гарантировавшему им успешную карьеру (*«Весьма желательно, да и главнокомандующему или губернскому правлению нужно поощрять, чтоб молодые дворяне по окончании наук употребляли себя в к научению не меньше для них полезному знать законы своей земли и образ судопроизводства;*

¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12465. П. 1; т. XVIII. № 12465. П. 1, № 13128, 13613, 14180; т. XXI. № 15193. П. 2.

² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XI. № 8195; т. XVI. № 12175. П. 1

³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XII. № 9008; т. XIX. № 13596, 13760, 13857; т. XX. № 14831. П. 5.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XI. № 8043.

а для сего б определялись в приказы, не вменяя отнюдь в предосуждение благородству, приобретать от первых степеней канцелярских сведения и способности в делах, и в них столько изощряться, чтоб могли, поступя в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей» [4, Предисловие]⁵.

«Канцелярская служба от Петра I до Александра I была всеословной», – подтвердил мнение дореволюционных авторов современный исследователь [3, с. 42]. Прежде всего, хроническая нехватка делопроизводителей в государственных органах обусловила наследственный характер статуса канцелярских работников. Герольдмейстерская контора вела полный учёт социальной группы («сколько их во всех местах, как у дел, так и не у дел состоит, а особливо о их детях»)⁶. Недворянин мог получить увольнение на основании медицинского освидетельствования и документального подтверждения его неспособности исполнять обязанности по состоянию здоровья⁷. После присвоения табельного чина и прав личного дворянства канцелярский работник лишался права перейти на военную службу⁸. Указ от 14 апреля 1746 г. грозил лицам, уклонявшимся от канцелярской службы, конфискацией недвижимого имущества («домов и деревень»)⁹. Сыновей канцелярских работников, признанных непригодными для гражданской службы («которые к приказным делам совершенно негодны и впредь к обучению за возрастом их ненадежные»), следовало направлять в распоряжение Военной коллегии¹⁰. Екатерина II вновь предупредила¹¹ «праздношатающихся» лиц о принудительном рекрутировании в армию¹².

Расширение штатов местных государственных органов сделало отступление от приоритетов, декларируемых законодателем, насущной необходимостью. В указе от 24 декабря 1778 г. Екатерина II выразила

пожелание, чтобы канцелярские должности «занимаемы были по большей части таковыми людьми, которые упражнениями своими преуспевая в познании законов, и образа судопроизводства и течения дел, открыли бы путь себе к дальнейшим степеням в службе», предложив срочно компенсировать нехватку кадров лицами из числа избыточного потомства церковнослужителей и учащихся семинарий («ниже риторического класса»), а также не внесёнными в списки налогоплательщиков («в подушный оклад неположенных людей, равно из купечества и из помещичьих на волю отпущенных»)¹³. Указ от 11 апреля 1784 г. не только подтвердил для представителей духовного сословия, оказавшихся за штатами церковнослужителей, право поступления на государственную гражданскую службу, но и повелел отбирать выпускников семинарий, проявивших преимущественные «склонности к гражданской службе»¹⁴.

Из-за нехватки канцелярских кадров вскоре после начала реализации реформы местного управления наместники ходатайствовали перед Екатериной II о разрешении принимать на гражданскую службу выходцев из «податных» сословий: генерал-губернатор вятский А.А. Ступишин – детей чернососных и экономических крестьян, служилых людей («ланцев») [1, с. 13]; иркутский и колыванский И.В. Якоби – солдатских и казачьих детей¹⁵. Важно отметить, что очередную просьбу генерал-губернатора А.А. Ступишина о разрешении принимать на гражданскую службу лиц из числа налогоплательщиков, Сенат отклонил, сославшись на именной указ от 24 декабря 1778 г.¹⁶

Император Павел I устроил надзор за соблюдением правовых ограничений, сняв с канцелярских работников из купцов, мещан и крестьян, пожелавших продолжить службу, подушные сборы. Сенат санкционировал зачисление в штаты новых лиц,

⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19856. П. 2; ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 268. Л. 1–2.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVIII. № 13268; т. XIX. № 13596, 13972.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12535; т. XVIII. № 13128.

⁸ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14831. П. 5; т. XXIII. № 16930. П. 9.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XII. № 9279.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XII. № 8975.

¹¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.

¹² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. X. № 7216.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14831. П. 1–3. См. также: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14275. П. 46; т. XXIII. № 17212.

¹⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15978. П. 3, 4.

¹⁵ См. подр.: Бехтерев Н. Указ. соч. С. 13.

¹⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. Л. 96.

плативших прямые налоги, в виде особых исключений¹⁷. Под личным контролем монарха находился приём на гражданскую службу сыновей потомственных и личных дворян¹⁸. Восполняя нехватку канцелярских кадров в Вятской и Иркутской губерниях, указом от 18 января 1801 г. монарх предписал заместить 27 и 70 вакантных должностей соответственно младшими семинаристами («тех губерний, кои ниже риторического класса») и грамотными детьми священно- и церковнослужителей¹⁹.

К «старшей» группе должностей относились повытки (столоначальники) и надсмотрщики крепостных дел (нотариусы); должности архивариусов, регистраторов в губернских палатах и правлениях, а также переводчиков, служивших в губерниях II разряда (Санкт-Петербургской, Иркутской и Остзейских), соответствовали XIV–XIII классам Табеля о рангах²⁰. В законодательстве Екатерины II получило частичное развитие регулирование статуса наиболее ответственных должностей канцелярии, начиная с порядка отбора кандидатов на их замещение. Должность начальника «писцов крепостных дел» являлась срочной и замещалась на 2 года наиболее добросовестным канцелярским работником (из «самых добрых и правдивых людей») ²¹. По именному указу от 11 мая 1744 г. надсмотрщик крепостных дел наряду с текстом присяги подписывал особый документ об исполнении обязанностей в строгом соответствии с нормами законодательства («чтоб они в письме всяких крепостей поступали по силе указов с крайнею осторожностию, без всякаго упущения») ²². Работников, занятых в осуществлении нотариальных функций, возбранялось обременять иными поручениями («не надлежит от тех дел к прочим делам употреблять, или по своим прихотям иными делами тягость накладывать») ²³.

Указ Сената от 28 мая 1768 г. предписал коллегиям внимательнее относиться к отбору лиц на должность архивариуса («чтоб в каждом месте к определению в архивариусы присутствующими выбираемы были люди трезваго жития и неподозрительные, в пороках и пристрастиях не примеченные») ²⁴.

После проведения в 1775–1785 гг. реформы системы местного управления число переводчиков и толмачей (специалистов письменного и устного перевода) существенно возросло, их работа предусматривалась во всех периферийных областях со смешанным населением²⁵. Губернская администрация санкционировала найм переводчиков из лиц, рекомендованных общинами. Так, в апреле 1789 г. башкиры Каратабынской волости Челябинской округи избрали для работы в уездном центре сотника Якупа Илейманова, освободив его от воинской повинности. Якуп Илейманов принёс присягу на Коране в присутствии муллы на верность службе, заслушал именные указы от 24 декабря 1714 г. («О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное») и 18 июля 1762 г. («Об удержании судей и чиновников от лихоимства») и письменно обязался их соблюдать²⁶. Для подбора отдельных специалистов органами власти прилагались особые усилия. Так, в марте 1801 г. в Астрахани, где, как и во многих центрах, действовала единая группа переводчиков²⁷, военный губернатор распорядился о поиске знатоков персидского и индийского языков²⁸.

В свою очередь начальники губерний и ревизоры Сената обратили внимание правительства на проблему языковых барьеров, спровоцированную форсированным сокращением государственного аппарата в 1797 г. В частности, администрация Оренбургской губернии обеспечила двумя пе-

¹⁷ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15401.

¹⁸ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXV. № 18622; т. XXVI. № 19514; т. XXXI. № 24258; т. XXXII. № 25151, 25232; т. XXXVIII. № 28930.

¹⁹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19672, 19856. Ст. 2.

²⁰ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19723.

²¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. № 3890. Табель о рангах; т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Табл. II.

²² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VIII. № 5783. П. 2. См. также: ПСЗ РИ. Собр. I. Т. IV. № 1833, 1838, 1850, 1986, 2219; т. V. № 3436. П. 6, 24.

²³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XII. № 8938.

²⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. V. № 3436. П. 13.

²⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVIII. № 13127. П. 1.

²⁶ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Примеч.

²⁷ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. X. № 7410, 7590; т. XI. № 8550; т. XII. № 8865, 8956; т. XIII. № 9819; т. XVIII. № 12465. П. 2, № 12665, 12815, 13128; т. XXII. № 16528; т. XXVII. № 20314; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 757. Л. 444.

²⁸ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XV. № 11510. См. также: Т. VII. № 4449; т. XXII. № 16187. Ст. 92. П. 21.

реводчиками губернский центр и переводчиком каждый уездный город. Ревизоры сочли меры недостаточными [2, с. 603].

Назначение служащих на высшие в канцелярии должности, их перевод и увольнение санкционировал Правительствующий Сенат²⁹. Пётр III подтвердил право лиц, не принадлежавших к привилегированному сословию, претендовать на замещение вакансии начальника («правителя») канцелярии – секретаря («кои не из дворян, а в службе находятся без подозрения, ибо многие такие остаются без авантажей, и по достоинствам своим награждения лишаются»)³⁰. Законодатель требовал проводить объективный отбор компетентных и добросовестных кадров на руководящую должность («таких, которые совершенно те должности исправлять могут, и прежде ни в каких пороках и подозрениях не были, а по страстям или прихотям отнюдь не представлять»)³¹. Должности протоколистов в губернских судах и органах губернского управления и секретарей соответствовали XIV–XI классам³². Их процессуальные обязанности скорректировали и закрепили указы Сената от 11 декабря 1767 г. («О записывании резолюций в журналах явственно, дабы при составлении приговоров оставалось только подкрепить силу приказанья обстоятельством дела и законами») и от 13 ноября 1769 г. («О подписи протоколов, журналов и докладных реэстров»). Законодатель поддерживал самостоятельность секретаря, разделявшего с членами коллегии государственного органа («присутственного места») ответственность за принятие противоправного решения.

Законодатель обязал каждого канцелярского работника отклонять неправомерные приказы и поручения непосредственного начальника³³ и гарантировал им защиту чести и личного достоинства³⁴. Юридические ус-

луги частным лицам без разрешения секретаря были строго запрещены³⁵, отставным служащим возбранялось исполнять роль «поверенных» в делах³⁶. В Сибири с 1701 г. действовал особый запрет для служащих вступать в торговые отношения³⁷. Каждый канцелярский работник обязался не только неукоснительно соблюдать требования к его должности («об отправлении каждому из них порученного ему дела с ревностию и радением»³⁸), хранить порядок в делах и тайну их производства, но и соблюдать этические нормы, вести нравственный образ жизни³⁹. Так, в июле 1787 г. Вологодское наместническое правление напомнило работникам канцелярий о недопустимости пьянства, а также проявлений роскоши и делания долгов, в ноябре – о запрете на ношение «цветной одежды»⁴⁰. Виды юридической ответственности канцелярских служителей и чиновников за ненадлежащее исполнение обязанностей не разграничивались: за повторные мелкие правонарушения назначалось усиленное наказание, вплоть до увольнения, с переводом на государственную военную службу.

Верховная власть совершенствовала систему управления кадрами государственной гражданской службы, способствуя продвижению по карьере наиболее достойных лиц. 17 февраля 1763 г. Екатерина II распорядилась об обязательном ведении во всех государственных органах «послужных списков», фиксировавших персональные данные и сведения о карьере офицеров и чиновников, в связи с тем, что «за недостатком надлежащих известий о верной и безпорочной службе, могут входить в произвождение по старшинству и при отставках такие, которых худыя свойства и худое поведение, если б оныя в вышних местах сведомы были, должны б служить справедливым к тому препятствием, для сохранения в каждом любочестия и ревности к службе Ея Императорского ве-

²⁹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XII. № 8865; т. XV. № 11510; т. XVIII. № 12465. П. 2, 3.

³⁰ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. № 3890. Табель о рангах; т. VII. № 4449; т. XV. № 11510; т. XXII. № 16187. Ст. 92. П. 21; т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Табл. II.

³¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VII. № 4423.

³² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. № 3534. Гл. LIV; т. XXVIII. № 21398. П. 1.

³³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12648.

³⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIX. № 13617; т. XXI. № 15172.

³⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. IV. № 1822. П. 28.

³⁶ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12714.

³⁷ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. III. № 1608; т. VI. № 3534. Гл. XXXIV, XXXV, XXXVII, LIV.

³⁸ ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 639. Л. 1-1 об.; ф. 831. Оп. 1. Д. 429. Л. 1-5.

³⁹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XV. № 11772; т. XVI. 11769, 12030, 12104, 12287, 12289. Инструкция пехотного полка полковнику. Гл. I. П. 3, гл. VIII. П. 2., Лит. В; т. XVII. № 12476; т. XIX. № 13690, 13991; т. XX. № 14292, 14353, 14574, 14588; т. XX. № 15529; т. XXII. № 16641; т. XXIII. № 16941, 17041, 17216, 17390; т. XXIV. № 17898; т. XXV. № 18440; т. XXVI. № 19488.

⁴⁰ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXV. № 19158.

личества», а также выдаче «аттестатов» («о верной и безпорочной службе») тем, кто был представлен к награждению очередным чином или к отставке⁴¹.

Представление канцелярских работников к производству в табельные чины осуществлял губернатор⁴². Указ Сената от 8 июня 1760 г. предусматривал производство служащих в коллежские регистраторы и коллежские протоколисты не ранее чем через 8 лет, в том числе сверх штата, если они «в звании своем содержат себя исправно, и подозрений и других худых поступков за ними не будет»⁴³. Указом от 3 марта 1763 г. Сенат поставил под свой контроль восстановление на службе канцеляристов, удостоенных при отставке чина XIV класса («*через что, у находящихся в тех канцеляриях приказных служителей, которые и старее их в службе находятся, преимуществ берут, а они тем безавантажными остаются*»)⁴⁴. Законодатель предписал выделять дворян при награждении канцелярскими чинами («*давая им по достоинству предтеми, кои не из дворян, преимущество*»)⁴⁵, однако именной указ от 31 октября 1765 г. распространил действие специальных правил чиновного производства на лиц, служивших в Сибирской и Иркутской губерниях⁴⁶. Унтер-офицеры дворянского происхождения, направленные в Герольдию для замещения гражданских должностей, поощрялись в соответствии с указом Сената от 7 декабря 1760 г. первым классным чином при условии, что «*служили добропорядочно и больше десяти лет*»⁴⁷. В то же время производство в офицеры несовершеннолетних лиц, противоречившее целям кадровой политики, запретил именной указ от 8 марта 1763 г.⁴⁸ Именной указ от 16 декабря 1790 г. установил 3-летний срок выслуги в каждом чине («*разумея до 8 класса*»)⁴⁹.

Екатерина II полагала добиться повышения эффективности в работе нижнего звена государственного аппарата посредством стабильных выплат жалованья⁵⁰. Укоренившуюся в России практику «кормлений» от дел, подтверждённую относительно канцелярских служащих в 1726 г.⁵¹, императрица публично осудила. На расходы канцелярий и оплату труда их работников в органах уездного звена полагалось в год от 238 рублей в губерниях I разряда или 300 рублей в губерниях II разряда (в нижнем земском суде) до 588 или 650 рублей (в уездном суде), в губернских судах – от 390 или 600 рублей (в совестном суде) до 2103 или 2500 (в верхнем земском суде), в губернских палатах и губернском правлении совместно соответственно – 6980 или 11200 рублей. Размер оплаты труда секретарей в уездных органах составил 200 рублей, в губернских – 250 и 375–450 рублей⁵². Губернская администрация осуществляла финансирование расходов по мере укомплектования штатов государственных органов⁵³.

Наместник утверждал объём выплат государственному аппарату на каждый год и в соответствии с требованиями законодателя наставлял ответственных должностных лиц начислять жалованье «*по трудам и достоинству*» служащих с учётом динамики порученных им дел, не превышая сумм общих расходов, установленных для канцелярии⁵⁴. Полноту и своевременность денежных выплат контролировали органы губернской администрации и прокуратуры⁵⁵. Размеры вознаграждения делопроизводителям, в частности в судах трёх звеньев, различались на 10–30 рублей. Так, в Пермском наместничестве копиисты в уездном суде получали по 40 рублей в год, в верхнем земском суде – по 50, в палате – по 60

⁴¹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XV. № 11066, 11540.

⁴² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVI. № 11767.

⁴³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVIII. № 12465. П. 3; т. XXXVIII. № 28930.

⁴⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. 12524.

⁴⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XV. 11159.

⁴⁶ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XV. № 11771.

⁴⁷ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIII. № 16930. П. 2.

⁴⁸ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVI. № 11989. Ст. 25, № 12259.

⁴⁹ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VII. № 4889.

⁵⁰ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Табл. II, III.

⁵¹ ГАПО. Ф. 316. Оп.1. Д. 67. Л. 1 об.-16 об.

⁵² ПСЗ РИ. Т. XVI. № 11989. Ст. 27; ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 94. Л. 7.

⁵³ ГАСО. Ф. 591. Оп.1. Д.5. Л. 49-50, 64-65; ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. Л. 1-2.

⁵⁴ ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 1 об.-16 об.; д. 76. Л. 80, 115; ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.-3; См. также: ГАКО. Ф. 1228. Оп. 2. Д. 1553; ф. 1376. Оп. 1. Д. 13; ф. 1378. Оп. 1. Д. 5; ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 94.

⁵⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 18278; т. XXV. № 18507.

рублей в год, подканцеляристы – 50, 70 и 80, канцеляристы – 80, 90 и 110, регистратор и архивариус в верхнем земском суде получали по 120, в палате – по 140 рублей в год⁵⁶. Среди привилегий, дарованных городским сословиям, значились источники доходов, поступавших на реализацию их нужд, в связи с чем финансирование расходов на канцелярских служащих, трудившихся в органах городского общественного управления, после 1785 г. осуществлялось по решению городских дум.

Император Павел I счёл необходимым привлечь к участию в расходах на содержание местного государственного аппарата поместное дворянство, наделённое сословными преимуществами, поставлявшее кадры на классные должности («чтоб он общим надобностям способствовал от собственных своих стяжаний»), отметив в указе от 18 декабря 1797 г., что правительство ограничило губернские штаты «сущюю надобностию». Суммы ориентировались на общую доходность имений от одной тысячи рублей (в Астраханской губернии) до 104 (в Литовской губернии)⁵⁷.

1. Бехтерев, Н. Открытие Вятского наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. матер. К истории Вятского края. Т. I. Вятка, 1880. С. 9–33.

2. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V [Текст] / Сост. Н.Ф. Демидова; под ред. С.М. Васильева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 784. с.

3. Писарькова, Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии [Текст] / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29–44.

4. Правиков, Ф. Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку трудами сенатского секретаря Федора Правикова [Текст] / Ф. Правиков. Ч. 1. Владимир: Типография губернского правления, 1798. 604 с.

References

1. Behterev, N. K istorii Vjatskogo kraja. T. I. Vjatka, 1880, pp. 9–33.

2. Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. T. V. Sost. N.F. Demidova; pod red. S.M. Vasil'eva. Moscow, Izd-vo AN ASSR, 1960, 784 p.

3. Pisar'kova L.F. Otechestvennaja istorija, 1996, no 4., pp. 29–44.

4. Pravikov F. Pamjatnik iz zakonov, rukovodstvujushij k poznaniju prikaznogo obrjada, sobrannij po azbuchnomu poryadku trudami senatskogo sekretarja Fedora Pravikova / F. Pravikov. Ch. 1. Vladimir, Tipografija gubernskogo pravljenijaja, 1798, 604 p.

⁵⁶ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 1 об.-16 об.; д. 76. Л. 80, 115; ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.-3; См. также: ГАКО. Ф. 1228. Оп. 2. Д. 1553; ф. 1376. Оп. 1. Д. 13; ф. 1378. Оп. 1. Д. 5; ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 94.

⁵⁷ПЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 18278; т. XXV. № 18507.

UDC 34 (09)

DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF STATE CIVIL SERVICE IN RUSSIAN EMPIRE IN XVIII CENTURY. THE FIRST PART. CLERICAL STAFF MANAGEMENT

Voropanov Vitaliy Aleksandrovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Head of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Annotation

The article analyzes the development of clerical service in the Russian Empire in the second half of the XVIII century.

Key concepts: :

The Russian Empire, the civil service, administrative law.

УДК 271.2

«РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАКТИКЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ АЛТАЯ (1900–1910-е гг.)

Куприянова Ирина Васильевна,
Алтайская государственная академия
культуры и искусств,
доцент кафедры музеологии
и документоведения,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Барнаул, Россия.
E-mail: irinak-63@mail.ru

Аннотация

В статье показана интерпретация религиозного законодательства 1905–1906 гг. старообрядцами Алтая в контексте соответствия их интересам и целесообразности его использования.

Либерализация старообрядческого законодательства, которая, на первый взгляд, была обращена исключительно к выгоде старообрядцев, давая им широкую возможность модернизации религиозно-общественной жизни, в то же время таила в себе угрозу обмирщения, утери религиозной идентичности, размывания старообрядческих традиций, проистекавшую от неизбежного расширения связей с государством и обществом.

Ключевые понятия:

Манифест 1905 года, религиозное законодательство, религиозная свобода, «золотое десятилетие старообрядчества», старообрядческая община.

С выходом в свет Высочайшего Указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля и Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. радикальным образом изменилось положение в области старообрядческого законодательства. Впервые за всю послераскольную историю на самом высоком уровне признавалось, что «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий». Затем признавалось право старообрядцев строить свои молитвенные дома и преподавать Закон Божий силами духовных или светских учителей своего исповедания; лица, отправлявшие требы в старообрядческих общинах, получали наименование «настоятелей и наставников» и включались в духовное сословие; вводилось наименование «старообрядцы» вместо прежнего – «раскольники» [1, с. 257].

В развитие этих актов 17 октября 1906 г. был издан Именной Высочайший Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», в котором были более конкретно прописаны права и обязанности старообрядцев. В его основу было положено понятие религиозной общины как самоуправляющейся единицы с правом юридического лица.

Возможность образовывать общину предоставлялась старообрядцам для свободного и открытого отправления духовных потребностей: внутри нее должна была сосредоточиваться вся их религиозно-общественная жизнь. Для регистрации общины в губернском правлении требовалась подача документов, содержащих информацию о данной группе верующих, в том числе персональные сведения об учредителях. Вся информация о выборных лицах и вообще о делах общины также поступала в губернское правление [2, с. 904–914].

При общей разрешительной направленности, Указ 17 октября 1906 года все же обходил несколько принципиальных для старообрядчества моментов: например, он игнорировал существование старообрядческой иерархии; в нем ничего не говорилось о самоуправлении отдельных согласий на основе принципа соборности; отсутствовало право проповеди старооб-

рядческого вероучения. Тем не менее он во многом удовлетворял запросы старообрядческих объединений; на его основе строилось их развитие в последующее десятилетие. В этот период, продолжавшийся вплоть до Октябрьской революции, старообрядчество пользовалось всевозможными гражданскими правами и свободами, обратив их на организацию и укрепление конфессиональных объединений, мобилизацию сил и средств для развития религиозно-общественной и соборно-иерархической жизни, создания инструментов популяризации и пропаганды своих вероучений, просвещения и продвижения своей уникальной культуры. В 1907 г. начался процесс регистрации старообрядческих общин, строительства культовых зданий, открытия школ; развивалась издательская деятельность: выходили старообрядческие книги, газеты, журналы. «Это была целая историческая эпоха – творческая, своеобразно стильная, торжествующая», получившая название «золотого века старообрядчества» [3, с. 407] и завершившаяся после Октябрьской революции и формирования советского законодательства о культуре.

На Алтае, как и во всей России, отношение старообрядцев к новому законоположению было неоднозначным. Среди названных актов наибольшее впечатление на них произвел Высочайший Указ от 17 апреля 1905 г., признававший права старообрядцев и не ставивший им никаких явных ограничений, и поэтому представлявшийся им «воплощением свободы как таковой» [4, л. 95]. При отсутствии правовой конкретики он интерпретировался сколь угодно широко, вплоть до активизации слухов о том, что «Сам Царь перешел в их веру и дал им права наравне с православными» [5, л. 5 об.]. В Указе о религиозной свободе алтайские старообрядцы увидели новое подтверждение истинности своей веры. Уже летом 1905 года миссионерами РПЦ было отмечено изменение поведения староверов по отношению к православному причту, в котором начинала проявляться долго сдерживаемая неприязнь: «раскольники <...> обольщенные радужными надеждами, стали держать себя особенно гордо и подняли головы выше перед православными», стали демонстрировать враждебное к ним отношение и позволять себе «разные выходки», оскорбительные для никонианского духовенства [5, л. 4-4 об.].

В отличие от Манifestа 1905 г., Положение об общинах 1906 г. вызвало в старообрядческих конфессиях разногласия,

граничившие с раздорами и разделениями: почти в каждой из них появились противники регистрации общин – так называемые «необщинники», или «противообщинники». Выдвигаемая ими аргументация основывалась на критическом отношении к закону об общинах: неприятия таких его положений, как контроль администрации над религиозной жизнью, уравнение старообрядцев с сектантами и прочими религиями [6, с. 69]. Так, например, противообщинники утверждали, что закон 1906 года понимает общину не в древнехристианском смысле, то есть не как «совокупность лиц, единомысленных по вере», а в гражданском; поэтому общинная жизнь в форме, предусмотренной законом, неизбежно поведет к «общению с “неверными”, воспрещаемому церковными правилами» [4, л. 94-94 об.].

Другое, еще более радикальное направление стояло на позиции крайнего недоверия к любым установлениям, исходящим от инославной власти. Серьезные опасения высказывались противообщинниками относительно действительных намерений государства, которым послужит религиозная свобода: «Не для того ли и дана свобода, чтобы соединить нас с никонианами?» – говорили они [5, с. 405]. Конечно, напрямую такая цель не ставилась, но в то же время государство, в рамках которого шло формирование нации буржуазного типа, было заинтересовано в сглаживании противоречий между конфессиями, особенно между ветвями православия, что повело бы к их постепенному слиянию. Для старообрядцев такая перспектива могла обернуться, ни много ни мало, потерей религиозно-культурной идентичности, которой они дорожили больше всего и за сохранение которой перенесли столько страданий. Кроме того, они боялись духовной секуляризации – обмирщения, которое уже постигло господствующую церковь.

Необщиннические настроения наиболее масштабно проявились в часовенном согласии: к «необщинникам» относилось большинство часовенных Сибири [8, с. 186]. Алтайские часовенные в подавляющем большинстве представляли наиболее радикальное их крыло: не случайно замечание Ю.В. Ключиной о том, что в Томской губернии противообщиннические тенденции были особенно сильными [9, с. 85–135]. В частности, на непримиримых противообщиннических позициях стояли авторитетные и представительные Куторские соборы, в которых участвовали

представители часовенных всей Сибири. Соборы решительно отмежевались от попыток обсудить реализацию положения об общинах, категорически отвергали идею регистрации и легализации жизнедеятельности старообрядческих объединений и решительно отлучали от общения зарегистрировавшихся одноверцев. Например, в Постановлении Собора 1912 г. говорилось: «общины не принимать, а зарегистрированных наставников считать ересиархами» [8, с. 303].

Такую же позицию занимали не менее авторитетные соборы в д. Качегарке Барнаульского уезда: один из них, прошедший в 1911 г., объявил закон об общинах «ловушкой» и отлучил его сторонников в г. Барнауле. Причем вопрос об общине был поставлен в связи с проблемой записи браков и рождения детей и был вынесен на соборное обсуждение всего лишь небольшой группой верующих; однако объявлены еретиками и отлучены от церковного общения были не только они, но и все Барнаульское общество [10, с. 26] – по-видимому, за то, что допустило «ересь» в своих рядах.

Сторонники общин в среде алтайских часовенных нашлись в основном в городских объединениях Барнаула и Бийска, которые были в явном меньшинстве. Противообщиннические взгляды продолжали оставаться преобладающими в часовенном согласии и в последующие годы; вследствие этого часовенные зарегистрировали на Алтае всего две общины.

Противообщинническое направление, хотя и не столь резко выраженное, как у часовенных, присутствовало все же и в других согласиях; борьба сторонников и противников общин в той или иной степени велась повсеместно. Сторонником общин являлся весьма влиятельный и популярный в Бухтарминском крае наставник д. Белой Ассон Емельянович Зырянов, причислявший себя к последователям согласия «соловецкой кинонии». Зырянов активно «присоглашал» одноверцев записываться в общину, что даже несколько пошатнуло его, казалось бы, незыблемый авторитет: «Старики в этом нашли ересь: «"приклонение" в общину значит, что всех хотят "подогнать под Антихриста", стало быть, Асон изменник <...>. Жили, мол, без общины <...> сотни лет и так жить будем» [11, с. 13]. Община в деревне Белой все же была зарегистрирована, что означает победу позиции общинников.

Руководители поморского согласия жестко ориентировали своих последо-

вателей на регистрацию общин; однако противообщинники, которые воспринимали закон как «утонченную прелесть от антихриста» и не хотели пользоваться им, нашлись и среди поморцев. Поэтому на I Всероссийском соборе христиан-поморцев в Москве руководителями согласия были сделаны специальные разъяснения о том, что «устройство общин не противно законам Церкви», что с помощью этого закона правительство «стремится к упрочению и упорядочению положения старообрядцев в государстве и к утверждению порядка в их внутреннем быту» [12, с. 10]. Поморский журнал «Щит веры» убеждал несогласных, «устроивших настоящий поход против общин», больше доверять гражданской власти и пользоваться данными ею правами, которых старообрядцы добивались 200 лет [13, с. 592–593].

Недоверие к общинам и, вообще, к усилиям государства по упорядочению жизни старообрядцев имело место даже в законопослушном белокрыницком согласии. Руководство Томской епархии также должно было убеждать скептиков, что в общине нет ничего греховного; в итоге все без исключения белокрыницкие общины Алтая оказались зарегистрированы.

Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных при обсуждении законодательства 1905–1906 гг. наиболее радикальными объединениями, в целом оно принесло старообрядцам видимую пользу, особенно в сравнении с их положением в предшествующий период: в основном прекратились их преследования, открылись новые возможности и перспективы. Религиозная свобода дала старообрядцам возможность провести работу в области самоорганизации, что имело большое значение для беспоповских согласий, прежде всего – поморцев. Алтайское поморство смогло укрепить свои давние связи с центром: оно было широко представлено на Всероссийских соборах, проходивших в Москве в 1909 и 1912 гг. В работе I Всероссийского собора 1909 г. принимали участие более 40 уполномоченных от Томской губернии, в их числе влиятельнейший наставник П.Е. Бобровский, который был избран в состав Духовной Комиссии и Духовного Суда [14, с. 3]. Первый Московский собор сыграл огромную роль в догматической и обрядовой унификации поморского согласия, разрешив массу назревших вопросов простыми и четкими ответами, зафиксированными в «Соборном уложении» в виде норм канонического права. Вышедшая следом книга

«Деяния Первого Всероссийского Собора христиан-поморцев» активно использовалась и изучалась: ее можно было видеть не только в каждой поморской общине, но и в домах многих грамотных поморцев, неравнодушных к вопросам веры.

Еще более эффективно использовали новые возможности томско-алтайские белокриничане, которые в последующий период сформировали свою епархию как церковно-административную единицу (с органами управления и другими структурами) и наладили ее стабильную разнонаправленную деятельность. Для этого необходимо было объединить приходы, приучить верующих к религиозной дисциплине и послушанию своему духовному руководству; наладить финансовое обеспечение религиозно-общественной деятельности. Религиозная свобода позволила епархиальному руководству решать эти проблемы не таясь, не опасаясь преследований, а значит, более динамично и последовательно.

Важным фактором самоорганизации белокриничан стало упрочение связи епархиального центра с общинами: архиереи стали свободно посещать приходы. Синодальное духовенство с тревогой отмечало, что епископ Феодосий «разъезжает открыто по епархии на двух экипажах днём по своим раскольникам с подобающими почестями», служит торжественные литургии, произносит проповеди, рукополагает иереев при многочисленной публике, разбирает «споры и доносы». Такое демонстративное поведение шокировало духовенство РПЦ: «А прежде этого не было, – писали они, – прежде услышишь о посещении раскольничьего архиерея уже после его отъезда» [15, л. 2]. Частые объезды епархии совершал и следующий епископ Иоасаф, приурочивавший к своим посещениям освящение церквей и рукоположение диаконов и священников; эти церемонии совершались им открыто и публично [16, л. 109]. Кроме того, эти поездки давали возможность непосредственно общаться с верующими, мирить, духовно укреплять и наставлять их, предупреждать отпадения; красота архиерейского богослужения привлекала в белокриничское согласие беглопоповцев, единоверцев и даже никониан [17, с. 1114].

Окрепили и связи Томско-Алтайской епархии с Московской архиепископией. Важнейшие конфессиональные вопросы рассматривались на Освященных Соборах, в работе которых первоначально

принимали участие только епископы или их уполномоченные. В 1910 г. было принято решение приглашать на будущие Соборы также священников и мирян, по двое тех и других от каждой епархии [18, с. 117]; начиная с 1911 г. Томская епархия ежегодно посылала на Освященные Соборы своих представителей, избранных на епархиальных съездах. Тесная связь с архиепископией осуществлялась также через прессу: белокриничские общины и отдельные прихожане выписывали центральные журналы – «Старообрядческую мысль», «Златоструй»; наибольшей популярностью пользовался журнал «Церковь», который можно было встретить всюду, «даже в захудалой заимке». Журнал «Церковь» и его продолжение – «Слово Церкви», нередко публиковали материалы о событиях, происходящих в Томско-Алтайской епархии: о регистрации общин, епархиальных съездах, беседах старообрядческих начетчиков с миссионерами РПЦ, об открытии и украшении храмов и др. Распространялись также брошюры сочинений известных белокриничских начетчиков Ф.Е. Мельникова, Д.С. Варакина, И.В. Шурашева [17, с. 1114–1115].

Важным следствием процесса самоорганизации можно считать окончательный разрыв старообрядцев с РПЦ: с момента издания Манифеста 17 октября 1905 г. многие из тех, кто числился православными, уклонившимися в раскол, «пришли в движение с целью выхлопотать себе отчисление от православной церкви». В одном только Барнаульском уезде в 1905–1910 гг. отчислились от РПЦ около 1200 человек. Синодальное духовенство правильно восприняло это явление как реакцию на меры принудительного присоединения старообрядцев к РПЦ в предшествующий период: «Совершился акт формального отделения от православной церкви той части приходского населения, которая и не принадлежала к ней. Факт грустный, но неизбежный» [19, с. 803].

Как следствие «религиозной свободы» можно отметить тенденцию к четкому разграничению внутри старообрядчества – выявлению и закреплению отличий между согласиями и дистанцированию их по отношению друг к другу, тогда как ранее эти границы нередко оставались размытыми, что вообще было характерно для Сибири [20, с. 12]. Таким образом, самоорганизация сопровождалась самоидентификацией согласий, необходимой для их дальнейшего развития.

Указанные процессы мало затронули тех, кто не желал использовать возможности, предоставляемые новым законодательством. Осторожность, которую проявили в данном вопросе не только противники, но и многие приверженцы общин, понятна: слишком очевидной была мысль, позднее сформулированная Ф.Е. Мельниковым: «Сила церкви внутри ее самой, а не во внешних условиях существования» [21, с. 4]. Поэтому для старообрядческих сообществ важно было определиться в отношении того, насколько они нуждаются в этих правах в своей, уже сформировавшейся духовной жизни, и понять, как все эти перемены могут отразиться на ее состоянии в будущем.

Таким образом, в позиции противников отразилась тревога за судьбу своего вероисповедания, которые испытывали наиболее дальновидные представители старообрядчества, осознававшие, что испытание религиозной свободой может оказаться значительно труднее, чем испытание гонениями: «Снят запрет, и в значительной степени утрачена прелесть сопротивления. И вот новые вожаки выдвигают новые идеалы <...> чтобы опять было бы за что бороться, чтобы снова маяк веры звал к себе из недосягаемой туманной дали» [5, с. 405].

То обстоятельство, что старообрядчество не торопилось пользоваться новыми возможностями, проявляло взвешенное и вдумчивое отношение к вопросу, а также готовность оставаться в прежнем бесправном положении ради сохранения веры, свидетельствует о его гражданской зрелости, умении понимать свои задачи и безусловном приоритете духовных ценностей. В целом «золотое десятилетие» было не столь простым периодом в истории старообрядчества, так как потребовало от него максимума организационных и прочих усилий, чтобы воспользоваться дарованными ему правами, воплотить их в реальной действительности.

1. Именной Высочайший Указ, данный Сенату. Об укреплении начал веротерпимости // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб, 1908.

2. Именной Высочайший Указ, данный Сенату. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXVI. 1906. Отделение I. СПб, 1909.

3. Мельников, Ф.Е. Краткая история древле-православной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. 557 с.

4. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 95.

5. Новоселов, А. У старообрядцев Алтая // А.Е. Новоселов. Беловодье: повести, рассказы, очерки. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1981 г. С. 381–406.

6. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 86.

7. Агеева, Е. А. Согласие старообрядцев-беспоповцев, не приемлющих общин Сибири, Кубани, Орегона. История, миропонимание, традиция // Алтарь России. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция и зарубежные связи. Большой Камень: «Омега», 1997. С. 68–71.

8. Вурграфт, С.Г., Ушаков, И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. 318 с.

9. Клюкина, Ю.В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. С. 85–135.

10. Среди Часовенных. Барнаул Томской губернии // Старая Русь. 1912. № 1. С. 25–26.

11. Гребенщиков, Г.Д. Алтайская Русь: Историко-этнографический очерк. Барнаул: Дом литераторов им. В.М. Шукшина, 1990. 16 с.

12. Труды I Всероссийского Съезда христиан-поморцев, приемлющих брак. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1909. 32 с.

13. Кокунин, И. Старообрядческие общины // Цит веры. 1912. № 7. 592–593.

14. Должностные лица, избранные на Соборе // Деяния Первого Всероссийского Собора христиан-поморцев, приемлющих брак. М., 1909.

15. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 102.

16. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 53.

17. Отчет о состоянии расколосоектанства в Томской Епархии и деятельности Томского Братства св. Димитрия Ростовского за 1911 год // Томские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1912. № 20. С. 1083–1125.

18. Постановления освященных Соборов старообрядческих епископов. 1898–1912 гг. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1913. 150 с.

19. Отчет о деятельности Томского братства святителя Дмитрия Ростовского за 1919 год // Томские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1909. № 20. С. 802–811.

20. Покровский, Н.Н., Зольникова, Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX в. Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.

21. Мельников, Ф.Е. Церковная жизнь и революция // Сибирский старообрядец. 1919. № 6. С. 2–4.

References

1. Imennoj Vysochajshij Ukaz, dannyj Senatu. Ob ukreplenii nachal veroterpimosti // PSZ. Sobr. 3-e. T. XXV. Otdelenie I. SPb., 1908.

2. Imennoj Vysochajshij Ukaz, dannyj Senatu. O porjadke obrazovanija i dejstvija staroobradcheskih i sektantskih obshhin i o pravah i objazannostjah vkhodjashih v sostav obshhin posledovatelej staroobradcheskih soglasij i otdelivshijsja ot pravoslavija sektantov // PSZ. Sobr. 3-e. T. XXVI. 1906. Otdelenie I. SPb., 1909.

3. Mel'nikov, F.E. Kratkaja istorija drevlepravoslavnoj (staroobradcheskoj) Cerkvi. Barnaul, 1999. 557 s.

4. RGIА. F. 821. Op. 133. D. 63. L. 95.

5. Novoselov, A. U staroobradcev Altaja // A.E. Novoselov. Belovod'e: povesti, rasskazy, ocherki. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1981 g. S. 381–406.

6. GAAK. F. 164. Op. 1. D. 86.

7. Ageeva, E.A. Soglasie staroobradcev-bespopovcev, ne priemljushhih obshhin Sibiri, Kubani, Oregona. Istorija, miroponimanie, tradicija // Altar' Rossii. Staroobradchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka, istorija i sovremennost': mestnaja tradicija i zarubezhnye svjazi. Bol'shoj Kamen': «Omega», 1997. S. 68–71.

8. Vurgraft, S.G., Ushakov, I.A. Staroobradchestvo. Lica, predmety, sobytija i simvoly. Opyt jenciklopedicheskogo slovarja. M.: Cerkov', 1996. 318 s.

9. Kljukina, Ju. V. Staroobradcy-chasovennye Urala v konce XIX – nachale XX vv. // Ocherki istorii staroobradchestva Urala i sopredel'nyh territorij. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2000. S. 85–135.

10. Sredi Chasovennyh. Barnaul Tomskoj gubernii // Staraja Rus'. 1912. № 1. S. 25–26.

11. Grebenshnikov G. D. Altajskaja Rus': Istoriko-jetnograficheskij ocherk. Barnaul: Dom literatorov im. V.M. Shukshina, 1990. 16 s.

12. Trudy I Vserossijskogo S#ezda hristian-pomorcev, priemljushhih brak. M.: Tip. P.P. Rjabushinskogo, 1909. 32 s.

13. Kokunin, I. Staroobradcheskie obshhiny // Shhit very. 1912. № 7. 592–593.

14. Dolzhnostnye lica, izbrannye na Sobore // Dejanija Pervogo Vserossijskogo Sobora hristian-pomorcev, priemljushhih brak. M., 1909.

15. GAAK. F. 164. Op. 1. D. 102.

16. GAAK. F. 164. Op. 2. D. 53.

17. Otchet o sostojanii raskolosektantstva v Tomskoj Eparhii i dejatel'nost' Tomskogo Bratstva sv. Dimitrija Rostovskogo za 1911 god // Tomskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj. 1912. № 20. S. 1083–1125.

18. Postanovlenija osvjashtennyh Soborov staroobradcheskih episkopov. 1898-1912 gg. M.: Tip. P.P. Rjabushinskogo, 1913. 150 s.

19. Otchet o dejatel'nosti Tomskogo bratstva svjatitelja Dmitrija Rostovskogo za 1919 god // Tomskie eparhial'nye vedomosti. Chast' neoficial'naja. 1909. № 20. S. 802–811.

20. Pokrovskij, N.N., Zol'nikova, N.D. Starovery-chasovennye na vostoce Rossii v XVIII-XX v. Problemy tvorcestva i obshhestvennogo soznanija. M.: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2002. 471 s.

21. Mel'nikov, F. E. Cerkovnaja zhizn' i revolucija // Sibirskij staroobradec. 1919. № 6. S. 2–4.

UDC 271.2

«RELIGIOUS FREEDOM» IN INTERPRETATION AND PRACTICES OF ALTAI OLD BELIEVER COMMUNITIES (1900–1910)

Kupriyanova Irina Vasilyevna,

Altai State Academy

of Culture and Arts,

Associate Professor of the Department

of Museology and Document Science,

Cand. Sc. (History),

Associate Professor,

Barnaul, Russia.

E-mail: irinak-63@mail.ru

Annotation

The article presents interpretation of religious legislation of 1950–1960s by Altai Old Believers in compliance with their interests and expediency of its usage. At first sight liberalization of Old Believers' laws was directed only to their benefit giving them an opportunity to modernize religious and social life. However, liberalization posed a threat which resulted from inevitable widening relations between state and society. Old Believers could face with secularization, loss of religious identity and their traditions.

УДК 303.425.5

МОДЕЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1989–2003 гг.)¹

Авдашкин Андрей Александрович,

Челябинский
государственный университет,
аспирант кафедры политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

Аннотация

В статье предпринят анализ основных моделей воспроизводства этнокультурной идентичности евреев в России на примере еврейского населения Челябинской области.

Как основная модель автором выделена и охарактеризована на региональном материале модель «русского еврейства».

Ключевые понятия:

этнокультурная идентичность,
модели воспроизводства идентичности,
еврейское население,
русское еврейство,
Челябинская область.

Еще столетие назад евреи составляли значительную часть населения² нашей страны, однако история еврейства остается белым пятном на этнической карте бывших союзных республик и Урала. Постановка данной проблематики обусловлена необходимостью восполнить пробел в историографии по вопросам истории евреев в России и бывшем СССР, а также по вопросам этнической истории Урала.

Говоря о еврейской идентичности, мы сталкиваемся с рядом методологических проблем, поскольку лишь незначительная часть тех, кто фиксировал в переписи свою принадлежность как «еврей», проявляет себя доступным для наблюдения и учета образом: посещение лекториев, участие в общинной жизни, воспитание детей в ее образовательной системе и т.д. Кроме того, история данного народа неразрывно связана с историей феномена диаспоральности – это и есть диаспоральность в «классическом» виде³.

Проведенный анализ феномена еврейства и научной литературы⁴, посвященной ему, дает основания согласиться с выводами М. А. Членова: еврейство не укладывается в парадигму этнической общности [14, с. 38].

Рассмотрим модели этнокультурной идентичности еврейского населения, в том числе на основании глубинных интервью⁵ с членами еврейской общины г. Челябинска.

Для формулировки первой модели попытаемся анализировать еврейство в России, опираясь на положения М. А. Членова «о русском еврействе», сформулировавшего три основные особенности этого типа, а именно:

- отдаленность от религии, атеизм;

- пассивность – подчеркивается отличие от активного способа идентификации,

¹ Исследование выполнено в рамках целевой программы «Фонд поддержки молодых учёных» ФГБОУ ВПО «ЧелГУ» «Модели этнокультурного самоопределения и воспроизводства этнической идентичности (на примере немецкой и еврейской диаспор Челябинской области 1989–2003 гг.)» (грант ФГБОУ ВПО «ЧелГУ» ФПМУ 1/14).

² В Российской империи на начало XX в. проживало порядка 3–5 млн евреев.

³ См.: Попков, В.Д. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–23.

⁴ Значительную помощь автору в проведении настоящего исследования оказали работы следующих авторов: Носенко, Е.Э. Основные тенденции изучения еврейской идентичности в России и за рубежом // Диаспоры. 2004. № 3. С. 140–168; Прошенок, Т.В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв.: Демографическое и этнокультурное развитие: автореферат дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Екатеринбург. 2000. 31 с.; Членов, М.А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 34–56; Членов, М.А. К вопросу о социалингвистической характеристике еврейской диаспоры // Диаспоры. 2003. № 1. С. 89–111; Штейн, Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.07. Москва. 2005. 50 с.; Юхнева, Н.В. Между традиционализмом и ассимиляцией (о феномене русского еврейства) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 160–178

⁵ В ходе обработки материалов индивидуальных и групповых интервью автор опирался на следующие работы: Лысенко, О.Ю., Марковская, И.М. Качественные методы социально-психологических исследований: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 106 с.; Мельникова, О.Т. Фокус-группы. Методы. Методология. Моделирование. М.: Аспект-Пресс, 2007. 320 с.; Мертон, Р., Фиске, П., Кендалл, П. Фокусированное интервью. М.: 1991. 88 с.

требующего сознательных усилий для приобретения и удержания идентичности;

- установка на социальные характеристики и систему ценностей советской интеллигенции [Цит. по: 6].

(...в синагогу я не вхожу, иудаизм не исповедую, равно как и любую другую религию. Дома висит икона и рядом с ней еврейский календарь, молитвослов и сидур⁶. Молодежь себя не идентифицирует как евреев, им это маловажно. Очень много крещенных людей, я, например, соблюдаю шабат, только когда еду на семинары, школы» [5, интервью № 4]. «Когда я попал в Израиль, было сложно. Ведь «здесь» мы привыкли, что еврей – человек высокой культуры. Но в Израиле я увидел разных евреев, которые не всегда вписывались в это понимание...». «Я все же считаю, что еврей – это принадлежность к этнической общности, а иудей – к религиозной».) [5, групповое интервью № 1].

Н.В. Юнева рассматривала данный феномен как образование субэтнической группы русских евреев, ориентирующихся на русский язык и принадлежащих одновременно к еврейской и русской культурам [15, с. 160]. Еврейское население в России исторически было подвержено двум основным тенденциям: ассимиляции и аккультурации. Более широкое распространение получила вторая из них. Первая не была связана с отказом от иудейства, а состояла в принятии (в определенных пределах) русской культурно-бытовой модели и возникновении русско-еврейского билингвизма. Иными словами речь шла о русских с самосознанием евреев.

По переписи населения 1989 г., только 1930 (из 11067) [7, с. 67] евреев владели еврейскими языками (идиш, иврит⁷). Целесообразно привести результаты микропереписи, проведенной в 1994 г. в Че-

лябинской области: еврейское население считало родным языком русский, в то время как уровень владения еврейскими языками был низок (4.8%) [12, с. 4]. Произошло «сокращение» среды идиш, евреи использовали русский язык как средство коммуникации. (*«Мои родители говорили дома только на русском, на идиш говорили в случае, если хотели что-то «скрыть» от нас. На идиш мы говорили отрывками только дома... и не всегда...»*) [5, групповое интервью № 1].

Отношения, сложившиеся между еврейскими общинами, с одной стороны, российскими властями в XIX–XX вв. и обществом – с другой, оказывали влияние на воспроизводство идентичности еврейского народа. Существовала некая политика советского государства по отношению к евреям в СССР, бытовой антисемитизм и «фольклор» советских евреев об антисемитизме⁸. Последний оказывал влияние на модели идентичности и «еврейскую жизнь». («Еврейская жизнь здесь была, она теплилась». «Не было еврейской жизни!». «Была еврейская жизнь для тех, кто хотел ей жить» «Я знаю, что подпольно пекли мацу в пекарне на ул. Сталина») [5, групповое интервью № 1].

Ответом идентичности на дискриминацию является ее трансформация – евреи предпочитали скрывать свое происхождение. (*«Многие предпочитают сказать, что они русские, нежели евреи».* «Полагаю, что евреев все же больше, чем тех, кто ходит на праздники, принимает участие в общественной жизни – многие предпочитают до сего дня не афишировать свою принадлежность») [5, интервью № 4, 5].

(«Маму били, обзывали «жидовка». Она не могла выдерживать этого давления и сменила запись в графе национальность на «русская». Я при получении паспор-

⁶ Сборник молитв в иудаизме

⁷ С самого возникновения в 10 в. и до конца 18 в. идиш был преобладающим средством устного общения евреев от Голландии до Украины, а также в ашкеназских поселениях в Италии, на Балканах и в Эрец-Исраэль. Наряду с ивритом, он был также важным средством литературного и письменного общения. В эпоху эмансипации возникло сильное стремление к переходу от идиш к нееврейским местным языкам. Волны эмиграции из Восточной Европы в конце XIX – начале XX в. привели к широкому распространению идиш в Северной Америке и ряде стран Латинской Америки, к возникновению центров идиш в Англии, Франции, Южной Африке (с следовавшим затем постепенным переходом евреев, потомков восточноевропейских эмигрантов, на языки окружающего населения). Наблюдается оживление интереса к идиш среди молодежи. Кафедры идиш существуют в Еврейском университете в Иерусалиме и Колумбийском университете в Нью-Йорке. Помимо этого, идиш исследуется и преподается во многих университетах США, Франции, Германии и других стран. Основным центром по изучению идиш является институт ИВО (Нью-Йорк), осуществляющий нормативную деятельность по стандартизации орфографии и терминологии идиш. Иврит, язык евреев, существующий уже свыше трех тысяч лет. Государственный язык Израиля, язык некоторых еврейских общин и диаспор, древняя форма иврита (иногда называемая древнееврейским языком) – традиционный язык иудаизма.

⁸ Данная тенденция может быть выделена и в иных общинах, однако это предмет отдельного исследования, за рамками настоящей статьи.

та записала так. Мы все боялись, Иосиф Виссарионович подрубил нам корни») [5, групповое интервью № 1].

Вторая плоскость модели русского еврейства предполагает образование групп «российские евреи», «светские евреи», мотивированных на сознательные усилия для приобретения и удержания идентичности.

По результатам социологического исследования, проведенного в 1989 г. инициативной группой при образовании еврейского культурного центра, языковая ситуация в общине г. Челябинска была следующей: идиш «знали хорошо» 10%, «знали слабо» 44%, «не знали» 46%; иврит «знали хорошо» 3%, «знали слабо» 2%, «не знали» 95%; 70% «считали необходимым изучение истории своего народа и готовы были это делать»; 88% «оценили свои знания еврейской культуры как «очень плохо»; 73% «считали важным изучение традиций своего народа и хотели бы изучать их»; 90% «считали необходимым изучение родного языка», их них 50% «выражали готовность изучать его: 25% – идиш, 15% – иврит, 10% – оба языка» [2, с. 341].

В заявленный период началось формирование соответствующих институтов: культурных центров, общественных организаций, призванных способствовать возрождению и сохранению идентичности. Был создан еврейский культурный центр «Фрилинг» («Весна»)⁹, ориентированный как на развитие этнокультурного самосознания евреев, проживающих в Челябинской области, так и разнообразных форм общинной жизни. Как отмечал председатель центра «Фрилинг», основное предна-

значение культурного центра – возрождение национального искусства и культуры [13, с. 8]. Кроме того, в г. Магнитогорске создали общество еврейской культуры [10, Ф. 374. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 8–10], для общины в г. Златоусте был создан культурный центр [9, с. 3].

В 1990 г. помощь литературой для изучения языка, истории и культуры еврейского народа была оказана общественными организациями г. Беер-Шевы [10, Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 52. ЛЛ. 7–8]. С 1990 г. работали летние просветительские и оздоровительные лагеря, финансируемые фондами «Сохнут» и «Джойнт»¹⁰ [2, с. 345].

В 1992 г. открылась воскресная школа для изучения языка, истории и традиций еврейского народа, языковые курсы прошло около 3 тыс. человек, община была полностью обеспечена необходимыми учебными пособиями, поступавшими от фондов «Джойнт» и «Сохнут». ЕКЦ активно проводил просветительскую работу, включавшую организацию национальных праздников, семинаров, лекций по вопросам еврейской культуры, молодежных лагерей [10, Ф. Р. 274. Оп. 10. Д. 3575. Л. 7]. Также действовали молодежная секция, секция иудаики и истории еврейского народа [10, Ф. Р. 274. Оп. 10. Д. 3834. Л. 2]. Областным Советом народных депутатов положительно отмечался опыт ЕКЦ по использованию практики воскресных школ [10, Ф. Р. 274. Оп. 10. Д. 3710. Л. 14]. Специалисты для преподавания еврейских языков приезжали преподавать в воскресной школе из Израиля [10, Ф. Р. 274. Оп. 10. Д. 3575. Л. 75].

⁹ Сокращенно ЕКЦ.

¹⁰ «Джойнт» – американский Еврейский благотворительный комитет, основан в 1914 г. для помощи евреям Палестины и Европы, страдающим от тягот. Первой мировой. После Октябрьской революции «Джойнт» помогает евреям России и Украины, наладить мирную жизнь, открывая столовые, медицинские пункты и училища. «Агро-джойнт» строит колхозы для евреев Советского Союза. В то же время «Джойнт» активно участвует в восстановлении еврейских общин в Восточной Европе, а также делает все возможное для экономического развития еврейского народа в Палестине. В 1937 г. Советский Союз запрещает деятельность «Джойнта» на своей территории. В 1989 г. после пятидесятилетнего перерыва «Джойнт» возвращается в Советский Союз, чтобы возродить в нем еврейские общины. Падение Советского Союза привело к социальной катастрофе на его территории. «Джойнт» создает систему Хэсэдов – благотворительных центров, заботящихся о пожилых евреях. Помня о своей главной цели – общинном строительстве, «Джойнт» открывает еврейские общинные центры, библиотеки, детские и юношеские лагеря. В Израиле «Джойнт» фокусируется на программах помощи новой волне иммигрантов – к концу 1990 г. туда переезжают 700 000 выходцев из бывшего СССР. С 2001 г. «Джойнт» отвечает за распределение полученной от швейцарских банков компенсации для жертв нацизма, проживающих в бывшем СССР. Система Хэсэдов продолжает развиваться, а усилия, направленные на возрождение еврейских общин, начинают приносить плоды. «Сохнут» – негосударственная, неправительственная, некоммерческая международная еврейская организация, действующая с 1929 г., с центром в Иерусалиме, которая действует непосредственно или через своих представителей в 58 странах мира. Еврейское агентство организует в странах бывшего Советского Союза систему учебных центров, помогая репатриантам всех возрастов подготовиться к алии. «Сохнут» содействует возвращению еврейского народа на историческую родину и участвует в первоначальном устройстве новых репатриантов в Израиле, служит связующим звеном между евреями диаспоры и государством Израиль, активно участвует в развитии и поддержке еврейского сионистского образования и еврейского самосознания в диаспоре.

В 1998 г. открылась начальная еврейская школа. В общеобразовательную программу были включены: иврит, английский, традиции, история и культура еврейского народа. Данные курсы вели выпускницы Днепропетровского женского педагогического училища «Бэт Хана», финансирование велось Всемирной благотворительной еврейской организацией «Хабад Любавич» [4, с. 6]. Для многих молодых людей точкой отсчета для поиска своих корней и даже последующей репатриации, получения религиозного образования стали просветительские лагеря, созданные еще в 1990-х гг. [5, групповое интервью № 1].

Важную роль в воспроизводстве идентичности играли еврейские семьи.

«В советское время было принято скрывать свою идентичность, поэтому люди старались общаться с другими еврейскими семьями. Многие ведь и сейчас ее не афишируют» [5, интервью № 5]. *«Каждую пятницу мы тайком зажигали свечи... Ну, все, как по Галахе¹¹». «...Об иудаизме я узнала от мамы...». «Первый учитель иврита в общине изучал язык по тексту Талмуда, который был сохранен в семье: преданность традиции и культуре в каждой семье все равно сохранялась. Когда община впервые собралась вместе, порядка 700 человек, на первый пасхальный седер¹², стало ясно, что удалось сохранить культуру, самосознание». «...С детства прабабушка и бабушка водили меня в синагогу, учили, рассказывали... Меня привлекает этот народ своим менталитетом, культурой, отношением к жизни». «Мой папа возрождал синагогу, мама работает в детском центре развития». «Мои родители соблюдали особенности еврейской жизни, но не акцентировали внимания на них... Одни из моих родственников были первыми «кибуцниками», имя того кибуца¹³ носит имя моего родственника».) [5, групповое интервью № 1].*

Инструментальная модель исходит из понимания этнокультурной идентичности как инструмента, основания для миграции на «историческую родину».

Данные микропереписи, проведенной в 1994 г. в Челябинской области, свидетельствуют, что отток граждан за 1989–1994 гг.

в дальнейшем зарубежье происходил среди еврейского населения [12, с. 4]. Только в 1989–1998 гг. в Израиль выехало порядка 4903 евреев [2, с. 432]. Обращаясь к данным переписей 1989 и 2002 гг., мы видим, что численность общины сократилась с 11067 до 4930 [8, с. 6]. Общая убыль ее членов в исследуемый период составила 6137 человек.

Для многих членов еврейской общины было характерно сохранение контактов с теми, кто эмигрировал, посещение страны исхода; так же феномен обратной миграции – они имели опыт проживания в государстве Израиль, но по «семейным обстоятельствам» в разное время возвращались в Челябинскую область [5, групповое интервью № 1]. В документах ОГАЧО¹⁴ мы можем обнаружить свидетельства обратной миграции, но нет ее статистики. Были примеры, когда ряд граждан, выехав в Израиль в 1989–1990 гг., возвращались обратно в Челябинск [10, Ф. Р. 274, Оп. 10, Д. 3575. Л. 74], или граждане гос-ва Израиль изъявляли желание постоянно проживать в области по семейным и личным обстоятельствам [10, Р. 700. Оп. 1. Д. 157. Л. 1].

Как бы то ни было, но менталитет эмигранта сложен, поскольку сопряжен с процессами адаптации в иных социальных, культурных, бытовых условиях.

По словам магнитогорца В. Л. Шраймана, эмигрировавшего в 1989 г.: «Эмиграция – дело не простое. Очень много приходится работать, но при этом мы не знаем, что такое голод, и то, что ощущают сейчас люди в России, которых мы очень любим» [11, с. 5]. *«В конце 90-х гг. многие уехали, в том числе мои родственники. У нашей семьи тоже была возможность уехать, но дедушка оказался против»* [5, интервью № 5]. *«Я не спорю, «там» хорошо жить, нет очередей, достаток, все есть, но мне сложно, ведь я привык жить тут, здесь вырос, здесь все люди, с которыми общался и дружил, здесь жизнь ведь прожил...»* [5, Л. 1].

Так, в письме один из эмигрировавших из г. Челябинска в Израиль в конце 1990-х гг. отмечает, что проблемами адаптации являются: язык («некоторые из-за низких навьи-

¹¹ Галаха – нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев.

¹² Слово «седер» означает в переводе с иврита «порядок», «распорядок». В данном случае – это комплекс действий, осуществляемых в определенном, строго заведенном порядке, которыми отмечается ночь Песаха, годовщина Исхода евреев из Египта.

¹³ Сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

¹⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области.

ков владения ивритом и идиш вынужденно обходятся одним русским»); трудоустройство («востребованы «технари», а не гуманитарии», «трудно получить работу, живем на пособие, которое уходит на квартиру, продукты и необходимые мелочи»); резкая смена среды обитания («я уже стар для этого») [10, Р. 1329. Оп. 1. Д. 22. Л. 8].

Ортодоксальная модель представляет воспроизводство «традиционного еврейства», его религиозной компоненты. В рассматриваемый период начала возрождаться традиционная религиозная община. Ключевой задачей последней являлось возращение здания синагоги, построенной еще в 1905 г. Наконец после переговоров с органами власти в 1992 г. синагогу передали общине.

Были образованы: религиозное объединение «Иудим», ориентированное на исповедание иудаизма и совершение религиозных обрядов, и община прогрессивного иудаизма, цель которой заключалась в изучении истории, традиций, философии, религии верующими и лицами, заинтересованными в изучении прогрессивного иудаизма. Среди целей значилось внедрение в практику равных с мужчиной прав и обязанностей женщин в выполнении заповедей в религиозной и светской жизни [10, Ф. 374. Оп. 1. Д. 39. Л. 98].

В 1995 г. в Челябинск, по направлению фонда «Хабад Любавич»¹⁵, прибыли два раввина для создания «настоящего традиционного еврейства для общины» [3, с. 6–7], открылась воскресная школа [5, Л. 2], а позднее, в 1996 г., на постоянное место жительства приехал раввин М. Кирш. В 1996 г. началась реконструкция здания синагоги. Восстанавливать его помогали местные бизнесмены, руководители предприятий, губернатор области и мэр города. Фонды «Джойнт» и «Хабад Любавич» участвовали во внутреннем оснащении синагоги. Крупнейшим событием для духовной жизни еврейского сообщества стало завершение реставрации и открытие в 2000 г. здания синагоги – первой, официально вступившей в действие после революции 1917 г., синагоги в Урало-Сибирском регионе. Здание в 2001 г. передали в безвозмездное пользование еврейской религиозной общине «Иудим» [1, с. 8]. Помимо ортодоксальной была и прогрессивная религиозная община, а большинство евреев

региона являлись атеистами [5, Л. 1]. В хабадскую общину¹⁶ мог быть включен только еврей «по матери», что является одним из основных принципов Галахи.

На примере общины Челябинской области мы можем наблюдать тенденции, отмеченные Н. В. Юхневой (низкий уровень знания языка, культуры, традиций и т.д.), но в процессе настоящего исследования автор убедился, что не все формы проявления идентичности можно фиксировать. В силу чего сложно утверждать об ассимиляции, скорее еврейство трансформируется в иные формы, среди которых есть светские и религиозные общины (реформистские и хабадские), имеет место семейная, индивидуальная форма, но их основная отличительная черта в том, что они развиваются в русле модели «русского еврейства» (кроме хабадников).

Исходя из чего представляется продуктивным выделить модель русского еврейства, как основополагающую модель этнокультурной идентичности, особенностями которой являются отдаленность от религии – русское еврейство в основной своей массе продолжает оставаться светским; фрагментарность этнокультурного самосознания (то, что М. А. Членов именoval «пассивность»); установка на социальные характеристики и ценности интеллигенции.

1. Гуревич, М.А., Иванова, Д.Б. 100-летие Челябинской синагоги [Текст] / М.А. Гуревич, Д.Б. Иванова // Челябинский рабочий. 2006. 31 января. С. 8.

2. Ерусалимчик, Г.И. Разные судьбы – общая судьба (из истории Челябинских евреев) [Текст] / Г.И. Ерусалимчик. – Челябинск, Изд-во Татьяны Лурье, 1999. 448 с.

3. Кирш, М. 100 лет Челябинской синагоге [Текст] / М. Кирш. – Челябинск, 2005. 32 с.

4. Литвер, Л. Начальная еврейская школа [Текст] / Л. Литвер // Деловой Урал. 1998. 30 октября. С. 6.

5. Личный архив автора. Материалы работы автора в еврейской общине г. Челябинска. Устные истории. (Июнь 2013 г.)

6. Львов, А. В поисках русского еврея [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lvov.judaica.spb.ru/rusj.shtml#port> (дата обращения: 01.02.2014 г.)

7. Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.), (Госкомстат РСФСР, Челябинск, 1990. 91 с.

8. Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи

¹⁵ Благотворительный фонд, цель которого – развитие еврейских общин по всему миру, в том числе в бывших республиках СССР.

¹⁶ Ортодоксальную религиозную общину.

населения 2002 года, Стат. сб. Челябинскстат, Челябинск, 2005. 124 с.

9. Никитинский, К. Чем занимается еврейский культурный центр? [Текст] / К. Никитинский // Златоустовский рабочий. 1996. 26 сентября. С. 3.

10. ОГАЧО (Объединенный Государственный архив Челябинской области).

11. Светлова, А. Виктор Шрайман: «Я очень тоскую по Магнитогорску» [Текст] / А. Светлова // Вечерний Магнитогорск. 1994. 1–6 января. С. 5.

12. Свидетельствует статистика [Текст] // Челябинский рабочий. 1995. 9 февраля. С. 4.

13. Соборницкая, Ю. «Фрилинг» – это весна [Текст] / Ю. Соборницкая // Челябинский рабочий. 1994. 12 января. С. 8.

14. Членов, М. А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) [Текст] / М. А. Членов // Диаспоры. 1999. № 1. С. 34–56.

15. Юхнева, Н. В. Между традиционализмом и ассимиляцией (о феномене русского еврейства) [Текст] / Н. В. Юхнева // Диаспоры. 1999. № 1. С. 160–178.

References

1. Gurevich, M.A., Ivanova, D.B. 100-letiyе Chelyabinskoy sinagogi [Tekst] / M.A. Gurevich, D.B. Ivanova // Chelyabinskiy rabochiy. 2006. 31 yanvary. S. 8.

2. Yerusalimchik, G. I. Raznyye sud'by – obshchaya sud'ba (iz istorii Chelyabinskikh yevreyev) [Tekst] / G.I. Yerusalimchik. – Chelyabinsk, Izd-vo Tat'yany Lur'ye, 1999. 448 s.

3. Kirsh, M. 100 let Chelyabinskoy sinagoge [Tekst] / M. Kirsh. – Chelyabinsk, 2005. 32 s.

4. Litver, L. Nachal'naya yevreyskaya shkola [Tekst] / L. Litver // Delovoy Ural. 1998. 30 oktyabrya. S. 6.

5. Lichnyy arkhiv avtora. Materialy raboty avtora v yevreyskoy obshchine g. Chelyabinska. Ustnyye istorii. (lyun' 2013 g.)

6. L'vov, A. V poiskakh russkogo yevreya [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://lvov.judaica.spb.ru/rusj.shtml#port> (data obrashcheniya: 01.02.2014 g.)

7. Natsional'nyy sostav naseleniya Chelyabinskoy oblasti (po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g.), (Goskomstat RSFSR, Chelyab. obl. upravleniye statistiki), Chelyabinsk, 1990. 91 s.

8. Natsional'nyy sostav naseleniya Chelyabinskoy oblasti po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda, Stat. sb. Chelyabinskstat, Chelyabinsk, 2005. 124 s.

9. Nikitinskiy, K. Chem zanimayetsya yevreyskiy kul'turnyy tsentr? [Tekst] / K. Nikitinskiy // Zlatoustovskiy rabochiy. 1996. 26 sentyabrya. S. 3.

10. OGACHO (Ob'yedinenny Gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti).

11. Svetlova, A. Viktor Shrayman: «YA ochen' toskuyu po Magnitogorsku» [Tekst] / A. Svetlova // Vecherniy Magnitogorsk. 1994. 1–6 yanvary. S. 5.

12. Svidetel'stvuyet statistika [Tekst] // Chelyabinskiy rabochiy. 1995. 9 fevralya. S. 4.

13. Sobornitskaya, YU. «Friling» – eto vesna [Tekst] / YU. Sobornitskaya // Chelyabinskiy rabochiy. 1994. 12 yanvary. S. 8.

14. Chlenov, M.A. Yevreystvo v sisteme tsivilizatsiy (postanovka voprosa) [Tekst] / M.A. Chlenov // Diaspory. 1999. № 1. S. 34–56.

15. Yukhneva, N. V. Mezhdru traditsionalizmom i assilyatsiyey (o fenomene russkogo yevreystva) [Tekst] / N. V. Yukhneva // Diaspory. 1999. № 1.

S. 160–178.

UDC 303.425.5

MODELS OF REPRODUCTION OF ETHNOCULTURAL IDENTITY BY THE EXAMPLE OF JEWS IN CHELYABINSK REGION (1989–2003)

Avdashkin Andrei Alexandrovich,

Chelyabinsk State University,
Postgraduate at the Department
of Political Science,
Russia, Chelyabinsk.
E-mail: adrianmaricka@mail.ru

Annotation

In the article the author tries to analyze main models of reproduction of Jews ethnocultural identity in Russia by the example of Jews in Chelyabinsk region. The basic model on which the author emphasizes is the model «Jews in Russia». It is characterized with the help of regional materials.

Key concepts:

ethnocultural identity,
models of identity reproduction,
Jews, Jews in Russia,
Chelyabinsk region.

УДК 1(091) +16 + 17

ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАК ФОРМАЛЬНО- АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН ДВУЗНАЧНОЙ АЛГЕБРЫ ФИЛОСОФИИ

Лобовиков Владимир Олегович,
Российская академия наук,
Уральское отделение,
Института философии и права,
главный научный сотрудник,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта, впервые предложенных Лениным и Мао Цзедуну важных нововведений в формулировку диалектического закона единства и борьбы противоположностей. На уровне искусственного языка модели – двузначной алгебры философии-как-формальной-аксиологии – демонстрируется, что без этих нововведений указанный «закон» является не законом, а его противоположностью. А предложенные Лениным и Мао-Цзедуну важные нововведения являются необходимыми и достаточными для того, чтобы обеспечить диалектическому единству и борьбе противоположностей ранее декларированный предшественниками статус всеобщего закона философии. Впервые в философской литературе статус диалектического единства и борьбы противоположностей как универсального философского закона устанавливается путем «вычисления» соответствующих ценностных таблиц и сравнения полученных результатов с точной дефиницией понятия «философский закон» в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии.

Ключевые понятия:

алгебра-философии-как-формальной-аксиологии,
формально-аксиологический-закон-единства-и-борьбы-противоположностей,
взаимопроникновение-и-тождество-противоположностей, математическая модель, диалектический-материализм*.

Ленин оставил нам в своих «Философских тетрадах» несколько фраз, которые являются наброском «Диалектики». Мао Цзедун развил эти заметки в 1937 г., в процессе политической борьбы против догматических искажений в китайской партии, в важной работе «Относительно противоречия».

Л. Альтюссера «За Маркса» [4, с. 59]

Продолжая дискуссию о диамате, организованную настоящим журналом, хочу, в первых выразить благодарность редколлегии журнала за эту очень важную инициативу, во вторых, выразить солидарность со многими положениями, высказанными в интересной статье А.В. Павлова [10], и, в-третьих, вступить в полемику с некоторыми его утверждениями с целью их уточнения. Например, он пишет: «К своему итогу советская философия сумела прийти без единой оригинальной и самостоятельной идеи, исключая, конечно, идеи одного из ее нечаянных основателей – Энгельса» [10, с. 121]. В отношении творческого потенциала и реального вклада диалектических материалистов XX века в философскую культуру человечества я менее критичен, чем Павлов; в частности, разделяю точку зрения Луи Альтюссера, по мнению которого, Ленин и Мао Цзедун внесли в теорию диалектического противоречия нечто *качественно новое* по сравнению с предшествующими марксистами [1; 2; 4]. Более того, на мой взгляд, *действительно новые* идеи Ленина и Мао являются *не пустяковыми, а принципиально важными*, имеющими *решающее* значение для выживания диалектической теории объективного противоречия и для ее участия в будущей прогрессивной эволюции философии. Поскольку полемика имеет научную ценность лишь тогда, когда она не сводится к выражению несогласия, а сопровождает его какой-то качественно новой, нетривиальной аргументацией, постольку далее в статье предлагается аргументация данной Альтюссером историко-философской оценки. Эта аргументация нова (у Альтюссера ее нет) и весьма нетривиальна: она осуществляется на уровне простейшей дискретной математической модели диамата, предложенной в статье [7], продолжением которой является настоящая работа. Поэтому ниже в тексте используются глоссарии (языковые конвенции) и определения, точно сформулированные в [7]. Поскольку система обозначений и определений, принятых в искусственных языках обеих статей, едина, постольку для полного и точного понимания настоящей работы необ-

* Сохранена орфография автора.

ходимо обращаться к [7] за разъяснениями. Не имея перед собой текст [7], можно понять нижеследующее лишь частично и приблизительно, но и это уже неплохо, так как может послужить мотивом для обращения к [7].

Согласно эмпирической лингвистике, в узких кругах профессионалов существуют мини-языки, понятные только узкому кругу лиц. Эти мини-языки представляют собой маленькие подсистемы того большого естественного языка, на котором немногочисленные профессионалы общаются со всеми теми, кто не входит в их круг. Например, среди математиков и особенно среди студентов, изучающих математику, популярно краткое и, по мнению некоторых, даже красивое слово «матан», обозначающее «математический анализ». Такое же явление существует и в других научных и учебных дисциплинах. Философия не исключение. В ней, например, существует изобретение советского новояза – слово «диамат», обозначающее «диалектический материализм», и даже агрессивные зарубежные противники диалектического материализма – самые принципиальные, бескомпромиссные его критики – называют его «диаматом». В среде советских «диаматчиков», а также и тех, кто был вынужден изучать диамат, чтобы получить высшее образование в СССР, существовали и другие (менее известные) явления советского новояза, например, в связи со знаменитым диалектическим законом единства и борьбы противоположностей использовалась аббревиатура «ЗЕП» – «закон единства противоположностей». Используя это как прецедент, можно, продолжая творчество в сфере советского новояза, ввести аббревиатуру «ЗВП» для обозначения «закона взаимопроникновения противоположностей» и аббревиатуру «ЗБП» для обозначения «закона борьбы противоположностей». (Последние две аббревиатуры вряд ли могут быть названы красивыми и могущими прижиться: они скорее безобразны и нежизнеспособны, но нас эта эстетическая сторона вопроса в данной статье не интересует; мы будем ее игнорировать, используя «ЗВП» и «ЗБП» в чисто теоретических целях.) Если все вышеупомянутые аббревиатуры принять, то диалектический закон единства и борьбы противоположностей естественно обозначить аббревиатурой «ЗЕП и ЗБП» (или «ЗЕП-и-ЗБП»), могущей претендовать на звание чемпиона по лингвистическому гротеску. С логической точки зрения «ЗЕП-и-ЗБП» представляет собой конъюнкцию философских законов «ЗЕП» и «ЗБП». По правилу удаления конъюнкции, из «ЗЕП-и-ЗБП» логически следует каждый из конъюнктов. Если каждый из них

логически непротиворечив и является законом двузначной алгебры философии, то и «ЗЕП-и-ЗБП» логически непротиворечив и является законом двузначной алгебры философии. Консеквент непосредственно предшествующего условного суждения есть как раз то, что требуется доказать в настоящем параграфе статьи.

Разделим задачу на части и будем решать ее по частям. Начнем с ЗЕП. В работах наиболее смелых и принципиальных философов-диалектиков, именующих себя анти-метафизиками, нередко закон единства противоположностей (ЗЕП) сталкивается как закон *тождества* противоположностей. В этом случае вместо «ЗЕП» может использоваться аббревиатура «ЗТП» (для обозначения закона *тождества* противоположностей). Некоторые думают, что словосочетания «ЗЕП» и «ЗТП» имеют качественно различные значения. Например, Н.О. Лосский интерпретировал замену слова «тождество» на слово «единство» как некий «умиротворяющий» (ослабляющий напряженность борьбы) тренд в советском диамате, имеющий принципиальное смысловое значение [8, с. 413, 446]. На мой взгляд, мнение Лосского ошибочно. Замеченная им тенденция в марксистской литературе к замене слова «тождество» на слово «единство» есть тренд («зигзаг»), имеющий не смысловое, а дипломатическое, лингво-психологическое, дидактическое, стилистическое значение. Оснований для *чередования* синонимов может быть много, в частности, отмеченный тренд («маневр») может представлять собой *маскировку* (т.е. средство сокрытия) борьбы противоположностей. Но камуфляж есть форма ведения войны (борьбы). Поэтому обсуждаемый временный тренд (а отнюдь не постоянное универсальное правило) не изменяет существо вопроса, не касается сути дела (борьбы), затрагивая лишь второстепенные исторически изменяющиеся детали (формы ее проявления). Анализ советской литературы по диамату свидетельствует, что вопреки мнению Лосского, замеченная им тенденция так и не стала постоянным универсальным правилом. Не только в сочинениях классиков марксистско-ленинской диалектики использовались оба словосочетания, «ЗЕП» и «ЗТП», но и в советской литературе по диамату (вплоть до Перестройки) активно использовались как синонимы оба эти термина. То, что термин «ЗТП» не был забракован, отброшен и забыт, а продолжал активно использоваться вплоть до самого конца СССР, видно на примере изданного в Свердловске в 1987 году сборника «Тождество противоположностей как методологическая проблема» [5].

Для обоснования данной критической оценки вышеупомянутого мнения Лосского рассмотрим ЗЕП и ЗТП по отдельности, дадим им точные формулировки на уровне искусственного языка исследуемой математической модели, а затем сравним эти их формулировки друг с другом, оставаясь на уровне модели. Ранее такого никто не делал, поэтому результат исследования очень интересен. Для реализации замысла необходимы точно определенные в [7, с. 134] таблицей 3 *бинарные* операции двузначной алгебры философии K_2ab (*единство a и b*) и T_2ab (*тождество a и b*). Кроме них для реализации замысла необходимо точно определенная в [7, с. 132] таблицей 2 *унарная* операция Za – «*противоположность для (чего, кого) a*». Используя точные табличные определения обсуждаемых ценностных функций, нетрудно убедиться в истинности следующих формально-аксиологических уравнений. (Отношение формально-этического тождества « $=+$ » точно определено дефиницией DF-1 [7, с. 131], а формально-аксиологическое противоречие – дефиницией DF-3 [7, с. 131].)

1) $K_2aZa=+=$ п: единство противоположностей есть формально-аксиологическое противоречие.

2) $T_2aZa=+=$ п: тождество противоположностей есть формально-аксиологическое противоречие.

3) $K_2aZa=+=T_2aZa$: следовательно, ЗЕП= $+$ ЗТП (из уравнений 1 и 2 по определению отношения « $=+$ »).

4) $C_2aZaC_2Zaa=+=$ п: взаимопроникновение противоположностей есть формально-аксиологическое противоречие.

5) $T_2aZa=+=K_2C_2aZaC_2Zaa$: следовательно, ЗТП= $+$ ЗВП (из приведенных выше уравнений по определению отношения « $=+$ »).

Эти уравнения алгебры философии дают основание для критического отношения к мнению Лосского по поводу вышеупомянутой (на первый взгляд, умиротворяющей) тенденции к замене слова «тождество» на слово «единство» [8, с. 413, 446]. «Ослабляющий» (напряженность борьбы) характер такой замены – обманчивое (поверхностное) впечатление.

Однако не только историкам философии, но и ее абстрактным теоретикам важно понять, почему возникла отмеченная Лосским «расслабляющая» тенденция? От чего стремились уйти (и к чему прийти), что хотели скрыть, замаскировать те, кто воплощал эту тенденцию в жизнь? Согласно Лосскому, они стремились уйти от явного абсурда, от формально-логической противоречивости диамата. То, что *тождество противоположностей*

есть противоречие, признавалось очевидным. То, что противоречие есть абсурд, также признавалось очевидным. Единственным выходом из этой ситуации казалась замена явно абсурдного тезиса о тождестве противоположностей на якобы вполне разумный (более нейтральный) тезис об их единстве при условии, что единство противоположностей не эквивалентно их тождеству [8, с. 413, 446]. Но приведенное выше уравнение 3 свидетельствует о том, что упомянутое условие неэквивалентности не выполняется, так как $K_2aZa=+=T_2aZa$. Что же делать? Как спасти ЗЕП (и диамат вообще), гарантированно уйдя от его формально-логической противоречивости, означающей его бессмысленность и мистику (в рамках классической логики)? Для вполне обоснованного ответа на этот вопрос целесообразно предпринять специальное исследование на уровне двузначной алгебраической системы философии как формальной аксиологии, что мы и собираемся сделать ниже в данной статье. Но начать целесообразно с обращения к источникам марксистско-ленинского диамата: свежее впечатление от цитат усилит воспоминания у тех, кто когда-то изучал диамат, и породит «комплекс ощущений» предмета «оцифровки» у тех, кто не изучал его никогда.

В.И. Ленин в «Конспекте книги Гегеля «Наука логики», отдавая должное гениальности *диалектического* мышления Г.В.Ф. Гегеля, но подчеркивая свою верность *материалистической* философии марксизма, писал о законе единства и борьбы противоположностей следующее: «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, – при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга...» [6, с. 98]. В работе «К вопросу о диалектике» В.И. Ленин писал: «*Единство* (совпадение, тождество, равнодействие) *противоположностей* *условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба* *взаимоисключающих противоположностей* *абсолютна* (курсив мой. – В.Л.), как абсолютно развитие, движение» [6, с. 317].

А вот что писал в августе 1937 года о законе единства и борьбы противоположностей Мао Цзедун (в разделе «Всеобщность противоречия» своей философской работы «Относительно противоречия»), демонстрируя свою приверженность идеям марксизма-ленинизма: «Вопрос о *всеобщем* или *абсолютном* (курсив мой. – В.Л.) характере противоречия имеет две стороны: во-первых, противоречия существуют в процессах развития всех вещей и явлений, во-вторых, в

процессе развития каждой вещи и каждого явления движение противоречий существует от начала до конца» [9, с. 417]. В другом месте той же работы Мао писал: «Противоречие является *всеобщим, абсолютным* (курсив мой. – В.Л.), существует во всех процессах развития вещей и явлений и пронизывает все процессы от начала до конца» [9, с. 421]. В разделе «Тождество и борьба противоположностей» той же работы Мао писал: «... все процессы имеют начало и конец, все они превращаются в свои противоположности. *Постоянство* всех процессов *относительно* (курсив мой. – В.Л.), тогда как *изменчивость*, выражающаяся в превращении одного процесса в другой, *абсолютна* (курсив мой. – В.Л.).»

Любому явлению в его движении свойственны два состояния – состояние *относительного покоя* и состояние *абсолютного изменения* (курсив мой. – В.Л.). Эти два состояния вызываются взаимной борьбой двух противоположных начал, содержащихся в самом явлении. ... Вот почему *единство противоположностей условно, временно, относительно, а борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна* (курсив мой. – В.Л.).

Выше мы говорили, что между противоположностями существует тождество, и поэтому они могут сосуществовать в едином и превращаться одна в другую; все дело в условиях, то есть в определенных условиях противоположности могут прийти к единству и превращаться одна в другую; без этих определенных условий невозможно образование противоположностей, невозможно их сосуществование и невозможно превращение одной в другую. Единство противоположностей образуется лишь в определенных условиях, и поэтому *единство является условным, относительным* (курсив мой. – В.Л.). Вместе с тем мы говорим, что борьба противоположностей пронизывает весь процесс от начала до конца и ведет к превращению одного процесса в другой; *борьба противоположностей* существует везде без исключения, и поэтому она *безусловна, абсолютна* (курсив мой. – В.Л.).

Соединение условного и относительного единства с безусловной и абсолютной борьбой (курсив мой. – В.Л.) образует противоречивое движение всех явлений» [9, с. 459–460].

Приведенные цитаты вполне репрезентативны. Излюбленное занятие некоторых зарубежных историков философии – выстраивание Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао Цзедуня и других марксистов-ленинцев-сталинцев «по росту» (их «Ай Кью» и уровня философского образования) меня в

данной работе не интересует в принципе: от всех такого рода деталей мы абстрагируемся, сосредоточивая внимание на собственно философской (абстрактно-теоретической) стороне дела. Что наиболее важно в приведенных выше цитатах из работ Ленина и Мао с точки зрения сформулированной выше специфической задачи настоящей статьи?

На мой взгляд, с точки зрения определенной выше специфической задачи наиболее важно отметить (особо выделить, подчеркнуть) в рассматриваемых цитатах следующие два момента.

(А) Отнюдь не случайно употребление слов «относительность», «условность», «временность» в связи с диалектической категорией «единство (тождество)».

(Б) Отнюдь не случайно употребление слов «абсолютность», «безусловность», «постоянство», «универсальность» в связи с диалектической категорией «борьба (взаимоисключение)».

В этом *лишь на первый взгляд* алогичном, сумбурном, хаотическом марксистско-ленинском словоупотреблении есть некая очень важная для нас скрытая *ценностно-функциональная закономерность*, которая не осознана до сих пор, но которую нужно выявить, выделить и точно сформулировать в чистом виде. Для адекватного выражения такой выделенной в чистом виде *ценностно-функциональной* закономерности марксистско-ленинского словоупотребления необходим подходящий искусственный язык. В настоящей работе в качестве такого языка используется язык двузначной алгебры формальной аксиологии, представленный в статье [7]. Но в указанной статье этот язык не содержит средств (для) точного выражения *ценностно-функциональных* значений следующих слов: «относительность (чего)»; «условность (чего)»; «временность (чего)»; «абсолютность (чего)»; «безусловность»; «постоянство»; «универсальность» и т.п. Значит, в настоящей работе надо ликвидировать пробел, введя в искусственный язык модели дополнительные знаки и точно определив их ценностно-функциональные значения. К этому мы сейчас и перейдем.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 1. Уа – «всеобщность (универсальность), всеобщий характер (чего, кого) а». Ца – «специфичность, особенность (не-универсальность), частный характер (чего, кого) а». Аа – «абсолютность (чего, кого), абсолютное (что, кто) а». Ра – «относительность (чего, кого), относительное (что, кто) а». Ia – «неопределенность, неограниченность (чего, кого), не-

определенное, неограниченное (что, кто) *a*». *Da* – «определенность, ограниченность (чего, кого), определенное, ограниченное (что, кто) *a*». *La* – «локальность (чего, кого), локальное (что, кто) *a*». *Ja* – «бесконечность, непреходящий характер (чего, кого), вневременное, бесконечное, непреходящее (что, кто) *a*». *Эa* – «временность, конечность, преходящий характер (чего, кого), временное, конечное, преходящее (что, кто) *a*». *Va* – «условность (чего, кого), условное (что, кто) *a*». *Юa* – «безусловность (чего, кого), безусловное (что, кто) *a*». *Еa* – «непрерывность, беспрестанность, постоянство (чего, кого), непрерывное, постоянное (что, кто) *a*». *Qa* – «прерывность, непостоянство (чего, кого), дискретное, непостоянное (что, кто) *a*». Перечисленные функции определяются ниже таблицей 1.

10) $VK_2aZa=+=x=+=ЗЕП$: *условность единства противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, именуемый «законом единства противоположностей» (сокращенно – ЗЕП)*. Это – модель ленинской формулировки обсуждаемого закона диалектики [6, с. 317].

11) $VT_2aZa=+=x=+=ЗТП$: *условность тождества противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, именуемый «законом тождества противоположностей» (сокращенно – ЗТП)*. Это – модель ленинской формулировки диалектического закона [6, с. 317].

12) $RK_2aZa=+=x=+=ЗЕП$: *релятивность (относительность) единства противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, именуемый «законом*

Таблица 1.

Унарные операции

<i>a</i>	<i>Ya</i>	<i>Ca</i>	<i>Aa</i>	<i>Ra</i>	<i>Ja</i>	<i>Da</i>	<i>La</i>	<i>Ja</i>	<i>Эa</i>	<i>Va</i>	<i>Юa</i>	<i>Еa</i>	<i>Qa</i>
<i>x</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>п</i>
<i>п</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>x</i>

Теперь, используя данные выше определения, уже можно точно сформулировать ЗЕП и ЗТП, не впадая при этом в формально-логические противоречия. «Вычисляя» соответствующие ценностные таблицы, нетрудно получить «на кончике пера» следующие уравнения.

6) $ЭК_2aZa=+=x=+=ЗЕП$: *временность, конечность (преходящий характер) единства противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, называемый «законом единства противоположностей» (сокращенно – ЗЕП)*. Этот закон алгебры философии – дискретная математическая модель соответствующей диалектической мысли Ленина [6, с. 317].

7) $ЭT_2aZa=+=x=+=ЗТП$: *временность, конечность (преходящий характер) тождества противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, именуемый «законом тождества противоположностей» (сокращенно – ЗТП)*. Этот алгебраический закон – модель соответствующей сентенции Ленина [6, с. 317].

8) $LT_2aZa=+=x=+=ЗТП$: *локальность тождества противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, именуемый «законом тождества противоположностей» (сокращенно – ЗТП)*.

9) $LK_2aZa=+=x=+=ЗЕП$: *локальность единства противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, именуемый «законом единства противоположностей» (сокращенно – ЗЕП)*.

единства противоположностей» (сокращенно – ЗЕП). Данный алгебраический закон – модель соответствующего утверждения Ленина [6, с. 317].

13) $RT_2aZa=+=x=+=ЗТП$: *релятивность (относительность) тождества противоположностей (a и Za) есть закон двузначной алгебры философии, именуемый «законом тождества противоположностей» (сокращенно – ЗТП)*. Этот закон алгебры философии – математическая модель соответствующей сентенции Ленина [6, с. 317].

Итак, согласно вышесказанному, $ЗЕП=+=ЗТП$: закон *единства* противоположностей и закон *тождества* противоположностей формально-аксиологически эквивалентны. Теперь от моделирования диалектического закона единства (тождества) противоположностей перейдем к моделированию диалектического закона борьбы (=противоречия) между противоположностями. Для этого потребуются ввести в язык модели новые символы: Пусть W_{ab} будет обозначать «борьбу (войну) между *a* и *b*». P_{ab} – «противоречие (антагонистическое) между *a* и *b*». $Ж_{ab}$ – «взаимоисключение (исключающий выбор наилучшего) между *a* и *b*». A_{ab} – «неисключающий моральный выбор наилучшего, могущего быть составленным из *a* и *b*». Ценностно-функциональный смысл этих бинарных операций точно определяется ниже таблицей 2. Для удобства в качестве напоминания (повторения) в пра-

вом конце таблицы 2 помещены столбцы, определяющие операции K_2ab , T_2ab , C_2ab [7, с. 134].

Используя данные выше определения, нетрудно получить следующие уравнения, моделирующие чрезвычайную важность

алгебры. На искусственном языке двузначной алгебры формальной аксиологии *объединенный* закон ЗТП-и-ЗБП формулируется в виде следующего уравнения.

$$17) K_2VT_2aZa\text{Ю}W_2aZa=+=K_2RT_2aZaAW_2aZa=+=x: \text{условность, относительность тож-}$$

Таблица 2

Бинарные операции

<i>a</i>	<i>b</i>	W_2ab	Π_2ab	\mathcal{J}_2ab	A_2ab	K_2ab	T_2ab	C_2ab
<i>x</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>
<i>x</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п</i>
<i>п</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>x</i>
<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>п</i>	<i>x</i>	<i>x</i>

введения Лениным и Мао качественно новых элементов (внешних унарных операций) в точную формулировку исследуемого закона диалектики.

14) $AW_2aZa=+=A\Pi_2aZa=+=x=+=ЗБ$: *абсолютность борьбы* (=противоречия) между противоположностями (*a* и *Za*) есть *закон двузначной алгебры философии*, именуемый «законом борьбы противоположностей» (сокращенно – ЗБП). Этот закон двузначной алгебры формальной аксиологии является дискретной математической моделью соответствующих диалектических утверждений Ленина [6, с. 317] и Мао Цзе-дуна [9, с. 457–460, 462, 464].

15) $UW_2aZa=+=U\Pi_2aZa=+=x=+=ЗБП$: *универсальность (всеобщность) борьбы* (=противоречия) между противоположностями (*a* и *Za*) есть *закон двузначной алгебры философии*, именуемый «законом борьбы противоположностей» (сокращенно – ЗБП). Он – модель соответствующих диалектических утверждений Мао Цзедуна [9, с. 417, 421, 459–460].

16) $\text{Ю}W_2aZa=+=\text{Ю}\Pi_2aZa=+=x=+=ЗБП$: *безусловность борьбы* (=противоречия) между противоположностями (*a* и *Za*) есть *закон двузначной алгебры философии*, именуемый «законом борьбы противоположностей». Он – дискретная математическая модель одноименного закона диалектики. О *безусловности* борьбы противоположностей писал Мао Цзедун в работе «Относительно противоречия» [9, с. 460].

Итак, согласно приведенным выше уравнениям, ЗТП и ЗБП суть законы двузначной алгебры формальной аксиологии. Более того, согласно вышеприведенным уравнениям (14–16), ЗБП тоже есть закон двузначной алгебры формальной аксиологии. Но в таком случае конъюнкция ЗБП-и-ЗБП (а также конъюнкция ЗТП-и-ЗБП) тоже есть закон этой

дества между противоположностями и безусловность, абсолютность борьбы между ними есть ЕДИНЫЙ ЗАКОН [9, с. 460].

Л.Р. Грэхэм – знаток истории советской научной и философской мысли, неоднократно высказывал следующее критическое замечание в адрес теории диалектико-материалистической философии. В науке (science) понятие «закон (науки)» достаточно ясно и точно определено. В отличие от нее в философии понятие «закон (философии)», в частности, понятие «закон диамата» (и в особенности «закон диалектики») не имеет ясного и точного определения. По мнению Грэхэма, Энгельс и другие диаматчики обоснованно настаивали на том, что закон диалектики качественно отличен от закона науки, но, к сожалению, не давали явного, ясного и точного определения понятия «закон философии (диалектики)» [3]. Предлагавшиеся «дефиниции» были или неявными, или неясными, или неточными [3]. Они не могли служить объективным критерием: с их помощью нельзя было в каждом данном конкретном случае в конечном числе шагов однозначно решить, является ли законом диалектики (или не является) некий претендент на статус такого закона [3]. Данное принципиальное критическое замечание Грэхэма является чрезвычайно важным: оно имеет стратегическое значение для успешного решения проблемы выживания и будущего прогрессивного развития теории диамата. Поэтому то, что рассмотренная в настоящей работе дискретная математическая модель (двузначная алгебра философии как формальной аксиологии) дает явное и точное определение понятия «закон философии (=формально-аксиологический закон)» в самом общем виде [7, с. 131], делает ее (эту модель) эвристически и дидактически ценной. В настоящей статье все приведенные выше установления

законов (диалектики) являются не уверениями непрерываемого авторитета (например, Маркса, Ленина, Сталина, ЦК КПСС, и т.п.), а результатами самостоятельного «вычисления» соответствующих ценностных таблиц на основании аккуратного использования ранее данных точных определений. Такая «полезная мутация» диамата выводит его из-под удара той, во многом справедливой, критики (в его адрес), которая представлена в работах [1–4; 8; 10]. Эта «мутация» диамата дает ему шанс выжить, успешно приспособившись к новым реалиям, и продолжить свое участие в эволюции философского знания.

1. Альтюссер, Л. Ленин и философия. М.: Ad Marginem, 2005. 175 с.
2. Альтюссер, Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. 391 с.
3. Грэхэм, Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. 479 с.
4. Диалектика Гегеля в оценке современных западных философов. М.: ИФ АН СССР, 1974. Ч. 2. 104 с.
5. Категории диалектики. Вып. 10: Тождество противоположностей как методологическая проблема. Свердловск: УрГУ, 1987. 128 с.
6. Ленин, В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Издание пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1977. Т. 29. 782 с.
7. Лобовиков, В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате» // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138.
8. Лосский, Н.О. История русской философии. М.: Сварог и К, 2000. 496 с.
9. Мао Цзэ-Дун. Относительно противоречия // Мао Цзэ-Дун. Избр. произв. Т.2. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. С. 407–469.
10. Павлов А.В. Идеалистический материализм // Социум и власть. 2014. № 2. С. 120–128.

References

1. Al'tyusser, L. Lenin i filosofiya. M.: Ad Marginem, 2005. 175 s.
2. Al'tyusser, L. Za Marksa. M.: Praksis, 2006. 391 s.
3. Grekhem L.R. Yestestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze. M.: Politizdat, 1991. 479 s.
4. Dialektika Gegelya v otsenke sovremennykh zapadnykh filosofov. M.: IF AN SSSR, 1974. CH.2. 104 s.
5. Kategorii dialektiki. Vyp.10: Tozhdestvo protivopolozhnostey kak metodologicheskaya problema. Sverdlovsk: UrGU, 1987. 128 s.
6. Lenin, V.I. Filosofskiye tetradi // Poln. sobr. Soch. Izdaniye pyatoye. M.: Izd-vo polit. Lit., 1977. T. 29. 782 s.
7. Lobovikov, V.O. Dialekticheskiy materializm v «tsifrovom формате» // Sotsium i vlast'. 2014. № 1. S. 127–138.
8. Losskiy, N.O. Istoriya russkoy filosofii. M.: Svarog i K, 2000. 496 s.
9. Mao TSze-Dun. Otnositel'no protivorechiya // Mao TSze-Dun. Izbr. Proizv. T.2. M.: Izd-vo inostr. lit., 1953. S. 407–469.
10. Pavlov, A.V. Idealisticheskiy materializm // Sotsium i vlast'. 2014. № 2. S. 120–128.

UDC 1(091) +16 + 17

THE LAW OF THE UNITY AND CONFLICT OF OPPOSITES AS A FORMAL-AXIOLOGICAL LAW OF TWO VALUED ALGEBRA OF PHILOSOPHY

Lobovikov Vladimir Olegovich,
Russian Academy of Science
Institute of Philosophy
and Law Ural Branch,
Chief Research Worker,
Dr. Sc. (Philosophy), Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vlobovikov@mail.ru.

Annotation

The article examines discrete mathematical simulation of formal-axiological aspect which was firstly introduced by Lenin and Mao Zedong as an important innovation in formulation of dialectical Law of the Unity and Conflict of Opposites. It is demonstrated that without such innovations “law” is not law but its opposite at the level of artificial language models, two valued algebra of philosophy as a formal axiology, Important innovations introduced by Lenin and Mao Zedong are necessary and sufficient to ensure dialectical Law of the Unity and Conflict of Opposites previously declared status of universal law of philosophy. For the first time in philosophical literature the status of Law of the Unity and Conflict of Opposites as universal law of philosophy is established by «calculation» of respective valuable tables and by comparing the result with exact definition of the term «philosophical law» in two valued algebra of a formal axiology.

Key concepts:

algebra of philosophy as a formal axiology, formal-axiological Law of the Unity and Conflict of Opposites, interpenetration and identity of opposites, mathematical model, dialectical materialism.

УДК 101.8

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ В.О. ЛОБОВИКОВА «ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ “В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ”»

Похлебаев Сергей Михайлович,
Челябинский государственный
педагогический университет,
доктор педагогических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: istina48@mail.ru

Аннотация

В работе представлен критический анализ статьи «Диалектический материализм “в цифровом формате”», опубликованной доктором философских наук, профессором В.О. Лобовиковым (Лобовиков В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате» (дискретная математическая модель логически непротиворечивого формально-аксиологического учения о противоречивости материи) // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138).

Ключевые понятия:
диалектическая логика,
категории, ценности, культура,
формальная логика.

Позиция автора данной статьи заслуживает глубокого уважения в силу того, что он пытается защитить и развить диалектический материализм как философское учение, доказавшее свою теоретическую и практическую значимость во всех сферах человеческой деятельности. В преамбуле статьи автор приводит меткую фразу А.А. Зиновьева, в которой обозначена актуальная проблема, требующая своего решения. Она основана на противоречии между огромной исторической значимостью диалектического материализма и его «дискредитацией ныне во всем мире». Второй аспект данной проблемы А.А. Зиновьевым обозначен, по-видимому, слишком категорично, так как не везде и не все ученые и практики отказались в настоящее время от данного философского учения. Можно привести научные труды ряда исследователей, которые продолжают не только опираться в своих изысканиях на принципы диамата, но и углублять его основные фундаментальные положения [1–7].

Не анализируя причины, по которым диалектический материализм «дискредитирован и оплеван», автор статьи сразу выдвигает идею, согласно которой эволюция данного учения может продолжиться, если в его рамках возникнет «мутация», которая приспособит его «к качественно новой ситуации глобального информационного общества». Сформулированная стратегия не бесспорна. Что касается необходимости эволюционного развития данного учения, то она не вызывает никаких сомнений, так как эта идея заложена в фундаменте самого диалектического материализма, на котором он построен и которую он постоянно отстаивает и развивает. Однако вряд ли можно согласиться с тезисом о средстве, которое обеспечит продолжение эволюции данного учения. Таким спасительным средством, по мнению автора, может быть «мутация». Хотя термин «мутация», заимствованный из биологической науки, в контексте статьи применяется в широком смысле слова, вместе с тем он не проясняет сущности предлагаемой стратегии развития диалектического материализма. Если вспомнить свойства биологических мутаций, то они по каждому гену крайне редки, большинство из них рецессивные (не проявляются сразу фенотипически) и, более того, летальны. Качественный скачок в развитии биологических систем обеспечивали не отдельные мутации, а комплекс крупных мутаций, «преимущество» которых к конкретным условиям среды обитания «подтвердил» естественный отбор.

Второй тезис автора, согласного которому диамат должен *приспособиться* «к качественно новой ситуации глобального информационного общества», также требует обоснования, которое автор не дает. В данном тезисе заключена важнейшая философская проблема о взаимодействии (взаимовлиянии) *философии и современной культуры*. От выявления рациональных принципов, которые позволят выработать научную стратегию для решения этой проблемы, будет зависеть вектор их дальнейшего взаимного движения – либо по пути гармоничного развития и прогресса, либо – взаимного регресса.

Актуальность и значимость решения данной проблемы осознана на самом высоком уровне ведущими отечественными философами. Основные идеи, высказанные грандами философии по данной проблеме, отражены в ряде публикаций. Наиболее подробно и основательно данная проблема обсуждалась ведущими отечественными философами за круглым столом под названием «Философия в современной культуре: новые перспективы» [6]. Главную проблему для обсуждения озвучил ведущий круглого стола – В.А. Лекторский: «...нуждается ли современная культура в философии и что может нам дать сегодня философия» [там же, с. 3].

Основанием для актуализации данной проблемы служат негативные тенденции, имеющие место в нашем обществе как *на уровне общественного сознания*, так и *в философском уровне*. На уровне общественного сознания предпринимаются попытки то отменить преподавание философии студентам и аспирантам, то заменить философию теологией или науковедением, и т.п. Во всех этих попытках имплицитно лежит идея о том, что современная культура не нуждается больше в философии. Нападки на философию осуществляются и некоторыми философами, которые разделяют «принципы» *постмодернизма* как «современного философского учения».

По мнению В.А. Лекторского, в настоящее время, философия не только сохраняет свое место в культуре, но и ее значимость именно в качестве философии возрастает. Это обусловлено тем, что она выполняет две важнейшие функции. С одной стороны, любая значимая философская концепция осуществляет критику существующего положения дел в познании, в моральной жизни, в политическом и социальном устройстве, и т.д. С другой стороны / формулирует идеалы построения определенного знания, моральной жизни, политического

устройства. На основе этих идеалов формулировались и нормы деятельности, направленные на их достижение. История философии свидетельствует, что ее «идеалы оказывали реальное влияние на практику познания и социальную деятельность: если они и не были реализованы или не были реализованы в полной мере, они в любом случае по-новому нормировали деятельность и давали новые способы ее оценки» [6, с. 4].

Потребность в философском осмыслении разных форм культурной деятельности в настоящее время не только не исчезла, а стала более острой, чем раньше. Философия не утратила систематический характер. *Система философских категорий является одним из высших проявлений мышления, позволяющим интегрировать различные формы культуры* ([там же] курсив наш). Развивая это принципиальное положение, В.С. Степин подчеркивает, что в основе культуры лежит *система мировоззренческих универсалий, или категорий, культуры*, которые выступают ее систематизирующим фактором. Мировоззренческие универсалии определяют не только осмысление человеком мира, его рациональное постижение, но и переживание человеком мира, эмоциональные оценки различных аспектов, состояний и ситуаций человеческой жизни. *Смыслы универсалий в этом аспекте предстают как базисные ценности культуры*. В культуре и социальной жизни универсалии выполняют три основные функции: «обеспечивают селекцию, отбор и включение в поток культурной трансляции постоянно развивающегося социального опыта...; усваиваются людьми в процессе обучения и воспитания и становятся категориальной структурой их сознания; ... они же в своем сцеплении и взаимодействии задают некоторый целостный образ человеческого жизненного мира, который называется мировоззрением» [6, с. 8].

Модификации механизмов культурообразования, констатирует В.Н. Порус, способствовали три важнейших изменения, которые произошли в нашем культурном мире: это *дискредитация истории, дискредитация ценностей и дискредитация политики* [там же, с. 39–40]. Культура – это человеческий способ преемственности культурных универсалий прошлого, настоящего и будущего. Поэтому дискредитация этой исторической преемственности, движение философии в сторону от ценностных универсалий «приводит к обесмысливанию культурных универсалий, формулированием которых заняты «старомодные» фи-

лософы» [там же, с. 41]. Таким образом, дискредитация истории детерминировала и дискредитацию ценностей (их обесценивание) рассматриваемые современной «культурой» как условные знаки, с помощью которых люди обмениваются в определенных коммуникациях, чтобы сделать эти коммуникации более удобными и даже возможными. Такие знаки Батаем и Бодрийаром названы «симулякрами». Время показало, что «жить в мире «симулякров» удобнее и практичнее, чем в мире ценностей. Симулякры не претендуют на универсальность или неизменность, главное, чтобы – здесь и теперь – они выполняли свою функцию и выполняли ее успешно... Если культуру понимать в классическом духе как горизонт универсальных ценностей, служащих ориентирами человеческих дум и дел ... то наше время уже обходится без культуры – это время симулякров, время культуры как симулякра» [6, с. 40].

Приведенные выше мнения ведущих отечественных философов убедительно свидетельствуют, что отречение от философии диалектического материализма и подмена его (при активном участии западных философов) *постмодернистскими идеями привела к деградации культуры*. В этой связи тезис автора статьи о необходимости *адаптации* диамата к современной «культуре» вряд ли можно считать научно обоснованным и рациональным. Если такая «адаптация» и произойдет, то диалектический материализм, как философское учение, канет в лету.

Рассмотренные выше идеи, реализация которых на практике, по мнению автора статьи, будет способствовать адаптации диамата к современным условиям глобального информационного общества, являются сопутствующими. Главным же средством достижения обозначенной цели автор избрал математическую логику, которая является ядром современной формальной логики.

Само выдвижение подобной идеи является некорректным в силу того, что диалектический материализм не относится к разряду формальных систем, формулируемых (изучаемых) отдельными науками. Его ранг значительно выше, так как он относится к философским системам, и более того, сопрягает в себе два философских учения – диалектику и материализм. В своей статье автор пытается «приспособить к качественно новой ситуации глобального информационного общества» не весь диамат, а лишь его учение о *ценностях* средствами «*оцифровки*», которые можно рассматривать как важнейшее средство

математической (формальной) логики. Однако ценностные функции диалектического материализма также можно выявить лишь на основе диалектической логики, а не формальной. Сущность и значимость *учения о ценностях* (аксиологии) можно понять только во взаимосвязи с другими учениями диамата: *учении о бытии, учении о познании, учении о практике*.

Современная научно-техническая революция вызвала изменения и в структуре научного знания, в способах его движения к новым результатам. Произойшла существенная корректировка в соотношении между различными способами познания: эмпирическим и теоретическим, интуитивным и формальным и т.п. На этой основе возникла одна из современных тенденций развития научного знания, связанная с новым взглядом на *ценность* и роль *наглядного образа* в науке, вызвавшая расщепление языка на два элемента: искусственный формализованный язык и язык, выражающий результаты эмпирического наблюдения. В качестве искусственного формализованного языка стала выступать математическая символика (логика), которая заняла лидирующие позиции в современной формальной логике в целом. Математические символы превратились в формы, которые накладывались на результаты эмпирического наблюдения, придавая знанию не только строгость, непротиворечивость, но и доказательность. Кроме того они позволяют приводить к новым результатам, которые другими методами получить бывает невозможно.

Факт пополнения формальной логики новыми логическими исчислениями некоторые ученые поспешили объявить, что формальная логика в ее новом виде и является методологией современного научного познания. У некоторых исследователей создалось представление, что современная наука развивается посредством и методами формальной логики, которые «находят адекватное описание в неопозитивистской философии, представляющей знание в виде комбинации двух элементов: чувственных перцепций и аналитических правил оперирования знаками языка, которые дает формальная логика» [4, с. 50]. В действительности это не так. Наука имеет дело не только с чувственными перцепциями и формально-логической дедукцией, но и с развитием мышления, включающим в себя *синтетическую деятельность разума, интеллектуальную интуицию* и т.п. Для этого необходима логика, которая давала бы объяснение движению знания во всей его полноте, вырабатывала аппарат для де-

тельности мышления. Такой логикой и является материалистическая диалектика, законы и категории которой служат основой синтеза знания, направляют мышление на поиск решения новых проблем в науке.

Разделение логики на формальную и диалектическую обусловлено естественным ходом развития познания объективного мира, потребовавшего, с одной стороны, выработки и непрерывного совершенствования формального аппарата для исследования мышления, а с другой стороны, создания философской теории, метода мышления. Формальная логика, унаследовав традиции стоиков, пошла по пути, по сути, сужения сферы логического до средств выражения мысли в языке, потеряв при этом статус философского метода. В то время как диалектика шла по пути Аристотеля – расширения сферы логического до законов и форм объективной реальности, отражаемых мышлением, познание которых служит *ступенью в движении познания к новым результатам*. В результате такого исторического взаимодействия двух логик, формальная логика, как философский метод познания, изжила себя, ей на смену пришла материалистическая диалектика, но она сохранила себя в качестве *специальной науки*, строго определив и сузив свой предмет исследования. Этому движению способствовало сближение формальной логики с математикой, усвоение метода последней.

Ленинская идея о совпадении диалектики, логики и теории познания является исходной в определении отношения марксистской философии к другим наукам, философского метода познания к методам, вырабатываемым специальными науками. Он противопоставлял диалектику как метод научно-теоретического мышления формальной логике, которая также служит методом движения мысли к новым результатам, перехода от неизвестного к известному, однако в ином смысле по сравнению с диалектической логикой, которая отвечает потребностям развивающейся науки.

Для всестороннего изучения мышления, его форм, видов, этапов и т.п. необходимы обе логики, которые одновременно вооружают исследователя формально-логическими средствами и диалектическим методом. «Чтобы изучать какую-либо форму мышления (например, гипотезу или даже понятие), надо к ней подойти во всеоружии как современного философского метода, так и формального аппарата» [4, с. 118].

Категории диалектики несут в себе огромный методологический и творческий

потенциал в силу того, что они создаются на более широкой основе, чем понятия конкретных областей знания, и потому они допускают большие возможности для свободы воображения, оставляя его в границах научно-теоретического мышления. Философия диалектического материализма отражает через свои категории всеобщие законы развития природы, общества и мышления. Насколько всеобщи и универсальны эти законы, настолько всеобщи и универсальны методы познания данной философии.

Представители формальной логики делают попытки формализовать категории диалектики и построить на этой основе жесткую систему выводов. Однако такие попытки не увенчаются успехом в силу того, что категории диалектики *невозможно формализовать*, а кроме того, «их сила заключается как раз в том, что они предоставляют определенную свободу для синтетической деятельности разума, направляя научное познание на достижение принципиально новых результатов. Чтобы получить новые идеи, категории должны дать возможность мышлению свободно варьировать, а не только жестко, однозначно связывать его со строго определенными результатами» [4].

Таким образом, диалектика и современная формальная логика – суть две логики, имеющие значение *для всякого научного познания*. Это их отличает от других наук, выступающих прикладными логиками, создающих метод изучения своих специфических объектов. Эти две логики имеют различные предметы, при этом одна из них является философией, методом научно-теоретического мышления, а другая в современных условиях, по существу, стала специальной областью научного знания, потерявшей значение философского метода. Поэтому не только не нужны, но и вредны для развития их обеих как диалектизация формальной логики, так и формализация диалектики.

Для движения научного знания они необходимы в своем единстве именно постольку, поскольку они дают разное знание. Например, когда мы имеем дело с любой мыслью, какой бы сложной и диалектически противоречивой она ни была, ее нужно выражать на таком точном языке, какой требуется современной науке, и в частности формальной логике. Парадокс, основывающийся на наличии только формально-логического противоречия, надо снимать, разрешать имеющимися *логическими средствами, а не выдавать за высшее диалектическое противоречие*.

Чтобы обнажить собственно противоречие в мышлении, которое выражает сложность и уровень постижения самого объекта, противоречия движения к новому теоретическому построению, надо освободить научное знание от несвойственной ему логической формы, не удовлетворяющей нормам современной формальной логики.

«Развитие диалектической логики означает дальнейшую разработку категорий материалистической диалектики, обогащение их содержания, выдвижение новых понятий, выступающих в роли категорий диалектики, установление связи между ними, построение системы, позволяющей в наиболее полном виде выражать их содержание и двигать научное знание вперед [4, с. 50].

Математизация и формализация современного научного знания, выступают мощным фактором выдвижения фундаментальных идей, дающим начало новым теориям. Вместе с тем они постоянно вступают в противоречие с *интуитивным подходом* и полны стремления окончательно покончить с ним. Практика же свидетельствует, что включение интуитивного момента в качестве основного средства движения мысли к новым теоретическим построениям является зачастую определяющим. Данное противоречие, имеющее место в современной науке выдвинуло много философских проблем. Которые касаются как совершенствования, с позиций философии, аппарата анализа научного знания, так и создания новых систем и логических средств.

Чрезмерная математизация и формализация современного научного знания, по-видимому, обусловлена и все возрастающей пропастью между философией и наукой. Такое разобщение науки и философии обусловлено, как минимум, тремя причинами, которые связаны между собой. *Первая причина* детерминирована все ускоряющимися темпами научно-технической революции в связи с переходом естественных наук на молекулярный и субмолекулярный уровень исследования. Это привело к тому, что современная философия по темпам развития отстает от науки. Она не интегрирует своевременные научные знания в должной мере, и поэтому не формулирует новые философские категории, которые бы определяли дальнейшую стратегию развития науки. Подтверждением этому является высказывание П.В. Копнина: «сейчас ясно одно, что сама философия уже не может служить поставщиком готовых естественнонаучных идей. Последние рождаются в тяжелых муках самими науками» [4, с. 82].

Целью философского анализа выступает не язык, а объективный мир, постигаемый в понятиях и выраженный определенным языком науки. Философия призвана создать научную понятийную систему, осмысливающую объективную реальность и процесс ее познания, которая могла бы служить методом научного мышления, движения знания к новым результатам [там же, с. 81].

Вторая причина связана с первой и обусловлена тем, что, с одной стороны, «стало все меньше ученых с философской жилкой», а с другой – «меньше философов, занимающихся экспериментом». Иначе говоря, наука и философия испытывают острый дефицит в специалистах, которые в одном лице *сопрягают* философские и естественнонаучные знания и эффективно применяют их своей практической деятельности.

Третья причина связана с общественно-экономическим кризисом нашего государства, который, в свою очередь, во многом детерминировал кризис философии диалектического материализма, стратегия в предыдущие годы определяла стратегию развития науки. На первом этапе этого кризиса была предпринята попытка дискредитировать это философское направление и заменить его различными спекулятивными западными учениями. Однако со временем в обществе произошло «отрезвление» и признание в диалектическом материализме рациональных идей. Вместе с тем, и в настоящее время, продолжается «ревизия» данного учения и его «совершенствование» *не философскими средствами*. Одним из таких «усовершенствований» является подмена *принципов диалектической логики принципами формальной логики*, в которой в настоящее время тон задает *математическая логика*.

Попытки формальной логики приобрести статус философского метода, наряду с диалектической логикой, обусловлены, по-видимому, тем, что философия не успевает за развитием науки, темпы которой постоянно возрастают. Науку же не устраивает в полной мере существующий категориальный аппарат философии, и она берет на себя не свойственные ей функции по выдвижению новых категорий, которые бы выступали в качестве новых логических форм человеческого мышления. Примером тому являются работы Д. Дьюи, в которых он выдвигал требование, чтобы логика была не только формальной наукой, но и в широком смысле теорией исследования. Его идея о статусе логики как эксперимен-

тальной эпистемологии не нашла дальнейшего развития. Категории этой логики не выдержали критериев и самой научной эпистемологии, и опыта развития научного познания. Они не смогли ни правильно истолковать движение научного мышления, ни оказать плодотворного влияния на его ход. Современным естественным наукам для выдвигания новых теорий, по-видимому, не хватает не столько фактов и средств формальной логики, сколько *новых философских категорий*, которые бы детерминировали формирование *иного стиля теоретического мышления*. Для решения этой задачи необходимо ускорить разработку материалистической диалектики как *логики современного научно-теоретического мышления*, позволяющей выявить принципы выдвигания эвристических идей, а также построения и проверки научных теорий.

1. Борисов, С.В. О «жизни» и «смерти» идей (размышления по поводу статьи В.О. Лобовикова «Диалектический материализм в цифровом формате») // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С. 135–139.

2. Борисов, С.В. Основы философии: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 424 с.: ил.

3. Карев, Н.А. За материалистическую диалектику. Изд. 3. Сер.: Размышляя о марксизме. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 408 с.

4. Копнин, П.В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. 464 с.

5. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. Одесса: Негоциант, 2000. 160 с.

6. Философия в современной культуре: новые перспективы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. М.: Наука, 2004. № 4. С. 3–46.

7. Цофнас, А.Ю. Системный подход и диалектика: Мысли на лестнице, 2007 [Электронный ресурс]. URL: uemov.org.ua/publications/32 (дата обращения: 12.08.2014).

References

1. Borisov, S.V. O «zhizni» i «smerti» idey (razmyshleniya po povodu stat'i V.O. Lobovikova «Dialekticheskiy materializm v tsifrovom formate») [On the «life» and «death» of ideas (thoughts about articles of V.O. Lobovikov «dialectical materialism in digital format»)] // Sotsium i vlast'. 2014. № 3 (47). S. 135–139.

2. Borisov, S.V. Osnovy filosofii: uchebnoye posobiye [Core philosophy: a tutorial]. M.: Flinta: Nauka, 2010. 424 s.: il.

3. Karev, N.A. Za materialisticheskuyu dialektiku [For Materialist dialectics]. Izd. 3. Ser.: Razmyshlyaya o marksizme, 2012. Knizhnyy dom «Librokom». 408 s.

4. Kopnin, P.V. Dialektika, logika, nauka. M.: Nauka, 1973. 464 s.

5. Uyomov, A.I. Sistemnyye aspekty filosofskogo znaniya [System aspects of philosophical knowledge]. Odessa: Negotsiant, 2000. 160 s.

6. Filosofiya v sovremennoy kul'ture: novyye perspektivy [Philosophy in Modern Culture: New Perspectives]. Materialy «Kruglogo stola» // Voprosy filosofii. M.: Nauka, 2004. № 4. S. 3–46.

7. Tsofnas, A.Y. Sistemnyy podkhod i dialektika: Mysli na lestnitse [System approach and dialectics: Thoughts on the stairs], 2007. URL: uemov.org.ua/publications/32 (accessed: 12.08.2014).

UDC 101.8

CRITICAL ANALYSIS OF V.O. LOBOVIKOV'S ARTICLE «DIALECTIC MATERIALISM "IN DIGITAL FORMAT"»

Pokhlebayev Sergey Mikhailovich,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
Dr. Sc. (Pedagogy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: istina48@mail.ru

Annotation

The article represents the critical analysis of the article "Dialectic materialism «in digital format»" of Doctor of Philosophy, Professor V.O. Lobovikov (Lobovikov V.O. Dialectic materialism «in digital format» (discrete mathematical model of logically consistent formally-axiological study about material contradictions) // *Socium and Power*. 2014. № 1. P. 127–138).

Key concepts:
dialectical logic,
categories,
values,
culture,
formal logic.

УДК 2-1/23

ИНДИЙСКИЙ ТЕИЗМ В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКО- КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Канаева Наталия Алексеевна,
Национальный исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
доцент кафедры истории философии,
кандидат философских наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: nkanaeva@hse.ru

Рецензия на книгу:

Аникеева Е.Н. Проблемы индийского теизма: философско-компаративный анализ. — М., Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2013. — 256 с.

Книги об индийских религиях в России всегда были притягательны, но серьезных, академических исследований на эту тему у нас не так уж много. И еще меньше книг, в которых рассматриваются важные проблемы философии религии, такие как проблема ее теоретического арсенала, правомерности использования категорий «теизм», «теоцентризм», «пантеизм», «панентеизм» и т.п. в инокультурных контекстах, приобретающие особую актуальность в новых условиях глобализирующегося мира. Спор о теизме ведется в философских и теологических кругах Запада на протяжении многих лет. Он развел его участников по двум главным позициям, с которых теизм определяется по-разному: либо как доктрина об абстрактном Боге/Божестве, присущая большинству религий¹, либо как доктрина исключительно о личном едином Боге, характерная только для авраамических религий². В книге Е.Н. Аникеевой «Проблемы индийского теизма: философско-компаративный анализ» этот спор находит продолжение и разрешение в процессе обстоятельного философско-компаративного анализа сложившейся в Индии доктрины личного Бога (Ишвары) — Ишвара-вады — и христианства. Ишвара стал на субконтиненте не только объектом культа различных индийских религий (как ортодоксальных — ведийской религии, брахманизма, индуизма, так и неортодоксальных — джайнизма и буддизма): концепция Бога-Создателя нашла рациональные обоснования и теоретическую разработку в учениях традиционных систем философствования — даршанах. Теологическим и философским толкованиям Ишвары в Индии посвящен обширный корпус текстов, создававшихся на протяжении 3–4 тысяч лет. Он то и стал источником богатейшего материала для исследовательницы и позволил рассмотреть целый комплекс проблем, неизбежно встающих при сопоставлении христианской и индийской форм теизма и их рефлексии в философии и теологии.

В поисках своего методологического арсенала автор привлекает обширный материал из истории западной философии и теологии, подвергая критическому рассмотрению теоретические средства, разработанные там для исследования западных религий и религиозных идеологий, в частности такие категории, как теоцентризм, пантеизм, панентеизм, деизм, личность и

¹ Эту позицию занимал первый историк философии религии XVIII в. П. Бергер и поддерживают современные западные теисты, в частности, Р. Суинберн и М. Мюррей.

² Такое понимание теизма защищал, например, С.С. Аверинцев.

т.п., попутно проясняя эволюцию смыслов этих терминов. Е.Н. Анিকেева вполне убедительно демонстрирует применимость западной методологии к анализу индийской религиозности, что позволяет вписать историю индийской религиозной мысли в мировую панораму рефлексии религии. Несмотря на изобилие материала, неизбежно создающего для исследователя большие трудности, Е.Н. Анিকেева с ними успешно справилась.

Одной из рассматриваемых в монографии проблем является соотношение личного и безличного в трех главных традиционных индийских религиях: ведическо-брахманистско-индуистской традиции, буддизме и джайнизме. Прояснение этих отношений позволяет также рассмотреть соотношение между западными категориями «теизм» и «теоцентризм». Ядро и сoterиологический идеал индийских религий составляют принципы и учения о безличном бытии/состоянии, безличном сверхъестественном — мокше, нирване, Атмане-Брахмане. Основа индийских религий безлично-пан(ен)теистическая в противовес абсолютно-теистическому фундаменту авраамических религий (монотеистической парадигмы). Последние можно определять как «теоцентризм» — учение об абсолютно-личном Боге, но это определение совершенно неприменимо к индийским (и другим политеистическим) религиозно-философским учениям, притом что категория «теизм»/«индийский теизм» уже широко закрепились за Ишвара-вадой и применяется как отечественными, зарубежными, так и индийскими авторами. Несовпадение значений «теизма» и «теоцентризма» в индийском контексте, обнаруженное Е.Н. Анিকেевой, находит теоретическое обоснование в концепции А.Ф. Лосева о разграничении между субстанциально-ипостасным пониманием личности (в христианстве), что может быть обозначено как «теоцентризм» / «монотеизм», и атрибутивно-функциональным пониманием личности (в философии Античности), что, в свою очередь, определяет границы онтологического статуса личных богов и теистических учений в политеистических религиях (политеистической парадигме). Введенное А.Ф. Лосевым разграничение пониманий личности позволило автору книги увидеть специфику индийского теизма в его атрибутивно-функциональном понимании Божественной личности.

Другой проблемой стали предпосылки специфических характеристик индийского теизма в текстах предфилософского ха-

рактера: ведах и упанишадах (шрути), в индуистском эпосе (смрити). Один из них был усмотрен в заложенном в ведических текстах онтологическом принципе относительности богов, проявляющемся в присутствии им диалектическом единстве личного и безличного. Принцип относительности богов прочно вошел и закрепился в последующих формах индийской религиозности, вплоть до современного индуизма, он был отрефлексирован и в индийской философии. На характер индийского теизма повлияла также история формирования термина «Ишвара» («Бог-Демидург»), просматриваемая в текстах шрути (букв. «услышанное», самой древней части комплекса ведической литературы) и смрити (букв. «запомненное», части ведического комплекса, включающей тексты, записанные после V в. до н.э.). Именно изменение представлений смысла термина «Ишвара» позволяет говорить не об абсолютно-субстанциальном, а об относительно-атрибутивном характере индийского теизма.

Представляя теоретическую рефлексию индийского теизма в индийской философии, автор отмечает два существовавших и существующих там мощных течения: Ишвара-вада (апологетов Ишвары) и нришвара-вада (критиков бытия Ишвары). Первое представлено йогой, поздней ньяей и вайшешикой, рядом течений веданты, частью школ в санхье и поздней мимансой; второе — чарвака-локаятой, джайнизмом и буддизмом. И здесь Е.Н. Анিকেевой удалось обнаружить новые факты. В частности, на основе анализа текстов навья-ньяи («новой ньяи») стало очевидным, что крайний логицизм не помешал ее основоположнику Гангеше (ок. 1350 г.) в контексте его логико-эпистемологических размышлений заняться Ишвара-вадой и включить систему доказательства бытия Бога в раздел о логическом выводе (анумана). Поскольку эти доказательства приводятся средствами вывода (анумана), то «Ишваранумана» (познание Ишвары посредством вывода) становится еще одним проявлением индийского теизма.

Интересную информацию дает сопоставление зафиксированных в текстах шрути и смрити, а также в философских сочинениях космогонических моделей: панентеистического эманатизма в двух его видах (Божественное жертвоприношение и рождение мира из Божественной сущности), демидургизма и «гендерной» космогонии. Яркий контраст между космогоническими моделями индийских религий и христианс-

тва (на примере креационистского учения, содержащегося в «Беседах на Шестоднев» Василия Великого) является следствием противоположности реализуемых двумя традициями религиозных парадигм: политеистической и монотеистической.

Не все высказанные в монографии авторские оценки могут быть приняты безоговорочно. На наш взгляд, малоубедительной выглядит так позитивно представляемая в книге «религиогенная» концепция происхождения индийской философии, поскольку выдвигаемые в ее защиту аргументы носят в основном вкусовой характер. Хорошо известно, что возникновению индийской философии помимо религиозного сознания предшествовал ряд факторов — преднаука (и особенно изыскания в области грамматики), нравственное сознание, фольклор и др. Слишком сильно и утверждение, что системы ньяя и вайшешика *сформировали* индийскую концепцию личного Бога. Поскольку вера в личных богов и религиозные учения о них исторически предшествовали появлению даршан вайшешика и ньяя, корректно было бы говорить о том, что в текстах средневековых комментаторов вайшешики и ньяи проводится философская разработка и обоснование учения о личном Боге.

Несомненно одно: книга Е.Н. Аникеевой «Проблемы теизма в индийской религиозности: философско-компаративный анализ» представляет собой самостоятельную научно-исследовательскую работу на актуальную тему, предлагающую авторскую концепцию индийского теизма. Суть ее в том, что категория «теизм», с одной стороны, не имеет универсалистского значения, неприменима для обозначения большинства религиозных (религиозно-философских) учений, с другой стороны, не обладает он и только узким значением, поскольку уже применяется не только в специфическом смысле, исключительно к авраамическим/монотеистическим религиям. Следовательно, категория «теизм» может иметь более широкую область применения, если включить в ее содержание признаки, соответствующие двум видам теизма: 1) субстанциальному теизму (монотеизму или теоцентризму) и 2) атрибутивно-функциональному теизму, понимаемому как учение о личном Боге (типа Ишваравады) в политеистических религиях.

UDC 201/23

INDIAN THEISM IN THE LIGHT OF PHILOSOPHICAL COMPARATIVE ANALYSIS

Kanaeva Nataliya Alexeevna,

National Research University
«Higher School of Economics»,
Associate Professor
of History of Philosophy Department,
Cand. Sc. (Philosophy),
Moscow, Russia.
E-mail: nkanaeva@hse.ru

Review of the book:

Anikeeva E.N. Problems of Indian Theism: Philosophical and Comparative Analysis. – Moscow: Publishing House of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 2013. 256 p.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 308.
Тел. (351) 771-42-30.
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «AntiPlagiат» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk,
Komarova st., 26, room 308.
Tel. 7 (351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.